

Индекс 70610

**На
боевом
посту**

ВН

10 '92

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

«Краповые береты» — гроза преступников, наша с вами защита.

Мы всегда расскажем читателям о них и других воинах правопорядка.

«Орехи» МНПК «Сигма»

И именно потому, что их весьма не просто «раскусить»

На сегодняшний день более двадцати тысяч «Орехов» различных классов защиты находится на вооружении подразделений Министерства внутренних дел, Министерства безопасности Российской Федерации, служб инкассации государств СНГ. Неизменно возрастающий объем поставок их на экспорт во многие страны мира свидетельствует о доброй репутации этих надежных изделий.

ПРОТИВОПУЛЬНЫЙ, ПРОТИВООСКОЛОЧНЫЙ БРОНЕЖИЛЕТ ДЛЯ СКРЫТОГО НОШЕНИЯ «ОРЕХ-2»

Обеспечивает защиту от пуль пистолетов калибра 5,6; 6,35; 9,0; 11,43 мм, а также от осколков гранат, от колющих ударов холодного оружия.

При установке дополнительных бронезащитных элементов на изделия они обеспечивают защиту:

1-го типа — от пуль пистолетов всех систем;

2-го типа — от пуль автомата АКМ (АК-74) и охотничьих ружей.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ:

Общая площадь защиты, м ²	0,4	
Масса, кг	3,0	
Площадь дополнительных бронезащитных элементов, м ²	0,2	
Масса с комплектом дополнительных бронезащитных элементов, кг:	1-го типа	6,0
	2-го типа	9,4

Совместное производство МНПК «Сигма» и НПО «Техника» МВД РФ.

-ЭТО ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО!

БРОНЕЖИЛЕТ ДЛЯ СКРЫТОГО НОШЕНИЯ "Орех-3" (БИЗНЕС-ВАРИАНТ)

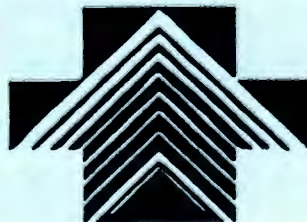

Обеспечивает защиту от пуль пистолетов калибра 5,6; 6,35; 9,0; 11,43 мм; от колющих ударов штык-ножа автомата АКМ (АК-74) заводской заточки.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ:

Площадь защиты, м ²	0,5
Масса, кг	2,3

Контактные телефоны:
273-28-38,
227-89-58,
297-11-96 (Fax).

ПРИЫАШАВИ

Московское производственное объединение "Второй часовой завод"
ПРИГЛАШАЕТ роинов внутренних войск, отслуживших срок действитель-
ной военной службы, на работу сладчиками, операторами автоматиче-
ских линий и станках с ЧПУ, электриками, специалистами инструменталь-
ного хозяйства, рабочими инструментального профиля. Объединение га-
рантирует среднюю заработную плату в размере 4000 и более рублей в месяц.
Ежемесячно выплачивается дотация в 100 рублей, а также 1200 рублей — к отпу-
ску.
Лица, не имеющие специальности, обучаются избранной профессии.
За время учебы выплачивается стипендия в размере 1200 рублей.
В объединении имеются детские сады и ясли, лагерь отдыха для
детей, базы отдыха в Подмосковье и г. Сочи, спортивный комплекс. Ве-
роятность заниматься строительством. Желающие продолжить учебу имеют
возможность заниматься вечерних и заочных отделениях приборост-
роительного института и техникума.

МОСКОВСКОЕ
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
"ВТОРОЙ ЧАСОВОЙ ЗАВОД"

Лавда

Наш адрес: 125040, Москва,
Ленинградский проспект, д.8. Отдел
кадров.
Контактные телефоны:
251-71-24, 257-06-64.

*НЕ ПОСЛУЖИШЬ—
НЕ УЗНАЕШЬ...*

СОДЕРЖАНИЕ

■ ПО СЛЕДАМ КРИМИНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

КОЗЛОВ И. Больше, чем смерть 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КИСЛЫЙ Ю. Караул устал... 11
 ЯСТРЕБА В. Трахома, или Сыскные страсти 15
 ГЕРАЩЕНКО В. Русские на Украине 18

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ПУГАЧЕВ В. Минута молчания (стихи) 9
 КАРАПЕТЯН Р. Два этюда 10
 СИМЕНОН Ж. Знакомая мадам Мегрэ (роман, продолжение) 38
 Сапоги всмятку (сатира, юмор) 53

■ ПУБЛИЦИСТИКА

КАРПОВ Б. Молитвы на улице Солдатской 22
 БЕЛИКОВ И. Биржа лжи и бесчестия 26
 КУЗЬМИН С. Ежовые рукавички 1937 года 30
 БУЛГАКОВ Б. Вокзалы 34

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

РОНИН Р. Черные демоны 55
 Шахматный клуб 58
 Клуб знакомств "Возможна встреча," 59
 Рыболовам и охотникам 63

ATTENTION FOREIGN READERS!

East View Publications handles:

- subscriptions
- back issues
- advertising

for Na boevom postu

For further details, please contact us at:
 EAST VIEW PUBLICATIONS
 12215 North 28th Place,
 Minneapolis, MN 55441
 USA
 voice: (612) 550-0961
 fax: (612) 559-2931

Адрес редакции:
 107120, Москва, Б-120,
 Сыромятнинский
 проезд, 8
 Телефоны:
 361-82-57,
 361-81-71.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

Сдано в набор 5.07.92 г. Подписано к печати 26.08.92 г.
 Формат бумаги 70x108 1/16 Усл. печ. л. 5,6 + вкл. 1/4 п. л.
 Уч. изд. л. 8,8. Зак. №1902. Тираж 36000.
 Цена свободная

Ордена "Знак Почета", типография "Красная звезда",
 123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
 ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
 ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙС

10'92

Издается с 1958 г.

Учредитель - МВА
 Российской
 Федерации

Главный редактор
 ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная
 коллегия:

АМЕРХАНОВ В. Ш.
 (зам. главного редактора),
 АФАНАСЬЕВ В. В.,
 БОРУКАЕВ Б. Р.,
 ВОЛКОВ О. Л.,
 ВОРОЖЦОВ В. П.,
 КАЛАЧЕВ Э. В.,
 КАРЕВ А. Н.
 (ответственный секретарь),
 КАРПОВ Б. В.,
 КОЗЛОВ И. Т.,
 КУЗЬМИН Н. П.,
 НЕЧАЕВ Е. А.,
 ПАНКРАТОВ Л. А.,
 ПЕЧЕВОЙ Л. Н.,
 ПРОКОПЕНКО Н. Н.,
 СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.,
 СМИРНОВ Л. Л.,
 УСКОВ В. Н.,
 УШАР А. Г.,
 ФИЛАТОВ В. И.,
 ФРОЛОВ В. С.,
 ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Художественное оформление

С. П. Копылова,
 Е. К. Селиковой.

Корректоры

Е. Ю. Гаврилова,
 И. Ю. Семябратова.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ СМЕРТЬ

ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ:
8 апреля 1991 г. В 7 час. 45 мин.
во дворе своего дома по адресу...
выстрелами из автомата убит
офицер внутренних войск
полковник Блахотин В.П...

ПРЕДИСЛОВИЕ

УТВЕРЖДАЮТ, что история многому учит. Но мир, уаь, почему-то не становится совершенней.

Вот пример тому, из классики. Эсхил. Орест по воле бога Аполлона вершит правосудие: жестоко мстит убийцам своего отца. Трагизм происшедшего усугубляется тем, что от меча сына гибнет и мать, в свое время предавшая супруга ради любовника. Правым чувствовал себя Орест, стоя перед поверженными врагами, но богини мщения Эринии омрачают его рассудок, заставляют скитаться по чужим странам, терпеть горе и лишения, ибо, по их мнению, нет оправдания любому кровопролитию, любое кровопролитие — это преступление. Суд из афинских старейшин решает участь Ореста, и тут поровну делятся голоса в его защиту и наказание. Смертные не в силах определить, как должен в подобной ситуации поступать человек, и даже боги, вмешавшись в ход судебного разбирательства, испытывают затруднения в, как бы сейчас сказали, квалификации поступка героя. В конце концов они оправдывают его, но сам Орест не находит теперь себе места, ибо гложут его воспоминания о случившемся, и невозможно их вычеркнуть из памяти так прг сто, по решению суда или бога ...

Об этом поведал нам великий грек. Словно задал потомкам задачу: вы-то на чьей стороне будете, какую сторону суда поддержите? Эсхил, наверное, тоже думал, что годы и века сделают нас мудрее богов, раз история многому учит. Но...

Но давайте заглянем в другую трагедию, где действуют те же герои: и Орест, и сестра его Электра, и те же Эринии. Итак, Сартр, "Мухи". То же, что и у Эсхила, действие, но сдвинутое по времени к нам.

В города, когда-то знатные, богатые, в дома когда-то гордых и независимых жителей полчищами слетаются жирные мухи, чужа запах падали и растления. Мухи — наказание за то, что люди стали жить, не помня былого. Орест теперь — только герой, а не страдалец, ничто не терзает его: "Я не могу жить воспоминаниями, я — свободен!". Да, ничего не помнить — легко. И потому с неприязнью относится он к предупреждениям Электры: нельзя быть свободным от своей памяти, если тебе нечем дорожить, если ты не боишься потерь, если тебя никогда не одолевают сомнения, то ты не станешь порядочным человеком. Абсурдной кажется ему сентенция сестры: если полная свобода вспыхнула в душе, то даже боги бессильны тебе помочь. "Но я хочу полной свободы! — восклицает Орест. — Хочу освободиться от воспоминаний, от опыта прошлой

жизни, от всего плохого и хорошего. Так я всегда буду чувствовать себя правым. Да я ведь и в самом деле прав — меня оправдали боги, и я не хочу больше думать о том, что было!». Так говорит Орест собравшейся послушать его толпе, и толпа выдыхает не понятно кому — то ли богам, то ли всем нам, живущим, страшные по обнаженности слова: «Простите нам, что мы живы». Толпа понимает, чем может обернуться эта разгульная полная свобода, — от совести, от нравственности, от обязанностей перед обществом, от геной памяти, в конце концов.

Так чему же научила история нынешних Орестов? Не считаться с богами, со старейшинами? Забыть о сострадании к ближнему? О том, что кровь людская — не водица?

Возможно, кто-то скажет, что в литературе, мол, и не то сочинить можно, что в жизни все не так...

Не так. Страшней и драматичней. Прочтите в газетах хронику происшествий, посмотрите по телевизору очередной репортаж из горячей точки, побывайте на любом кладбище — сколько свежих могил прибавило там нынешнее время?!

Вот и еще один холмик появился...

1. ПО ЛОГИКЕ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Полковник внутренних войск Владимир Павлович Блахотин был застрелен из автомата в центре Ростова-на-Дону в начале апреля прошлого года. Выстрелы раздались в семь сорок пять, а еще минут через семь-восемь оперативно-следственная группа была уже на месте происшествия.

Геннадий Григорьевич Бондаренко стоял у «Волги», с выбитым стеклом и разглядывал гильзы, валявшиеся под ногами. Стреляли в Блахотина почти в упор. Оружие, судя по всему, иномарка. Убийц было двое, как утверждают очевидцы, оба — кавказцы. Вот пока все, что знает он, заместитель начальника уголовного розыска столицы донского края.

С гильзами возятся сейчас специалисты по баллистике, а Геннадий Григорьевич разглядывает эти уже остывшие латунные кругляшки по выработанной привычке уцепиться за что-то взглядом, чтоб четче работала мысль. Ничего ли не упущено из того, что надо предпринять немедленно? Кажется, ничего.

— Саша, — это он к старшему лейтенанту Измайлову, — ну-ка, подскажи, что сейчас для нас самое главное, а?

— Блокировать все загородные трассы, да? — вопросом отвечает тот.

— Тепло. И потом, ты же знаешь, они уже блокированы, на постах и гаишники, и солдаты. Через час после выстрелов мы перекрыли все, что посчитали нужным. Давай дальше.

— Проверяющим машины фотороботы нужны, этих, кавказцев.

— Опять тепло. — Он взглянул на часы. — По моим расчетам, портреты уже готовы и скоро будут у тех, кому они предназначены.

— Тогда сдаю, товарищ подполковник.

— Ты, Саша, главного не назвал: надо сейчас молить судьбу, чтоб как можно меньше начальства на нашу голову свалилось. Наедут ведь, и из Москвы, и местные чины. И всем мы позарез будем нужны, чтоб выслушивать ценные указания.

— Без подказок обойдемся?

— Я о другом немного. О том, что когда к тебе приходит, допустим, кавалерист и начинает рассказывать, как надо самолеты водить... Нам помощь профессионалов нужна. Таких, как Колесников Владимир Ильич. Помнишь его? Служил у нас, регион знает, теперь в Москве, на генеральской должности. Запищала рация. «Из дому, сообщили: дневным рейсом в Ростов вылетает Колесников. Услышав это, Измайлов только головой покачал:

— Ну и чутье у вас, Геннадий Григорьевич.

— Это не чутье, это просто здравый смысл. Я подумал, что на месте самого высокого начальства я поступил бы точно так же... Ну, что самое главное — мы разобрались. А теперь, Саша, скажи, что самое трудное для нас с тобой в данной ситуации?

— Это я знаю, — улыбнулся старший лейтенант. — Ждать.

— Точно в «яблочко». Ждать.

Ждать вестей с вокзалов, аэропорта, постов, ждать новую информацию от свидетелей, от экспертов — от родственников погибшего, разрозненные слова и факты выстраивать в логические конструкции, искать закономерности и тогда уже составлять план действий...

Но пока — ни новых слов, ни новых фактов. Его ребята пока в поиске.

Надо ждать.

В двадцать ноль-ноль к одному из постов ГАИ подъехали «Жигули». Водитель вышел, спросил у гаишников, когда заступает на службу его знакомый. Назвал фамилию. Завтра утром, ответили ему.

Сколько их, таких эпизодов, было за истекший день только на данном посту? Так стоит ли на каждый обращать внимание?

Стоит. Преступники, если они еще в городе, наверняка не будут уходить вслепую: им нужен верный «коридор», нужна разведка трассы, это любому понятно. Несколько машин сегодня уже «отслежили» — ничего. Теперь эта.

Бондаренко терпеливо ждет, когда ему сообщат немного подробней о водителе, то бишь хозяине «Жигулей». Словоохотливые постовые вовлекают того в разговор, а в это время по номерным знакам добывается какая-никакая, а все ж информация. Маркосян Аршалуйс Грачинович, двадцать семь лет, местный житель, «балует» наркотиками, в основном «соломкой». На виду у милиции и по другому поводу: богатую уголовную биографию имеет его брат...

Казалось бы, при чем тут брат-уголовник, при чем наркотики? Ростов — город развеселый, и не таких людей в нем найти можно. Ни Маркосян, ни его попутчик, сидевший в кабине рядом, не похожи на тех, кто на фотороботе. Да и не станет наркоман стрелять, это удел других: или психов, или...

"Садимся на хвост", — решает Бондаренко.

Что это — здравый смысл, чутье?

По дороге к дому Маркосян делает несколько остановок: у киоска, у магазина, у многоэтажного жилого дома, что на улице 339-й Стрелковой дивизии. Там оба, он и пассажир, вышли, исчезли в одном из подъездов и вернулись к машине через четверть часа. Далее путь "Жигулей" пролег, как и предполагалось, по угадываемому маршруту: к дому Маркосяна.

Оперативники работают в ритме степа. Образно говоря, горят подошвы у ребят Бондаренко. Что Маркосян покупал, с кем и о чем разговаривал, кому улыбнулся, кому подмигнул — все им надо знать. Узнают. Ничего существенного, никаких контактов, поступков, которые могут вызвать интерес.

Вот остановка у дома — другое дело. Тут — не покупка сигарет или бутылки кефира, а встреча, разговор. Вполне возможно, встреча просто со знакомым, а разговор — о женщинах или футболе. Но надо не гадать, а знать наверняка.

Перед Геннадием Григорьевичем длинный, на несколько листов, список жильцов дома. К кому из них мог наведаться Маркосян? К землякам? Есть в доме армяне, несколько семей. Люди разные, и как угадать, у кого из них могут быть общие интересы с хозяином легковушки? Хотя, если учесть, что интересы того — наркотики, то круг поиска существенно сузится.

Коллеги выдали информацию оперативно: да, есть в списке жильцов тот, кто тоже равнодушен к зелью — и сам им пользуется, и приторговывает. Акопян Карлен Ягубович, чуть больше тридцати лет, человек нерешительный, безвольный, далекий от политики... Это все Бондаренко отмечает к тому, что Акопян на роль убийцы не годится.

Так неужто Маркосяна "вели", зря? Но зачем-то он приезжал на пост ГАИ! Чтобы узнать, на службе его знакомый или нет, не стоило гонять машину: гораздо проще снять трубку телефона и позвонить тому домой.

В 23.00 Аршалус Маркосян и сопровождавший его в поездке Мкртыч Сапонджян, двадцати девяти лет, были задержаны за раскуриванием наркотиков у дома Маркосяна. Оба сначала попытались было отречься от очевидного: от того, что делали остановку на улице 339-й Стрелковой дивизии. Оба же, едва взглянув на портрет, составленный фотороботом, быстро отвели прочь глаза: не знают такого. Очень быстро Бондаренко отметил это для себя, но форсировать события не стал.

При упоминании фамилии Акопяна Маркосян понял: оперативникам кое-что известно наверняка. И признался: да, завезжали к Акопяну, разжились у него "соломкой".

Вот так завершился день первый. Почти ничем.

В логическую цепочку выстраивать пока было нечего.

Время же не ждало. Уже по городу ползли слухи, что, очень даже может быть, убийцы ошиблись в выборе жертвы: пули якобы предназначались другому и скоро опять могут прогреметь выстрелы.

И не было пока доказательств даже того, что слухи эти — сушая выдумка. По официальным каналам поступила похожая информация. Свержу жали: поспешайте. Хорошо, что приехал полковник Колесников: "Работайте, товарищи, без суеты, подгоняющих вас я на себя замкну".

День второй, то есть девятое апреля 1991 года, начался с маленькой сенсации. Поначалу, правда, не было ничего необычного. Ребята, следившие за домом Акопяна, сообщили: тот в девятом часу вышел на прогулку, направился на улицу Кронштадтскую, по адресу, где (милиция знала это) страждущие могли добыть наркотики. Его решили брать при выходе из дома, так сказать, с личным. На задержание выехал сам Бондаренко, несколько оперативников и омоновцев. "Приняли", Акопяна чисто, никто из многочисленных прохожих даже не обратил внимание на то, что тот садился в машину, остановившуюся у края тротуара, не по своей воле.

В 9.00, уже с ордером на обыск, были "в адресе", или, говоря проще, на квартире Акопяна. Знали, что найдут там наркотики. Не ошиблись. Но нашли не только их. На диване лежал с газетой в руках человек, встречу с которым оперативники никак не могли предполагать. И дело даже не в том, что при нем оказалось три паспорта с его фотографиями, но с разными фамилиями, одно удостоверение личности офицера, один военный билет. Незнакомец отказался отвечать на вопросы оперативников, и его личность установили иными путями. Вот тут-то и пришлось удивиться.

Багманян Акоп Гаврушевич, 1962 года рождения. В мае 1990 года был арестован и осужден в Прибалтике за приобретение и хранение огнестрельного оружия, но в том же году освобожден из-под стражи и отправлен на стройку народного хозяйства для условного отбывания наказания. Бежал оттуда. Розыск его дал следующие результаты: Багманян погиб в авиационной катастрофе, свидетельство о смерти выдано его матери в Степанакерте. В связи с этим розыск преступника был прекращен.

Среди паспортов и прочих бумаг у Багманяна были и четыре командировочных удостоверения. Благотворительное армянское общество "Амарас", для укрепления религиозных связей послало в Ростов-на-Дону Камо Егияна, Армена Антоняна, братьев Багманянов — Самвела и Акола.

Акоп сидел теперь перед Бондаренко и молчал. Не отвечал на вопросы и Карлен Акопян. Зато его жена сказала все, что знала:

— Нечего таить, устала я от такой жизни, перед людьми уже стыдно. Муж — наркоман,

квартира — как гостиница. Эти, командированные, приходили сюда. Кстати, в гостиницах они тут и живут, не знаю, где именно, просто слышала разговоры...

Взглянув на портрет, составленный фото-роботом, тут же пояснила:

— Это один из них, Антонян. Натворил чего-нибудь?

— Пытаемся разобраться...

Проверка гостиниц показала следующее: Самвел Багманян и Егян остановились по прибытии в город в "Интуристе", Акоп Багманян и Антонян — в "Ростове". За сутки до убийства Блахотина все четверо покинули номера.

— Они уехали домой, — неохотно пояснил Акоп. — А я задержался. — Криво улыбнулся. — Чувствую, теперь надолго.

Очень скоро выяснилось, что Багманян врет. Оперативники установили: Самвел Багманян и Камо Егян, проживая в "Интуристе", обедали в ресторане за одним и тем же столиком, который обслуживала официантка Н. Все дни мило беседовали с ней, давали щедрые чаевые и жаловались на номера: дорогие, но уютные, казенные. Мол, готовы и дороже платить, но жить в домашних условиях. Официантка пригласила их к себе... В Армению они не уехали, по крайней мере, вчера, в день убийства Блахотина, их видели соседи Н., и сама она не отрицает это.

Один из Багманянов задержан. Если оставшаяся троица еще в городе и если она чувствует, что покинуть Ростов сейчас будет крайне сложно, то куда она может податься? Где объявится? На этой квартире? Или у Маркосяна? Или у Н.? Впрочем, уже получены сведения, что у Армена Антоняна в номере часто гостила подружка, девочка без определенного рода занятий, любительница острых ощущений В. Значит, есть еще одна квартира, где можно ждать посланцев "Амараса". Если же учесть, что у этой В. обширное число подружек...

Дело струнулось с мертвой точки. Уже есть с чем работать, есть над чем думать, что анализировать.

Но самое трудное — опять ждать.

На следующий день поздно вечером, в двадцать три часа, на квартиру к Карлену Акопяну явился Камо Егян. Вот первое, что он сказал, увидев оперативников: "Я не убивал. Это Антонян. Нам приказал Акоп... Но я до последнего был уверен, что мы приехали сюда по делам церкви. А Акоп приказал убить... Но не я..."

Итак, уже можно было почти не сомневаться: полковника Блахотина застрелил Армен Антонян. Он пока на свободе. И пока не обнаружено оружие, которым он воспользовался. Этот факт держал в напряжении всех. Ведь у Антоняна, как показал Егян, а потом и Самвел Багманян (его взяли днем позже, он тоже пришел на эту квартиру, чтоб получить указания для дальнейших действий от старшего брата), кроме автомата, были граната и некое взрывное устройство, которое можно было прикрепить и к двери комнаты, и к кузову машины.

В шестнадцать часов следующего дня в заброшенном полуразваленном доме,

неподалеку от квартиры, где жил хозяин "Жигулей", Аршалус Маркосян, мальчишки "откопали" необычные для себя находки: гранату и автомат "Скорпион". Баллистки провели экспертизу, подтвердили: пули, изрешетившие черную "Волгу", выпущены из него.

Куда же мог деться последний из страшной четверки? И не просто последний, а как раз тот, кто убивал? Неужели все-таки прорвался и уехал на Кавказ? Могло быть, конечно, и такое. Но задержанные его сообщники, каждый по чуть-чуть, навели на другую мысль. В принципе, они понимали, что уехать домой после содеянного будет сложно, и предусматривали варианты для дальнейшей деятельности. В частности, нашли квартиру того же Акопяна, тихую, неприметную, где планировали встречаться в крайних случаях, пока не откроется надежный коридор для того, чтобы выбраться из города. Тогда же Антонян говорил, что хорошо бы ему мотануть на Украину, там у него работают родственники, тянут газопровод.

Это все, что удалось выудить у задержанных. Остальное уже устанавливали по своим каналам. И как только установили, в тот же день в украинский городок Селидово выехала группа во главе с Владимиром Валентиновичем Бабенко.

... Действовать надо было крайне осторожно. Местные коллеги (которые, кстати, оказали огромную помощь группе) предупредили: контингент газовиков-строителей до того пестрый и разношерстный, что трудно прогнозировать их реакцию на информацию о разыскиваемом преступнике. Вполне возможно, кто-то начнет помогать последнему или хотя бы поставит его в известность о том, что оперативники идут по следу.

Но у Антоняна была слабость: все те же наркотики. Должен же он их где-то добывать в Селидове? Здесь главные поставщики зелья — цыгане. Вот с ними-то и "задружили" розыскники. Улыбка за улыбкой, слово за словом. "А вы такого не знаете?", — и фото Антоняна показали. Цыгане насторожились, не любители они тайны других выдавать: "А в чем дело?", "Девчонку, гад, обидел.. Ну, тут у них свой кодекс чести, своя строгая мораль: "Тогда берите его, он скоро за травкой придет..."

Двенадцатого апреля в три часа дня был задержан еще один член преступной группы, тот, кто и убил полковника Блахотина, — Армен Антонян.

Так приблизилась развязка истории, эхо которой прокатилось, без преувеличения, по всей стране.

2. НОВЫЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ, или Тулик в перспективе

Первую часть очень хотелось закончить несколько иначе. Всего слово-то и заменить: написать, что задержан не еще один, а последний, именно по с л е д и и й, член преступной группы. Увы...

Но пока отвлечемся от этого и поговорим

на несколько иную тему. На тему тяжкую, жутковатую, криминальную.

О времени, в котором так мало стоит человеческая жизнь.

Вообще-то она, жизнь, во все века была подвержена опасностям. Караулил жертвы маньяк-одиночка, которому убивать было все равно кого — важен процесс. Хватались за ножи и топоры одурманенные алкоголем. Лилась кровь из-за женщин. Готовились к покушениям уже на конкретных лиц позарившиеся на чужое богатство...

К тому времени, когда этот материал увидит свет, следствие по делу об убийстве полковника Блахотина завершится, но уже и сегодня можно с уверенностью сказать, что ни одна из вышеперечисленных причин не подходит к данному случаю. Не деньги, не женщины, не водка — совсем иное вложило в руки оружие тем, кто прибыл из Армении в Ростов-на-Дону с командировками от "Амараса". Пожалуй, в самое оживленное время суток, в большом дворе, в центре города убийцы разыграли спектакль, сделали все возможное для того, чтоб выстрелы услышала масса народа. Им надо было больше, чем убрать конкретного человека. Как это ни кощунственно звучит, но расправиться с офицером они, профессионалы, могли и в Закавказье. Ведь только с января по начало апреля того года Блахотин был в Степанакерте, Горисе, Ереване, опять Степанакерте. Был на заставах, ездил по серпантину горных дорог, встречался с местными жителями. И вроде бы не было нужды отборной четверке боевиков отправляться в донские края, завязывать здесь знакомства, изучать маршруты следования Блахотина, его распорядок дня...

Но это — вроде бы. По логике, так сказать, здравого смысла. Убийцами же двигал иной смысл, иная логика — логика войны. И чувствовали они себя по этой же причине не наемными убийцами, а героями.

Война, война. Одно время, помнится, газетчикам не рекомендовалось употреблять это слово относительно Закавказья: не надо, мол, переклестывать, пугать народ, накалять обстановку; внутреннему войска в Карабахе — лишь для того, чтобы уладить ссору между двумя республиками. Но с миротворческой миссией обычно посылают не столько солдат, сколько дипломатов. Они должны находиться под перекрестным огнем политических споров, дискуссий. Вместо этого под огонь, и отнюдь не образный, пошли военные. Горькие извещения черными птицами летели в Россию, Беларусь, на Украину, в Казахстан... А потом из-за "ссоры между двумя республиками" стали далеко от Карабаха взрывать вагоны пассажирских поездов, и буквально на другой день после героической смерти в Закавказье лейтенанта Олега Бабака автомат сразил полковника Владимира Павловича Блахотина. Далеко от передовой. Но такова, повторимся, логика войны: военные действия могут происходить всюду.

Трудно определить, какая же это война: гражданская, коль началась в пределах общего тогда еще Союза, или националистическая? Земли кому-то не хватало, воли, независимости или власти, популярности? Кому

она несет благо, кого разоряет? Вроде бы такие глобальные вопросы не имеют отношения к выстрелам в Ростове, но давайте не спешить с выводами. Не будем спешить до такой степени, что отвлечемся вообще от дня сегодняшнего, уйдём в далекую историю и оттуда — "большое видится на расстоянье", — посмотрим на самих себя.

Тридцатые годы семнадцатого века, Средняя Германия, войска императора сражаются против отрядов протестантов. Гражданская война. Человека сначала ставит в тупик, а потом разражает уже одно то, что свои бьются против своих (в Тридцатилетней войне участвовали, правда, и шведы, и французы, и датчане, цель которых была одна: развалить сильную империю на отдельные княжества. Они достигли своего: по Вестфальскому миру страна рассыпалась на конгломерат крохотных государств-княжеств. 30 миллионов жителей — и почти триста княжеств). Так вот, идет, повторяюсь, гражданская война, горят деревни, орут изнасилованные девки, стоят виселицы вдоль дорог, а по этим дорогам едет на повозке вполне счастливая женщина: матушка Кураж. Как бы мы сказали, конфликтные ситуации — пока благо для нее. Раньше у хозяйки передвижной лавки товар плохо расходился, а сейчас торговля бойче идет. Надо солдату победу отметить — к ней бегут за покупками, надо захоронить кого и по такому случаю обед справить — опять к матушке Кураж. Ей все равно с какого лагеря покупатели, ей главное — чтоб больше побед было да чаще по покойникам поминки справляли...

Она добрая, хорошая, просто-таки славная сама по себе женщина. И утешить, и пожалеть может. Политика и война ей до лампочки — лишь бы жилось хорошо. Но беды не обходят ее стороной, война отнимает у матушки детей, хорошего человека... И что же? Думаете, коль убиты даже лошади ее повозки, то славная матушка Кураж задумалась и поняла, в каком бедламе она живет? Так нет же: женщина сама впрягается в повозку и спешит вслед за уходящими войсками. Душа ее уже растрепана, она уже свыклась с мерзостью такого вот существования.

Бертольд Брехт, назвав свою пьесу памфлетом, смотрел не в прошлое, не в настоящее даже (незадолго до создания пьесы отгрохотала вторая мировая) — он смотрел в будущее. Из гражданской войны, где сосед идет на соседа, мы никогда не выйдем очищенными, никогда — победителями, никогда — свободными...

Впрочем, о свободе — разговор особый. Вспомним Ореста и людей, слушающих его: "Простите, что мы живы...". Беда, коль свобода — разгульная.

Не за такую ли свободу льется кровь в Закавказье? Что там у людей, хлеба не было, крова не было, свободы выбора вероисповедания не было? Сейчас матушка Кураж потянулась вслед за военным обозом — это в том смысле, что люди свыклись с войной, у них накопился багаж взаимных претензий и обид, но в начале конфликта и армяне, и азербайджанцы с болью говорили о том, что десятилетия жили они с соседями дружно, вместе делили радость и беду, а поссорили их бандиты, дерущиеся за власть и деньги.

Говорилось это с крестьянской прямолинейностью, воспринималось же вполне нормально. Обстреляно село... убиты чабаны... похищено оружие — конечно, права жители: бандитский почерк. Вот кто заинтересован разбойным действиям придать национальную окраску? Кто разжег искру, обратившуюся в пламя Баку, Нахичевани? Кто — что самое страшное — все сделал для того, чтобы карабахское достоинство человека поставили в зависимость от его национальности? Они все меньше вспоминают былую дружбу, все чаще говорят во гнев: «Эти армяне...», «Эти азербайджанцы...». Кто?..

Риторический вопрос, на который вряд ли когда мы получим ответ. Потому что мало кто заинтересован в честном ответе. Правовые нормы, юридические каноны, мораль, этика, нравственность — все теперь вторично, главное же — интересы нации.

Внутренние войска вошли в конфликтные зоны Закавказья защищать не интересы Москвы, а спасать от гибели людей. Уже писалось о том, что политики упустили момент тогда, когда можно было вмешаться и что-то поправить. Бездействовали политики. Представим теперь, что такую же позицию заняли бы и войска: скорее всего, нынешняя трагедия Ходжалы затерялась бы на фоне того, что могло произойти, скажем, зимой девяностого года. Войска, жертвуя людьми, выполнили главную миссию: не дали втянуть в великую национальную резню массы, как могли, стабилизировали обстановку, по великим законам гуманности не щадили себя, спасая других. Что заслужили в ответ? Прозвища оккупантов и карателей. Так нас прозвали, конечно, не простые жители республики, а те, кому смута — лучшее время для захвата власти и богатств.

Совершилось уголовное преступление — погиб полковник Блахотин. В связи с этим, естественно, возникла масса вопросов к армянской стороне. Вот лишь некоторые. Убийцы летели в Ростов на самолете, так кто же им содействовал в том, чтобы попасть на борт корабля с автоматом, патронами, гранатой, взрывным устройством? Кто «ангел-хранитель», Акопа Багманяна, этого вампира, воскресшего из мертвых? Что это за организация такая — «Амарас»? Ведь на счету ее «представителей», — и расстрел в Закавказье офицера Советской Армии подполковника Олега Ларионова, майора внутренних войск Игоря Иванова, сержанта Ивана Гоака, журналистки Салатын Аскеровой. В материале уже упоминалось о подруге Армена Антоняна: она знала многое, по всей видимости, была не только свидетелем, но и участником преступления. Сразу же после убийства Блахотина она выехала в Армению, где ее ждали и приютили. Ростовские чекисты все же напали на ее след, выехали, чтобы доставить ее к месту, так сказать, проживания. О поездке знали лишь несколько ответственных сотрудников МВД и КГБ Армении, и тем не менее, уже когда задержанная сидела в салоне самолета, сюда же ворвались вооруженные люди и увезли ее в неизвестном направлении. Без сомнения, информация о всех планах и действиях ростовских чекистов была известна не только двум-трем

армянским коллегам, но и армянским же борекам. Как это стало возможным?

Повторюсь: это лишь некоторые из множества вопросов, те, которые, так сказать, на поверхности. Но и на них вряд ли прозвучат на суде ответы.

Развалился Союз. Дышит на ладан СНГ. Каждое из «государств-княжеств» (может, их тоже под триста будет, как в Германии семнадцатого века?) спешит заверить мир в своей самой демократичной демократии, провозглашает свои идеалы, где речь, конечно же, идет о защите интересов нации и каждого своего гражданина в отдельности, высказывает намерения стоять на страже законов. Уже многие готовы разделить членство с Интерполом...

Как ни парадоксально, но с Интерполом ладить, может, и легче будет, чем друг с другом. С ним — границы на замке, работы меньше. А тут — пока единое географическое пространство: уголовники могут путешествовать по территории всех бывших республик и безнаказанно творить свои дела. Потому как географическое пространство еще есть, а единое правовое, хотя именно оно надежней любой валюты должно было укреплять Содружество, странным образом разваливается. (Станным хотя бы потому, что Латвии, к примеру, мы можем выдавать рижских омонцовцев, честно выполнявших приказы Центра, а из Армении не можем доставить в Россию преступника.)

Право и закон как своей, так и соседних держав чтили еще древние греки, те, о которых писал Эсхил. А мы будто не понимаем вовсе, что без этого выстрелы в центре Ростова вряд ли окажутся последними из серии политических убийств. Без этого вполне вероятно перерастание войн между бандитскими кланами в войны гражданские, перерождение отпетых уголовников в национальных героев.

Так становимся ли мы совершеннее? Так учимся ли у истории быть мудрее: помнить свое прошлое, бояться потерь? В нашем прошлом ведь много такого, чего не стоило бы терять. Русским ли, армянам, молдаванам, украинцам... Иные потери больнее смерти.

Давайте станем хоть капельку ответственны перед прошлым и будущим, чтоб не сказать завтра потомкам: «Простите нас, что мы живы».

Майор И. КОЗЛОВ.

Владимир ПУГАЧЕВ,
подполковник в отставке

В сорок первом встал в армейский строй Владимир Николаевич Пугачев. Воевал — оборонял Кавказ, освобождал Кубань, участвовал в Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях. Трижды ранен. После войны долгие годы служил во внутренних войсках. Он — автор книги стихов «Маки», вышедшей в Красноярском книжном издательстве в 1990 году. А двумя годами раньше за поэму «В вечном строю», посвященную памяти сына, погибшего в Афганистане, ему присуждена премия журнала «Наш современник».

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Перед атакой

Напряжено терпенье до отказа.
Глотая горький самокруток дым,
Мы молча ждем сигнала и приказа.
Мы ждем и курим,
Курим и молчим.

Мы представляем,
Как непросто это —
Убить врага и смерти избежать.
Неотвратимо близок час рассвета,
Его совсем уже недолго ждать.

Бледнеет ночь.
Недвижен тихий дол.
Не шелохнется трав густых
сплетенье.
И вдруг ракеты росчерк расколол
До горизонта небо в отдаленье.

Как будто от бикфордова шнура,
Взорвалась тишь от края и до края.
И грянуло раскатисто «Ура-а-а!»
На самый трудный подвиг призывая.

Окопы время ливнями замыло.
Фронтовиков состарили года.
И кое-кто уже о том, что было,
Советует забыть нам навсегда.

Советует. Да полноте, ему ли
Судить о том, что помнить,
что забыть?
Советчик тот,
когда мы шли под пули,
Под стол пешком
едва ли мог ходить!

Есть и другие умники:
газету
Или журнал сегодня разверни —
Бациллы лжи летят по белу свету,
Эфир и тот заполнили они.

Россию—мать, защитника—солдата
Срамят и хают, не жалея сил,
Забыв о том,
где родились когда-то
И кто за них на смертный бой
ходил.

Воистину блаженны те, что пали
Геройской смертью в грозные года.

Когда бы все они сегодня встали,
Не миновать бы Страшного суда.

Ретивцам тем,
что удержу не знают,
У коих стяг победный
не в чести,
Не зря народ сказал:
"Собака лает,
А ветер носит".
Господи, прости!

Другу

Мой друг, товарищ неизменный,
Зайди ко мне на огонек,
Чтоб я в беседе откровенной
С тобой бывшее вспомнить мог.

И наши детские забавы,
И светлой юности года,
Когда во всем мы были правы,
Как часто думалось тогда.

Мы, и влюбляясь, не гадали,
Что нам грядущий день сулит,
В какие огненные дали
Судьба шагнуть нам повелит, —

Откуда в отчий дом вернуться
Не многим было суждено...
И если ныне оглянуться
Нам на минувшее дано,

Пускай минутное молчанье
Прервет душевный разговор,
Чтоб той порой однополчане
Явились вновь на общий сбор.

Для всех
из нашей павшей рати
В сердцах товарищей живых
До самой смерти места хватит —
Мы продолженье жизни их.

А все, что было лично с нами,
И что на этот день при нас,
Пусть наша дружеская память
Сама подскажет в добрый час.

Маки

..В тот день
диск солнца жарко полыхал,
Куда ни глянь —
повсюду рдели маки.
В четвертый раз
наш батальон вставал
Под ливнем пуль
для штыковой атаки.

С пальбой мешался
орудийный гром,
Земля ждала заветного покоя.
И цепи алых маков под огнем,
Не кланяясь фашистам,
гибли стоя.

Мы одолели —
Мертвым враг лежал.
Но наши роты тоже поредели.
На алых маках друг мой умирал.
..А в синем небе жаворонки пели.

Ворота

Я в юности, как многие,
учиться
Спешил, наметив трудный перевал.
И каждой книги новую страницу
Я, как ворота
к знаниям, открывал.

Но грянул Сорок Первый.
Полетели,
Как стаи птиц испуганных,
мечты.
Четыре года не снимал шинели
Я на дороге смертной маеты.

Какая в мире есть еще работа
Труднее той,
что мы зовем войной?
Недаром Бранденбургские ворота
Почтительно
открылись предо мной!

Прапорщик
Роберт КАРАПЕТЯН

ПАХАРЬ

На краю земли у высоких холодных скал жил человек. Из года в год пахал он свое поле, сеял рожь, и о его урожаях так много говорили, что в конце концов злые и завистливые чужеземцы нагрянули сюда и отняли землю.

— Как же мне жить? — спросил их человек.
— Ведь пахарю нельзя без земли.

— Это твоя печаль, — засмеялись ему в ответ. — Раз ты такой умелый — поднимайся в горы и возделывай их.

А пахарю ничего иного и не оставалось. Вырубал он в камнях террасы, поднимал туда землю в корзинах... А чужеземцы смеялись над ним, загнав своих коней на его ржаное поле.

Но однажды, к своему удивлению, заметили они, что заколосилась пшеница там, где совсем недавно темнели лишь безжизненные каменные плиты. К тому времени поле внизу они уже вытоптали и потому вновь прогнали человека, заставив его подняться еще выше, туда, где не рос даже

бурьян. А сами принялись делить урожай пшеницы. Пахарь недолго переживал: разве будешь сытым от одних переживаний?! Собирал он по горсти, по щепотке землю, собирал росу с холодных камней, холил каждое зернышко. И вознаградили его труд густые побеги.

Чужеземцы же тут как тут: в свои амбары волокут его зерно, своих коней выгуливают на его пашне.

— Куда же мне идти теперь? — спросил он их. — Ведь выше совсем ничего нет, выше — только небо!

— Вот и отправляйся туда, — услышал в ответ. — Может, ты такой умелый, что и небо вспашешь!

И так им шутка эта понравилась, что много дней смеялись они. Замолчали лишь тогда, когда не стало чем кормить ни себя, ни коней. Пустыми стали амбары, вновь в камень превратились поля, пересохли родники, за которыми когда-то ухаживал пахарь... Кинулись они искать его — да где там! Пали их кони, повалились и сами они на ставшую мертвой землю. Последнее, что сумели разглядеть: на краю неба шел человек за плугом...

А что ему, пахарю? Ему и беда не беда. А беда тому, кто топчет поле, не научившись его возделывать.

НИ СЛОВА О ЛЮБВИ

Четвертые сутки идут учения, четвертые сутки мы в дороге. Урывками спим, урывками глотаем холодные концентраты, урывками переговариваемся. Вводные поступают за вводными, в "кэшээмке", то и дело сталкиваются лбами над картами, и сухие, неживые, как пожухлые листья, витают над нами слова: "азимут... эпицентр... тоннаж..."

Нет горячей воды, чего-то там не продумали тыловики. Не бреемся, и никто за это не ругает. Сапоги не чистим. А чего чистить? Пыли по колену, когда сухо, грязи по пояс, когда дождь. Подворотнички — цвета шви. Немытой, естественно.

Пахнем дымом и потом. Матереем и материмся, поначалу по поводу, а потом и без повода. Вспоминаем самые бранные анекдоты.

Глаза злее становятся.

Это все потому, что втягиваемся в суровую мужскую жизнь, ощущаем свое предназначение: защищать, уметь для этого драться. Думать быстро, стрелять метко, бежать долго. Ну что еще мужику надо?!

На пятый день утром просыпаемся, выползаем из "броника", а на башне... начштаба сидит, букет ромашек в руках держит.

"Что, Михал Палыч, на подножный корм перешел?", — ржем. А он: "Бессонница у меня. Только глаза закрою — Лиду вижу. У нее сегодня день рождения, между прочим..."

И тут произошло что-то. То ли каждый свой сон вспомнил, то ли утро таким прекрасным показалось, что стыдно стало перед солнцем с небритыми рожами представлять. Черт с ней, с горячей водой! Достали лезвия. А потом и щетки сапожные. И подворотнички. Командир к нам зашел, а мы как огурчики — хоть на парад выводим. И сам он... Ну, сам он вообще всегда за собой следит.

Так что все-таки случилось с нами, спросите? А то и случилось. О предназначении не забыли: защитим всех, ежели придется. Ради кого живем, кого любим. А если о любви речь, то как же можно себя опускать....

Впрочем, ни слова о любви...

* "Кэшээмка", — командно-штабная машина.

КАРАУЛ

УСТАЛ...

*Я взглянул окрест меня, душа моя
страданиями человечества уязвлена
стала...*

А.Н. Радищев.

“Путешествие из Петербурга в Москву”.

проблемы,
события,
люди

ВОЗДУХ

К АЧНУЛОСЬ затянутае мутной наволочью небо, и зона ухнула во тьму. Теряя сознание, рядовой Зафар Умаров ударился плечом о стену вышки и, словно подкошенный, рухнул на щелястый, в комьях засохшей грязи пол.

Начальник караула старший прапорщик Павел Кайдаш почувствовал неладное, когда в установленное время Умаров не вышел на связь. Позвонил на пост — тишина. “Резервная группа, в ружье!”, Подбежали к вышке, глядь — а часовой то ли спит как убитый, то ли в глубоком обмороке.

Для того, чтобы привести ларня в чувство и установить диагноз, доктора не потребовалось. Любой солдат в подразделении безошибочно скажет, что случилось с рядовым Умаровым и какое лекарство нужно для поправки.

“У нас это не первый случай, когда часовой „отключается” во время службы. Еще немного, и все бойцы на постах будут валиться с ног, — тяжело вздыхает командир роты капитан Александр Цирульников. — Который месяц тянем лямку на пределе физических возможностей. Взгляните на график, — он раскрыл рабочую тетрадь на разлинованной странице с колонками цифр. — Рядовой Умаров. Вот как за минувшую неделю чередовались у него служба и отдых: трое суток бесшумно в карауле, сутки в подразделении, опять трое в карауле. Ефрейтор Мамаджанов находился на службе двое суток, 24 часа — передышка (относительная, конечно, — от занятий нас никто не освобождал) и снова трое суток с автоматом на двухсменном, заметьте, посту. Сержант Тешкеев, часовой КПП, пять суток криду в карауле отрубил... Кого ни возьмешь — у каждого за неделю не больше двух ночей нормального сна набегает. В общем, держимся, как на фронтовом “передке”. Только что стрельбы нет. Да признаться, из стволов палить или заточками махать при нападении, возможно, и не понадобится. Скоро караулы можно будет брать голыми руками. При всем нашем патриотическом стремлении выполнить поставленные задачи любой ценой. Если сейчас из-за нехватки активных “штыков”, солдаты “пашут”, и за себя, и “за того парня”, то что будет, когда независимые Казахстан и республики Средней Азии захотят отозвать своих служивых? Россиян-то в роте раз-два и обчелся...”

Беды этого подразделения — зеркальное отражение ситуации в части. Более 40 человек здесь ежедневно остаются в караулах на вторые и третьи сутки — неизменная тревога и боль офицеров. Смену на вышке отстоять — и то ног под собой не чуешь, а ежели десятипятнадцать смен подряд с небольшими перерывами — как? Переутомление и хронический недосып подрывают здоровье молодых парней

и могут напомнить о себе неожиданной хворью в зрелые годы. Что до высокой бдительности и надежной охраны объектов, то какой спрос можно учинить с солдата, который держится на посту, как стайер у финиша — на втором дыхании?

“В прошлом году большие надежды возлагали на осенний призыв, — рассказывал начальник штаба бригады майор Анатолий Флигинских. — Мечтать не вредно... Новобранцев пришло вдвое меньше, чем уволено в запас. Часть солдат из этого призыва направили в учебные подразделения, когда по различным причинам перевели в другие воинские коллективы, уволили по семейным обстоятельствам, двенадцать человек сбежали под знамена национальных армий. Осталось всего-навсего шестьдесят новичков, способных худо-бедно стоять на вышках. При нашем объеме служебных задач — капля в море... И если быть до конца откровенным, то нужно признаться, что и эта капля испаряется на глазах.

Солдаты, призванные из бывших братских республик, после распада Союза стали считать себя иностранцами гражданами, на которых не распространяются законы Российской Федерации. Формально они правы, потому что единых внутренних войск СНГ не существует, все силы охраны правопорядка “приватизированы”, независимы государствами. Многие иностранцы из ближнего зарубежья, чувствуя безнаказанность, используют любую возможность, чтобы развязаться с опостылевшей службой. Помощники — тут как тут. За четыре месяца семьдесят пять солдат получили заверенные военными телеграммы с одинаковым содержанием: мама (папа) в тяжелом состоянии, срочно выезжай. “Не пушать?”. Противозаконно и безнравственно. В отличие от некоторых штатских, опяненных “демократической”, вседозволенности, наши офицеры не разучились соблюдать законы. Сочувствовать и сострадать — тоже. Телеграмма? Тут же отправляем парня в отпуск, зывая к совести и чувству долга. Многие не возвращаются.

А то еще способ изобрели. Приезжают к сыну родители, якобы проведать. И прямо с КПП по-вороски увозят свое чздо домой. Заранее покупают билет на поезд, находят машину — действуют как заправские конспираторы. И бороться с этим беспределом становится все труднее и труднее...”

Вот в такой невеселой ситуации оказались военные, чья служба и без того полна лишений и тягот, — не в столице, а в Богом забытой уральской глубинке сторожат арестантов. Впрочем, и в цивилизованных краях служит и живет не слаще: крутой кипяток тех же проблем.

Н

И ДЛЯ КОГО не секрет: в последние десятилетия “конвойная стража”, держалась на призывниках из южных республик. Если в рот набирался десяток славян, командир считал, что ему крупно повезло. Грамотежка — великое дело: большинство россиян носят сержантские лычки, крутят баранки автомобилей, занимают должности младших специалистов связи, технических средств охраны, служебно-розыскного собаководства. А кадры для вышек ковали аулы и кишлаки. Таким “разделению труда”, приходит конец. В отчаянии отцы-командиры готовы бить челом руководителям Узбекистана и других стран СНГ, дабы те повременили с отзывом своих сограждан из внут-

ренних войск России. Положение — хуже некуда: качество последнего российского пополнения таково, что в пору кричать “Караул!”.

Статистические данные, собранные в одной из частей внутренних войск по Уралу. Количество солдат с нервной неустойчивостью (они включены в группу динамического наблюдения и, естественно, освобождены от караула) составляет треть прошлогоднего осеннего призыва из Российской Федерации. Еще 61 процент призывников-россиян требуют дополнительного медицинского контроля по причине различных недугов, приставших к ним еще на гражданке. Итого, из каждого десятка новобранцев только один способен, как велит устав, “нести службу бодро... бдительно охранять и стойко оборонять свой пост...”. Остальным же место не в “карауле бессонном и строгом”, а на больничной койке.

“Раньше мы, конвойники, здорово завидовали офицерам элитных частей, укомплектованных братьями-славянами. Это вам не “азиатский легион”. Легче, казалось, самому на вышке стоять, чем заниматься с южанами караульной азбукой в период втягивания молодежи в боевую службу, — признался командир лесного батальона подполковник Анатолий Вахрамеев. — А как прибыла к нам в прошлом году группа россиян — за головы схватились. Мало того, что многие новобранцы со слабым здоровьем и психическими аномалиями (азиатам-то Аллах пить запретил, а наши города и веси не просыхают), так еще и от караула шархаются как черт от ладана. Нет, уж лучше иметь дело с парнями из аулов и кишлаков. Те хоть на тяготы не сетуют. В армию из теплых краев шли в основном дети бедноты, сизмальства занимались тяжелым крестьянским трудом, не избалованы сытными харчами, чрезмерной родительской опекой. Неприхотливы, легко переносят и жару, и холод. Проверять, бывало, посты в лютую стужу — и хоть бы одна жалоба. На все вопросы — стандартный ответ: “Нармално!”.

Поистине, что имеем — не храним, потерявши — плачем. И с последним призывом южан не было на службе больших хлопот, пока стоял Союз. А теперь что? В батальоне всего сорок три российских солдата, остальные — граждане иностранных государств, ждут не дождутся приказа о переводе в родные края. Все силы кладем на то, чтобы не допустить массового дезертирства...”

Подполковнику Вахрамееву, скажем так, еще повезло, его подчиненные ждут. А в некоторых подразделениях патриотическая стихия, разбухшая организаторами марш-фона независимости, уже вырвалась наружу.

В старые добрые времена самовольное оставление поста, дезертирство, предательство рассматривались Уголовным кодексом как воинские преступления. Изменников и беглецов постигала суровая кара закона, да и общественное мнение не миловало. Вчера — пороки, сегодня — нравы: живем в век политических и нравственных метаморфоз. В войсках широко известен такой случай: целый караул бросил оружие — и прямым ходом на станцию. “Даешь солнечный Узбекистан! Следом отцы-командиры: “Опомнитесь! Куда? Зона без охраны! Потерпите месяц-другой...”. Насили уговорили.

А вот младшего сержанта Гушу долго уговаривать не пришлось. Едва осужденный на-

звал сумму и пообещал помочь добраться до Молдовы, глаза часового КПП алчно заблестели.

— Смотрите, чтоб без обмана.

— Обижаешь, служивый. Выпустишь на волю — берем с собой в Чечню. Там никакая Россия не достанет.

Глубокой ночью из зоны выскользнули 9 человек. Один из них — в военной форме.

Как это ни странно, рецидивисты не обманули Гуцу. В Чечне он получил обещанные деньги, обзавелся гражданкой и с оказией отправился домой. Ищи теперь ветра в поле.

К сведению: в сравнении с прошлым годом вдвое возросло количество воинских преступлений, связанных с "освобождением" осужденных солдатами. Большинство предателей — граждане республик ближнего зарубежья. Не в обиду будь сказано.

АКСИОМА: рать сильна воеводой. Существует и обратная связь: крепко войско — командир бодр, окрылен успехом, духом спокоен. А когда в войске брожение умов, уныние, усталость и чемоданные настроения, офицерам нет ни сна, ни покоя. Раньше закон, устав да приказ имели силу, нынче же главная ставка на "ожесточенный" контроль, отнимающий у офицера жалкие остатки свободного времени.

Для наглядности — рабочий день капитана Цырульниково: с 8.00 до 19.00 — в подразделении и на охраняемом объекте, затем ужин и отдых, а с 21.00 до 23.30 — проверка караула и войскового наряда. Десять раз в месяц — на службе круглосуточно: заступает начкаром и "ответственным" (как и его подчиненные, несет практически двойную служебную нагрузку — две должности взводных в подразделении вакантны). И в таком напряженном ритме работает подавляющее большинство командиров.

"Если бы оплачивали наш адский труд по справедливости, не было бы никаких обид. Но ведь в поселке простая уборщица зарабатывает больше комбата, — с досадой махнул рукой Цырульников. — Невручные вызовы на службу, тревоги, нервное напряжение, колоссальная ответственность — все это оценивается по самой низкой шкале".

Я поинтересовался, как зарабатывают жители поселка. Зарплата рабочего гидролизного завода оказалась 8000 рублей, пожарного газомолпрессорной станции — 12000, водителя лесовоза — до 25000. А среди шоферов, рассказывали, полно бывших осужденных. Посмеиваются теперь над военными: "Что, начальнички, за нищих держава вас держит? А наш брат "деревянные" лопатой гребет. Айда к нам, примут по старой дружбе!"

А с жильем какой беспредел! В справке прочитал: 40 процентов офицеров и прапорщиков части не имеют квартир или нуждаются в улучшении жилищных условий. Как понять "нуждаются в улучшении"? Хмыкнули: обитают в развалахх гулаговских времен, по таким давно строительная гиря плочет...

Поразительно терпеливые люди служат во внутренних войсках. Обделенные державной заботой, они, несмотря ни на что, продолжают выполнять свой долг. На сколько еще сил и стойкости хватит? Какая судьба ждет конвойную охрану — повторим вопрос капитана Цырульникова и сотен оказавшихся в таком же плачевном положении ротных, комбатов, командиров частей, — когда в войсках не останется ни одного солдата из ближнего

зарубежья? Как известно, Россия не в состоянии обеспечить личным составом даже стратегические силы и силы общего назначения. Значит, при сохранении всеобщей воинской обязанности нашим командирам светит безрадостная перспектива начальников инвалидных команд.

Конечно, сначала войска выкрутятся (не впервой!) с помощью внутренних резервов: максимально сократят количество охраняемых объектов и постов, перебросят накрытие зон солдат из милицейских и оперативных частей (представлю реакцию местных руководителей, когда оголятся участки службы по охране общественного порядка), есть и другие варианты перераспределения сил и средств. Но резервы не безграничны, и с уходом последнего среднеазиатского призыва российским "конвойным стражам" придется встать в караул бессменный и строгий, удерживая линию охраны, как в самый тяжкий период войны — любой ценой. Ладно, найдем силы "день простоять да ночь продержаться". А дальше? В Великую Отечественную и то меняли на передовой поредевшие и смертельно уставшие роты и батальоны свежими силами.

Когда же караул внутренних войск, выполняющий боевые задачи с напряжением военного времени, получит подкрепление? Очевидно, не раньше, чем появится государственная программа реформ в системе охраны исправительно-трудовых учреждений.

СКАЗАТЬ: "Реформы давно стучатся в дверь, — значит, ничего не сказать. Во всем цивилизованном мире мы единственная страна, "доверяющая" стеречь жуликов и бандюг восемнадцатилетним парням.

Пока жила иллюзия о неисчерпаемости людских ресурсов, государственные руководители с этим спокойно мирились, оправдывая моральные издержки соображениями экономии державной казны. Хотя, если разобратся, экономия та под большим вопросом. Попробуем решить несложную арифметическую задачу: сколько поколений призывников поменяется на одном посту за 10—15 лет — срок службы закрепленного за этим же постом добровольца-профессионала? Что получается? Совершенно верно, нанимать охрану из волонтеров для бюджета не так уж обременительно: конечный результат оправдывает затраты. И для службы кругом плюсы: одно дело — едва усвоивший армейскую науку паренек со слабым здоровьем и совсем другое — умудренный опытом профессионал.

В войсках, кстати, давно оценили преимущества профессиональной охраны. Еще в 90-м году командование заявило о готовности на базе пяти частей провести эксперимент с комплектованием должностей солдат и сержантов на добровольной основе. Группой офицеров главка было разработано временное положение о прохождении службы по контракту. К сожалению, благие намерения военных остались втуне. Правительство, замахнувшееся на реформы глобального масштаба, не затратило на эксперимент ни копейки (эка важность, контракт в войсках правопорядка — перебытуют), а за счет перераспределения ведомственных бюджетных средств (то есть перекладывая из одного кармана в другой) удалось укомплектовать лишь роту "профи", да и та вскоре приказала долго жить, задушенная в зародыше непобе-

димой бюрократической системой и хроническим безденежьем.

Словом, прозевали великолепную возможность подготовиться на экспериментальном уровне к профессионализации войск в относительно спокойной обстановке.

Теперь реформы не стучатся — таранят дверь, подгоняемые неумолимыми "постперестроечными" реалиями: торопитесь, промедление смерти подобно. Иль не пугает перспектива "холодного лета" 93-го года?

ВСЕ ЧТО нужно мы на своем ведомственном уровне сделали, — сказал начальник организационно-правового отдела Главного управления командующего ВВ Российской Федерации полковник Л.

Смирнов. — В МВД России подготовлен проект Закона о внутренних войсках, предусматривающий возможность комплектования должностей солдат и сержантов на добровольной основе, а также проект Положения о прохождении военной службы по контракту. Сейчас эти документы находятся в высших органах государственной власти. Будем надеяться, держава не заставит себя долго ждать...

Интересно, понимают ли на российском Олимпе, что забота о людях в погонах, которые выполняют служебные задачи на пределе физических возможностей, — это сегодня одно из главных слагаемых общественной безопасности? Или за грехом горной лавины политических и социально-экономических проблем не слышат государственные мужи пока еще робких требований военных? Тогда беда. А слышат и не реагируют — и того хуже. А может, рассчитывают на то, что уставший караул и дальше будет безропотно нести свой тяжкий крест? Велика чаша терпения, крепка военная косточка. Вот и славно! Выручайте, братьцы. Помогайте и дальше экономить казну, пока не окрепнет молодая капиталистическая поросль. Жертвуйте здоровьем в караулах бессменных и строгих, расплачиваясь за грехи архитекторов и прорабов перестройки.

"Даешь!", — "Мы за ценой не постоим!"

Нет, хочется верить в другое: в то, что государственная мудрость возобладает над холодным расчетом. Мудрость и здравый смысл: задержка с подготовкой правового фундамента реформ сократит и без того жесткие лимиты времени, необходимого для перевода войск в новое качество (застрять в старом — себе дороже). Как тут не вспомнить досадный провал первого эксперимента, из-за чего войска лишились возможности перейти к добровольному способу комплектования по следам новаторов!

Потеряешь день — потеряешь год. Это про нас сказано. Теперь придется бежать по целине, перестраиваясь на ходу, решая сложнейшие задачи реформ методом набивания шишек.

К примеру: во сколько раз оклад рядового волонтера должен превышать среднестатистическую зарплату рабочего, чтобы через пару месяцев после вербовки добровольная охрана не разбежалась? Далее. Где будут размещаться профессионалы? В общежитиях? Нереально: с нашими строительными мощностями и фондами в пожарном порядке (а иначе как?) можно соорудить разве что землянки. Идти на постой к частным домовладельцам? В больших городах личный состав полков и батальонов рассеется, как го-

рох. Попробуй оповестить бойцов по тревоге при чрезвычайных обстоятельствах. В маленьких таежных поселках солдаты, расквартированные за пределами подразделений, растворяется в среде бывших арестантов — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Крути не крути, а на первых порах молодым "контрактерам" придется жить в казарме. Но тогда, может, стоит использовать американский вариант: питание — бесплатное, получка — на личный счет? Казарменные неудобства с лихвой компенсируются кругленькой суммой, которая набегает на солдатской сберкнижке к окончанию службы.

Небезынтересная деталь: по данным социологического исследования, проведенного в нескольких частях УВВ по Уралу, именно на таких условиях готовы подписать контракт 67 процентов опрошенных солдат и сержантов. При этом каждый из них просил учесть: пока не будут утеплены все вышки и отремонтированы убогие караульные помещения, дураков продлевать службу не найдется.

Это точно. Кое-где наши бойцы находятся в таких условиях, каких, пожалуй, не знали и стражники рабовладельческих государств эпохи упадка.

Уральский поселок Лозьвинский. Батальон подполковника Василия Шишкина. Караулитесь в жалком сараюшке. Добрый хозяин скотину посовестился бы в таком хлеву держать — живут люди. Комбат устал обивать пороги, пытаюсь ускорить строительство нового караульного помещения. "Нет цемента для фундамента. Дефицит", — разводит руками начальник колонии. "Пробивали, этот вопрос на уровне части, соединения — глухо.

Переступил порог лозьвинской "караулки", невольно вспомнил заставу внутренних войск в карабахском селе. Такой же убогий, неустроенный быт. Но там, под пулями боевиков, было не до удобств. Здесь же — богатейший край, огромные прибыли от "деревянного золота", и на фоне этого — чудовищное жлобство, когда дело касается элементарного обустройства частей.

3 НАЕТЕ, кого сейчас не хватает войскам? Зятя главы правительства, — вполне серьезно сказал мне знакомый офицер. — Без фаворита — ходатая за несчастных "звзвешников" — реформ не потянуть...

Когда спит демократия, пробуждаются феодальные мифы.

...Я улетал с последней таежной зоны. С крошечного пятачка, окруженного непролазными хлябями, вертолет поднялся над поселком. В иллюминаторе — прямоугольник колонии с наблюдательными вышками по углам. Над каким-то строительным объектом вился дымок: наверное, осужденные разожгли костер из опилок.

А мне показалось: горит бикфордов шнур.

Подполковник Ю. КИСЛЫЙ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Пока материал готовился к печати, Верховный Совет России принял Закон «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации»: наши проблемы вышли, наконец, с периферии внимания парламента и правительства. Дело за «малостью» — перевести требования документа в практическую плоскость. А это в немалой степени зависит и от нас с вами.

ТРАХОМА,

или Сыскные страсти

ДЕТИ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДА

ВОДНО декабрьское утро, после томительного ожидания рейсовой общественной очереди, сделал открытие, убедившее меня, сколь ничтожен опыт человека перед щедрой на парадоксы жизнью.

По своей наивности был уверен, что на всем белом свете не сыскать более заезженных "кляч", чем машины редакций войсковых газет. По сравнению с ними драные "эмки", воспетые Константином Симоновым, выглядели бы роскошными "кадиллаками". Но оказалось, строй пасынков автомобильной службы замыкают не газетчики.

Поскрипывая изношенными суставами, из тумана вынырнул ветхий облупленный "уазик", и, клонув бампером, замер у автобусной остановки. Из-за приоткрывшейся дверцы показалось знакомое лицо командира взвода розыска старшего лейтенанта Вячеслава Левина:

— Если вам в управление, милости прошу, не побрезгуйте нашей "Трахомой".

Я живо втиснулся в пропахшее бензином нутро. Кряхтя и хихая, "уазик" начал рывками набирать скорость.

— А почему "Трахома", Вячеслав Романович? — с трудом разомкнув застывшие губы, полюбопытствовал я.

— "Трахома", и "Трахома", — Левин неопределенно пожал плечами. — Самое подходящее имечко для такого драндулета. По нему давно свалка плачет, а мы ездим, ждем, пока на ходу развалится, как "Антилопагну". Скорее бы, — он саркастично усмехнулся, — может, тогда начальство о бедных сысках вспомнит.

Моему изумлению не было предела.

— Но вы ведь — розыск, Слава!

— Вот именно, розыск! — обреченно махнул рукой взводный. — Служба государственной важности, особенно по нынешним криминальным временам. А посмотреть на жизнь наших "пинкертонов", изнутри — бедные родственники.

Поддакнув Левину, мотор "Трахомы" жалобно взвыл.

Так со стылой кабины дышащей на ладан "барбухайки", началось мое знакомство с буднями войсковых розыскников.

Любому дилетанту ясно: КПД работы детектива зависит от оперативности, как победа в спринтерском забеге — от силы ног спортсмена. В старые добрые времена и сыщика ноги кормили. Сейчас колеса. Чем быстрее они крутятся на служебных машинах, тем меньше у преступника шансов завершить побег из колонии "большой прогулки", на воле. Не забудем: техническая оснащенность уголовников растет опережающими темпами. Скоро вся отечественная мафия оседлает "мерседесы" и "тойоты". А в это время "детективы", внутренних войск вынуж-

дены проводить розыскные мероприятия на "трахомах" и "антилопах", чувствуя себя в незавидном положении детей лейтенанта Шмида.

"Ничего не поделаешь, перестроечные трудности, — разводят руками некоторые товарищи в руководящих креслах. — Все проблемы сразу не решить".

Очень удобное оправдание. Недавно сослались на эпоху застоя, сейчас прикрываются фиговым листком перестройки. ... Перед кем лукавят? Ведь еще вчера даже секретарь парткома являлся единоличным "наездником" сверкающего свежей заводской краской "уазика". Выходит, его служебный "имидж" целился гораздо выше, чем лотуги двух десятков розыскников, готовых ежедневно жизнью рисковать?

ГДЕ ТВОЙ ЧЕРНЫЙ ПИСТОЛЕТ?

ОРИСКЕ!
Не только взрослый — ребенок свято убежден: дяденька сыщик, уходя на операцию, обязательно вооружается пистолетом. Деталь сию подчеркивают кинофильмы, увлекательные книжки и даже эстрадные шлягеры:

Капитан Каталкин — козырной вает,
Капитан Каталкин — черный пистолет.
Капитан Каталкин — зоркие глаза,
Нам с тобой — защита, мафии — гроза!

Оставим детишек в розовом неведении. Зачем травмировать юные души фактами из жизни "детективов", которые крайне редко становятся капитанами, а оружие берут в руки разве что в стрелковом тире?

— Хотя "ружпак", нашей части побогаче автомобильного будет, пистолетов навалом, все равно работаем, как кулачные бойцы, — грустно улыбается прапорщик Владимир Махинов. — Новобранцам на учебных сборах и то доверия больше.

И тут же, как человек бывалый, разменявший в розыске семнадцатый годок, выдает "на-гора", вагон и маленькую тележку "забавных" эпизодов.

... Поручили ему как-то проверить один адрес. А поскольку никаких неожиданностей вроде не предвиделось, да и день клонился к закату, послали прапорщика безоружным (меньше хлопот!).

Переступив порог квартиры, Владимир внутренне похолодел: наметанным глазом сразу же "сфотографировал", в теплой компании знакомому по ориентировке физиономию. Вот так сюрприз: на ловца и зверь бежит, точнее — наоборот, ловец на зверя.

Решение созрело мгновенно: брать преступника, как выражаются в местах не столь отдаленных, "на понт". А там... В общем, обстановка подскажет.

— Погулял, Козырь, и будет. Собирайся! — будничным голосом сказал Махинов. — Да учти — дом окружен...

Последовала немая сцена. Но третий беглец быстро пришел в себя. Лениво, словно нехота, поднялся из-за стола, вихляющей походкой подошел к прапорщику.

— Не шутишь, начальник? — как бы невзначай дотронулся рукой до Махинова в том месте, где у сыщиков находится оперативная кобура с пистолетом.

— Без фокусов, парень. Буду стрелять!

Козырь отпрянул, точно кипятком ошпаренный, бросил через плечо угрожающе загудевшим сабутьником:

— Ша, братва, у мента "пушка", — и, повернув к Владимиру посерьевшее лицо, тяжело вздохнул: — Иду, твоя взяла.

Знала бы братва, с какой "пушкой", пришли брать их "кента"!

В тот злополучный день Махинов купил флакон одеколона в упаковке. Сунул его во внутренний карман куртки. Вот и "выстрелил", одеколонец в критический момент...

— Это еще что! — искренне веселится Владимир. — У наших "пинкертонов", все "стреляет", даже посуда. Помнится, накрыл Сергея Калинин одного зека в квартире на первом этаже. Тот от него в кухонное окно хотел сигануть. "Экземпляр, здоровый попался, голыми руками не возьмешь. А Сергей — без "пушки". Зечок уже раму вышиб и ногу на подоконник занес. Как тут быть? Не долго думая, Калинин схватил с плиты кастрюлю и "выстрелил", рецидивисту по башке. "Аргумент", оказался увесистым, не скоро преступник оклемался...

Да, это действительно было бы смешно, когда бы не было так грустно.

Любому сотруднику милиции — от оперативника до участкового — разрешено повседневное ношение табельного оружия. Хоть дома под подушкой храни — никто тебе слова не скажет. Жизнь заставляет повышать кредит доверия стражам порядка: уголовная братия по числу стволов регулярную армию скоро переплюнет. Но войсковым бюрократами криминальная статистика до лампочки. Слово иконе, молятся принципу чеховского человека в футляре: как бы чего не вышло!

Есть у нас постоянный оперативно-розыскной пост. Выполняя здесь служебные задачи, прапорщики погружаются в самое криминогенное пекло. Через столицу Сибири разный люд валом валит — с востока на запад, с запада на восток. Ясное дело, не с пустыми руками. У многих ножи, заточки, пистолеты, обрезы — целый арсенал осел в карманах и саквояжах "жуликов". А наши молодцы-розыскники, а отличие от милицейских коллег, дежурят без оружия. Родная часть находится у черта на куличках. Вымотавшись на посту, сыщики вынуждены тащиться через весь город, чтобы сдать пистолет. Себе дорожке получается. И парни, махнув рукой, отправляются на службу в роли кулачных бойцов: авось пронесет.

Говорят, разумное недоверие — мать благополучия. Интересно, в каком родстве с благополучием находится перестраховка?

— Проблемы с колесами, оружием — это еще полбеды, — успокоили меня бравые ребята из розыска. И пошли дружно загигать пальцы. — Жилья у многих нет и не предвидится — раз, пашем за себя и "за того парня", получая при этом зарплату по низшей тарифной сетке, — два, но обеспечивают нас продуктовыми заказами — три, не выплачивают компенсацию за износ гражданской одежды — четыре...

Для сравнения. У старшины роты, начальника караула денежное содержание значительно превышает заработок розысника, которому даже командировочные расходы

нередко приходится покрывать из собственного кармана. Разве это справедливо? Службы разные нужны, службы разные — важны!

ДИЛТАНТЫ ПОБЕВОЛЕ

ЧЕМ ЖЕ привлекает прапорщиков работа "детектива", не сулящая никаких личных выгод?

Избегая обесцененного, как "деревянный, рубль, слова "романтика", и асы опасного ремесла, и "подмастерья", только-только начавшие плутать по извилистой розыскной тропе, отвечали прозаически: "Нравится.."

А вот мнение нынешнего шефа "детективной", службы управления войск майора Сергея Кабашова: "Однозначно — в розыск идут фанаты. Человеку случайному, равнодушному "ловить" здесь нечего. Тот, кого прельщает лишь красная "хорочка", долго у нас не задерживается, отпадает, словно засохший лишай от здорового тела. Короче, народ подобрался надежный..."

На все сто согласен с Кабашовым. Но истина требует показать и другую сторону медали: при всей беззаветной преданности делу среди войсковых "пинкертонов", нередко встречаются дилетанты. И это не вина их. Беда.

Сами посудите. Подразделения розыска комплектуются вчерашними солдатами и сержантами. Реже приходят прапорщики с других, далеких от оперативной работы должностей. Разумеется, о сыске никто из них не имеет ни малейшего представления. Начинают с нуля. Когда-то в одной из школ прапорщиков было подразделение по подготовке розыскников. Потом его ликвидировали, и с тех пор сыщики варятся в собственном соку.

Асы в меру своих сил и возможностей натаскивают молодежь, передают добытые ценной сыняков и шишек знания. Благодаря старшему лейтенанту В. Левину налажены неплохие контакты с новосибирской милицией. Войсковые сыщики проходят двухмесячную стажировку в угрозыске РОВД. Такое общение с коллегами приносит немалую пользу: с одной стороны, дает возможность поднабраться опыта, с другой — показывает, насколько низок уровень подготовки наших доморощенных "детективов", лишней раз убеждая в необходимости серьезной профессиональной учебы.

И рады бы прапорщики сесть за парты. Вопрос: где? Специальных курсов нет, поступать заочно на юридические факультеты вузов не разрешают — вышел, говорят, запрашающий приказ. Спасибо, милиция протягивает руку помощи. Но это — капля в море.

— За два месяца работы в угро узнал больше, чем за семь лет службы, — сказал прапорщик Сергей Говорков. — Неудивительно: там — профи высокого класса, у каждого за плечами школа милиции, богатая практика сыска. Мы же, не получившие элементарных теоретических знаний, напоминаем слепых кутят...

Такую бы самокритичность — да некоторым начальникам, причастным к войсковому розыску. А то ведь порой отказываются брать то, что само львет в руки. Говорю об этом, вспомнив одну любопытную историю.

Служил в нашем управлении капитан Андрей Бережнов. Интересной, доложу вам, судьбы человек. В 1977 году окончил Высшую школу милиции по профилю уголовного розыска. Был назначен сначала инспектором РОВД, а вскоре стал старшим инспектором угрозыска УВД области. Раскрыл немало преступлений, обезвредил десятки бандитов и воров. Не раз рисковал жизнью при задержании вооруженных рецидивистов.

Через несколько лет по воле обстоятельств

Бережнов был вынужден уволиться из органов внутренних дел. И вот, как каждого советского гражданина, призывают Андрея на действительную военную службу. По удачному совпадению, стал бывший офицер милиции рядовым патрульной роты милицейского батальона внутренних войск.

Добросовестно отдав дань Конституции образца 1977 года, решил Бережнов остаться на сверхсрочную. Вот тут бы и воспользоваться войсковому розыску счастливым случаем. Насколько бы выиграла загнанная в дальний угол служба, возглавив подразделение "детективов", профессиональный сыщик с высшим образованием! Тем более сам просился на эту должность. Ан нет, последовал приказ: не пущать. Отправили Андрея командовать конвойным взводом. Делать нечего, назвался груздем — полезай в кузов.

Служил нелюбимому, силой навязанному делу Андрей Бережнов верой и правдой. До оперативного отдела УВВ поднялся по ступеням офицерской карьеры. Но так и не смог откеститься от призвания. Когда появилась

возможность, перевелся на должность следователя в военную прокуратуру.

Востину: кто-то теряет, а кто-то находит...

...Недавно встретил в управлении старшего лейтенанта Левина. Поинтересовался, как поживает "Трахома".

— На ремонте стоит. Который уже день. А колеса, — провел рукой по горлу офицер, — во как нужны.

И тогда подумалось мне: а ведь злосчастная "Трахома", — это не только драндулет, претендующий на звание оперативной машины. Трахома — прежде всего заразное хроническое заболевание глаз, мешающее тем, от кого зависит судьба войскового розыска, взглянуть на его беды ясным взором...

Майор В. ЯСТРЕБА.
Управление внутренних войск
по Западной Сибири.

КОММЕНТАРИЙ НАЧАЛЬНИКА СЛУЖБЫ РОЗЫСКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОМАНДУЮЩЕГО ВНУТРЕННИМИ ВОЙСКАМИ МВД РОССИИ ПОЛКОВНИКА Г. ШУЛЬГИ

Автор корреспонденции прав: финансирование, материально-техническое обеспечение розыска, система профессиональной подготовки, социальная защита, стимулирование войсковых сыщиков, увы, далеко не равнозначны государственному значению их нелегкой, опасной службы. Сегодня это особенно бросается в глаза. Страну захлестнула волна преступности, обострилась криминальная обстановка в местах лишения свободы, резко возросла побеговая активность осужденных, а люди в погоне, которые оказывают огромную помощь органам внутренних дел (42 процента бежавших преступников задержаны подразделениями розыска внутренних войск), как ни парадоксально, обеспечиваются всем необходимым по остаточному принципу.

Чем вызвана такая несправедливость? Думается, недооценкой сложности труда войскового сыщика. В том числе и на нашем ведомственном уровне.

За последние годы неоднократно ставился вопрос о повышении должностных окладов прапорщиков-розыскников. И что же? Всякий раз эти предложения отклонялись: нет, мол, достаточных оснований. Как будто риск, психологический прессинг в командировках, бессонные ночи в засадах и прочие трудности не являются основанием для достойной материальной компенсации, морального поощрения военнослужащих.

Необходимо подчеркнуть и другое: состояние дел в розыске напрямую зависит от командиров соединений и частей. У нас же кое-где по старой привычке уповают на "верха" ("вот придет барин"). Даже тогда, когда проблема легко разрешается на месте.

Взять тот же транспорт, закрепленный за подразделениями розыска. Достаточно одного распоряжения на уровне соединения, и вместо "Трахомы" сыщики получат пусть не сверкающий свежей краской, но вполне пригодный к эксплуатации автомобиль. При более благоприятных условиях и новую машину не грех розысникам отдать.

Со "столами" — сложнее: в отличие от органов внутренних дел, которые ведут оперативную работу, силами войск проводится от-

крытый физический розыск — именно на этом этапе во всех мероприятиях участвуют вооруженные розыскные наряды. А вот при текущей работе по проверке родственных и иных связей бежавших оружие прапорщикам выдается только по необходимости. Но отсутствие юридического права на повседневное ношение пистолета отнюдь не означает, что нужно перестраховываться по любому поводу. Это во-первых. Во-вторых, существуют специальные средства активной обороны, безопасные для жизни и здоровья людей. Почему их редко используют? Да потому, что и здесь срываете пресловутое "кабычегоневышло". До смешного доходит: порой выдачу розыскным группам "черемухи" приходится санкционировать из главка — некоторые командиры без "указивки" шагу ступить не могут.

После всего сказанного у читателей может сложиться впечатление, что служба розыска находится в загоне и наши сыщики навеки обречены влачить жалкое существование. Это не так. Есть немало частей, где розыском занимаются серьезно, обстоятельно: там и машины всегда на ходу, и на вооруженных бандитов с голыми руками не ходят, и мужество не передается забвению. Естественно, забота командования окупается сторицей.

И еще оптимистическая нота. После долгих согласований решен, наконец, вопрос с профессиональной учебой. В одной из школ милиции будут открыты курсы по подготовке и повышению квалификации розыскников внутренних войск.

Совершенствуется правовая основа нашей деятельности. Недавно подготовлен проект приказа министра внутренних дел России, в котором впервые закреплен юридический статус штатных подразделений розыска ВВ, четко определены их функции. И что особенно важно, на участвующие в проведении розыскных мероприятий войсковые наряды отныне распространяется Закон о милиции.

Полагаю, не заставит себя долго ждать и решение о более щедром финансировании и материальном обеспечении сыщиков в военных погонах: трахома — болезнь излечимая.

О военнослужащих "некоренной национальности" за пределами "своих национально-территориальных образований" мы уже писали (см., например, "Украинцы в России" в № 6—7 с.г.). Продолжая тему, в отпуске наш корреспондент попытался выяснить, как себя чувствуют

РУССКИЕ НА УКРАИНЕ

А ОМОЙ, в новое независимое государство, я ехал впервые и жадно высматривал приметы суверенного статуса Украины. Но ни проводница, с рвением контролера КПП сличающая физиономии соседей по купе и фотокарточки в их студенческих билетах, ни ожидание пригранично-таможенного "шмона" (пронесло!), ни прозрачный рублевый чай для этого не годились. Надежда сэкономить час на разнице между московским и киевским временем пропала где-то под Апостолово — поезд простоял его в чистом поле, чтобы остановиться у долгожданного перрона строго по расписанию.

В троллейбусе вежливый женский голос подиктофонному методично и только по-украински объявлял остановки и настойчиво предлагал "купуваты у водия билеты". "Квитки", — мысленно поправил единственную землякину ошибку и спохватился — вот оно, суверенное! Интересно, это теперь норма жизни или просто торжественная встреча для московского поезда?

Уже наутро, в троллейбусно-автобусный час пик, именуемый здесь более понятно — рабочей перевозкой, — убедился, что город, как и все двести четыре года со дня основания, говорит по-русски.

... Местный батальон внутренних войск под юрисдикцию Украины перешел после принятия Декларации о ее государственном суверенитете. Но только в январе (после образования СНГ. — В.Г.) стало ясно, кто в доме хозяин. Камень с души свалился: только бы не сидеть на двух стульях в ожидании взаимоисключающих приказов из Москвы и Киева.

Украинцев среди офицеров только восемь процентов, остальные, белорусы они или татары, — все равно русские. Прошлогодний декабрьский призыв — с территории Украины, остальные две трети личного состава — сплошной интернационал. Дослужат на месте или поедут домой, многие — в свои еще более солнечные республики, пока неизвестно.

С начальником штаба майором В. Соколо-

вым мы быстро нашли общих знакомых: Валерий Николаевич служил на Урале, а когда учился в академии им. Фрунзе, перезнакомился с офицерами из самых отдаленных уголков страны. Не думал, не гадал, что, попав служить на Украину, окажется вдруг "за границей". К происходящему на глазах растаскиванию некогда союзных войск по суверенным квартирам отношение сложное, и тут я его понимаю: у самого в родном городе на душе кошки скребут, словно я — резидент иностранного государства, прибравшийся на территорию воинской части.

Спасибо, что вертели по-человечески, а то ведь имели полное право и на порог не пустить — мол, это в России ты военный корреспондент, а тут Украина...

О нынешней жизни военнослужащих некоренной национальности разговорились с заместителем командира по личному составу капитаном В. Емашевичем.

— Если вы надеетесь подыскать здесь, в части, себе должность и перевестись, то нечего и пробовать: вакансий нет и вряд ли появятся, — смеется Виктор Васильевич.

Он тоже входит в девяносто два процента "некоренных", — белорус. На жизнь смотрит оптимистично: экономические, политические "минусы", переходного периода рано или поздно исчезнут, а "плюсы", — выгодное географическое положение, почти курортный климат, изобилие фруктов и солнца — останутся.

На службе все в порядке. Перемещения лишь в пределах Украины — разве плохо? И для роста перспективы есть: во Львове собираются открыть академию, Харьковское училище внутренних войск бывшего МВД СССР уже "национализировано", — готовит кадры для национальной гвардии.

В части сейчас девять бесквартирных офицеров, остальные жильем обеспечены. В текущем году исполком выделил двести квадратных метров — минимум три квартиры. Кроме того, УВД ведет строительство и десять процентов площади отдает части: пока такое "застойное" правило еще действует.

В "смутное" время, когда начались та же

из-за Черноморского флота и конкурс присяг, некоторые офицеры писали рапорта на перевод в свои государства ("восвояси"), но пока проблема не решается. Перевода в Тулу добился только командир взвода капитан Николай Савельев, и то, наверное, потому, что категорически отказался принимать украинскую присягу. Не захотел, чтобы в удостоверении личности отметку делали — мол, такого-то числа присягнул на верность самостоятельной Украине. Куда он потом с этой записью? Вдруг в России скажут, что променял Родину на климатические блага? Но все равно рапорта "маловато было", мать его к генерал-полковнику В. Саввину, командующему российскими войсками, ездила на прием. Ельшевича мать тоже завала домой, в Беларусь, но если вакансию она, может, и выхлопочет, то квартиру — вряд ли. Бывший поллитработник решил остаться, благо жилье, и неплохое, есть. Работать можно и на Украине. В строю и вне строя, команды и беседы — все по-русски, в отличие от национальной гвардии, где знание языка обязательно. Туда, говорят, солдат стараются отбирать только украинцев, офицеры могут быть и некоренной национальности (специалист и на Украине специалист!), но язык надо учить.

Функциональные обязанности для офицеров-воспитателей уже определены, перемены произошли самые минимальные: вместо общественно-гуманитарной подготовки вводятся занятия по истории Украины. Планы, учебные программы идут из Киева пока на русском языке, хотя специальной литературы нет. Выручают статьи из войскового вклада в республиканской милицмейской газете. Журнал "На боевом посту", и газету "Ситуация" выписали по совету из Киева только на первое полугодие, так что этот номер с моими заметками в части могут и не увидеть.

Бывшая ленинская, а теперь комната культурно-массовой работы и досуга расположенной при штабе части роты находится в самом типичном для таких помещений, особенно в "смутное" время, состоянии перманентного реформирования. Половина стендов сверкает белизной — ждет своего часа, хотя уже оформлены декларация о государственной независимости Украины, украинская военная присяга, государственный гимн, биография и цветной портрет президента Леонида Кравчука. Все надписи, естественно, на украинском языке и, к сожалению, не без ошибок. Единственный "русскоязычный" стенд — "Наши отличники". Отлично выполненные фотоснимки передовиков подбирались уж никак не по национальному признаку: больше половины — представители южных республик и государств. Объективность или просто наследство от прежних союзных реалий?

Осторожно показал Ельшевичу ошибки в текстах: несерьезно получается — требование оформлять комнату на украинском языке есть, а людей, способных квалифицированно воплотить замысел в жизнь, нет.

— Будут, — убежденно ответил Виктор Васильевич. — Многие недопонимают, что Украина — суверенное государство, и возмущаются: почему, мол, на украинском? Если

приехал в Англию, не станешь же удивляться объявлениям на английском!

Каюсь, спорить с хозяином постеснялся, счел невежливым да и недипломатичным, а сейчас жалею. Ну не парадокс ли — белорус в русскоязычном городе по-русски убеждает меня, коренного жителя этого города, украинца, в преимуществе украинского языка над всеми остальными на территории Украины. Я прекрасно знаю нормативный, литературный украинский язык, но использовать его могу лишь для "отлова" ошибок в речах политических лидеров. Вздумай я заговорить на улице, в магазине, в автобусе, меня вряд ли поймут. Чтобы объясниться, надо переходить на уродливую, суррогатную смесь — "суржик", где в украинском произношении звучат русские слова. Да и в западных, "истинно национальных" областях Украины, в частности во Львове, где я учился, язык изрядно засорен польскими словами и даже польской грамматикой — построение фраз совершенно другое. Трудно представить, кто кого сможет понять, каким будет общение и во что превратится язык, когда на "государственном языке" заставят говорить все некоренное население.

Пока язык — единственная и наиболее доступная область, где нетрудно приказать "суверенитет", но кому на пользу такие "достижения"? Те же объявления остановок по-украински на вокзальном троллейбусном маршруте — на кого они рассчитаны в русскоязычном городе? Англоязычные объявления рейсов в Шереметьевском аэропорту звучат до сих пор без малейшего ущерба для суверенитета России. Очень жаль, что кто-то из соотечественников и земляков пытается сам утвердиться, отменяя десятилетиями складывавшиеся правила гостеприимства.

Правда, пример есть с кого брать. Не знаю, смеяться или плакать, но министры иностранных дел Армении и Украины, устанавливая дипломатические отношения между двумя независимыми государствами, общались по-английски! Что это, дипломатический протокол или, простите, МГИМОшный выпендрег — ведь народы, от имени которых действовали дипломаты, еще десятки лет будут в поисках общего языка говорить по-русски. Вспомните Вавилон — заговорив на разных языках, люди перестали понимать друг друга, и дело остановилось...

Хорошо жить на Украине. Наверное, именно поэтому по ночам пишут на стенах и заборах: "Украина для украинцев!" Если авторы этого лозунга сумеют сделать слово "украинец" обозначением гражданства независимо от разреза глаз и цвета кожи, то лет через сто появятся в Европе своя Америка — там даже темнокожие потомки рабов — полноправные американцы. И страшно подумать, что произойдет, если возобладает пещерно-биологическая, расистская трактовка...

Офицеры-неукраинцы, присягнувшие Украине, сделали свой выбор осознанно. Они будут служить ей, как служат родине, если только не закроются границы, не порвутся связи с родными и близкими в других независимых и суверенных государствах. Хочется верить, что этого не случится.

Майор В. ГЕРАЩЕНКО.

ЗАСЛОН

ПРИ ЛИКВИДАЦИИ массовых беспорядков вооруженные силы США не подменяют собой правоохранительные органы и местные власти, а лишь оказывают им усиленную помощь в восстановлении законности. Причем это не означает, что во время операции им автоматически передаются все полицейские функции. Нет, набор ответных мер на акции бунтовщиков сугубо специфичен, базируется на прочном юридическом фундаменте и преследует одну цель — предельно снизить напряженность конфронтации, локализовать и загасить очаг конфликта. Даже в самых экстремальных ситуациях войска должны обращаться с участниками беспорядков справедливо и беспристрастно, придерживаясь принципа применения минимальной силы в необходимых пределах. Как только удастся достичь той степени спокойствия, которая позволяет вернуть контрольные функции местным властям, миссия войск считается выполненной, и они постепенно покидают тревожный район.

Впрочем, одно дело — предусмотреть наставлением необходимость непредвзятого и объективного отношения солдат к демонстрантам и совсем другое — обеспечить это требование на практике. Ведь, согласитесь, не только бунтовщики, но и военнослужащие подвержены эмоциональному воздействию напряженной ситуации, что, безусловно, отрицательно сказывается на дисциплине и организованности. Психологическая подготовка закаляет их волю, но не превращает в бездушных роботов: пусть в гораздо меньшей степени, но и они поддаются слухам, страху, порой теряют ощущение своей индивидуальности. Если в такой обстановке неверное действие одного механически копируется сослуживцами, это резко меняет общую линию поведения, сбивает подразделение с боевого ритма. Не допустить подобного слома, своевременно внести соответствующие коррективы в боевой порядок и настроения людей — задача командира. Рецептов на сей счет теория подготовила немало. К примеру, ему рекомендовано в пиковом положении обращаться к подчиненным по имени, следить за тем, чтобы солдаты, психологическая стабильность которых находится под вопросом, а также наиболее предубежденные против демонстрантов, не оказались на узловых направлениях: им нечего делать в первом эшелоне.

При наведении общественного порядка командир надлежит соблюдать расовый и этнический баланс между военнослужащими, дабы снизить вероятность восприятия происходящего, как столкновения «их» и «нас». Военная сила — не противоборствующая сторона, а фактор стабилизации обстановки. Некоторые солдаты, не понимающие этого и испытывающие неприязнь к людям, взгляды, мысли и поведение которых разнятся с их представлениями, способны, почувствовав превосходство, проявить злую волю и тем самым усугубить, а не разрядить напряженность. И потому прерогатива командира — используя особые профилактические методики, не допустить этого ни в коем случае, несмотря на акции демонстрантов, которые, действительно, зачастую носят откровенно провокационный характер. С мостов и крыш, из окон домов военнослужащих забрасывают кирпичами, бутылками, самодельными бомбами; случается, избивают, наносят тяжелые увечья и даже убивают. Автомашини переворачивают и сжигают, на войска, расположенные на склоне или у подножья, сталкивают бочки с жидкостями различного свойства, направляют груженный транспорт. Чтобы затруднить продвижение военных, бунтовщики устраивают пожары, заливают дороги газOLIном и маслом, а после поджига-

Продолжение. Начало в № 8-9

ют. Не исключено и применение оружия: снайперы мятежников могут открыть провокационную стрельбу по толпе, чтобы создать впечатление, будто это войска жестоко расправляются с демонстрантами.

Действиями военнослужащих в районе волнений руководит командир временного оперативного соединения. Он не подчиняется властям штата, но сотрудничает с губернатором и его аппаратом; правда, до тех пор, пока это сотрудничество не мешает выполнению возложенных на него задач. По возможности он удовлетворяет просьбы властей и полиции, направляя им в помощь некоторые подразделения, но ни при каких обстоятельствах не передает личный состав под их командование. Это, однако, не мешает созданию объединенных патрулей и смешанных постов.

В кризисной ситуации во временное оперативное соединение включается особая группа, состоящая из контрольного подразделения, подразделения по ведению переговоров и подразделения специального реагирования. Коротко рассмотрим специфику их действий.

Многообразие задач, возникающих во время операции по сдерживанию волнений, ставит порой перед необходимостью одновременного использования всех имеющихся сил. Для координации их деятельности и создается контрольное подразделение, структурно состоящее из небольших звеньев, способных функционировать автономно друг от друга, чутко реагируя на приказы руководителя и малейшие изменения обстановки.

Стержевая цель подразделения по ведению переговоров — помощь при освобождении заложников. Формируя его, отдают предпочтение штатским. Если таких специалистов не оказывается под рукой, их присылают из Центра. Представители группы используют и для встреч с демонстрантами в качестве «нейтралов», примиряющих интересы сторон. Стоит ли говорить о том, что оснащение подразделения не ограничивается громкоговорителями. В распоряжении «дипломатов», кроме личного боевого снаряжения, стандартные и микрокассетные магнитофоны, видеозаписывающие устройства, электронное радиоперехватывающее оборудование, средства связи и переносные радиоустановки.

Для эффективной нейтрализации инцидентов, представляющих особую опасность, используется подразделение специального реагирования. В сфере его деятельности — освобождение заложников, захват за баррикадировавшихся преступников, снайперов, срыв террористических актов, охрана и сопровождение важных лиц, поисковые операции, сбор разведывательной информации, а также — в исключительных случаях — атаки противника. Успех подразделения заключается в точном знании ситуации, тактическом планировании и использовании боевого оружия в минимальных пределах.

С подготовкой операций по подавлению беспорядков тесно связан вопрос материально-технического обеспечения войск. Как правило, личного снаряжения и табельного имущества бывает недостаточно для организации эффективных действий, и потому временное оперативное соединение централизованно оснащается штурмовыми танками, самолетами, вертолетами, разбрызгивателями отравляющих веществ, прожекторами заливающего света, комплектами средств оказания первой помощи и тушения пожаров, полицейскими дубинками и наручниками, установками для задымления местности и надежными средствами личной защиты.

Непременно издаются директивы, где четко излагаются нормы поведения и внешнего

вида военнослужащих при выполнении обязанностей. Внимание солдат акцентируется на том, что дисциплина войск оказывает психологическое влияние на население и облегчает выполнение возложенной миссии. Командиры несут персональную ответственность за соблюдение требований этих директив.

Особое значение при планировании операций придается моральному обеспечению войск. Учитывая, что военнослужащие поставлены в условия огромного психического и физического напряжения, правительство и командование стимулируют деятельность финансовой, медицинской, почтовой, религиозной и юридической служб, а также сфер, занимающихся организацией отдыха, бесплатных развлечений, строительством спортивных сооружений, торговлей, работой парикмахерских и прачечных. Существенно изменяется порядок награждений, отпусков и увольнений — словом, все направлено на поддержание высокого морального духа солдат в стрессовых ситуациях.

Мало кто не понимает, какую роль в формировании общественного мнения о несанкционированном выступлении способна сыграть пресса. Сколько слухов, предположений и откровенных инсинуаций способна породить она до тех пор, пока, наконец, не появится абсолютно точная информация. Дабы не допускать негативных последствий и брожения в умах, наставлениями и директивами предусмотрен порядок взаимодействия военнослужащих с представителями средств массовой информации. Общее требование — предельная вежливость. Солдат не должен комментировать суть происходящих событий и миссию подразделения даже в том случае, если ему будет обещано, что его слова не попадут на страницы газет. Любого журналиста он обязан корректно направить к своему руководству.

Командующему временным оперативным соединением следует превосходить контакты с прессой, для чего в планах предусмотрены выпуски новостей с участием помощника министра обороны по связи с общественностью. Устанавливается и порядок конфискации кино- и видеолент, снятых в районах, где съемка запрещена. Аккредитованным журналистам выдаются спецпропуска для прохода через полицейские заграждения и военные контрольные посты, выделяется сопровождение для прикрытия. Непременно создается центр по контролю за слухами, работа которого позволяет снизить влияние дезинформации. Военные власти при наличии возможностей обеспечивают журналистов автотранспортом и средствами связи, заранее оформляют соглашения об оплате этих услуг.

Операция по ликвидации массовых беспорядков, как правило, начинается с изоляции лиц, спровоцировавших их, от тех, кто не принимает в волнениях активного участия. Делается все возможное, чтобы позволить толпе мирно покинуть район — это снижает число арестов. Одновременно на дорогах устанавливаются заграждения, осуществляется контроль за общественными зданиями и проводится патрулирование. В тактических целях войска получают возможность быстрого отключения и включения уличного освещения, газа, электричества, воды и телефонной сети. Внутреннее заграждение войск охватывает непосредственно район волнений, внешнее — обеспечивает невозможность доступа посторонних лиц. Использование двух заграждений позволяет защитить тыл и создать свободную зону для задержания спровоцировавших мятежников.

О. НИКОЛАЕНКО.

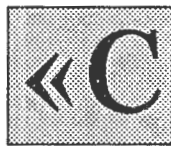
(Продолжение следует)

МОЛИТВЫ

НА УЛИЦЕ СОЛДАТСКОЙ

Как хорошо было бы знать, где искать помощи в этой жизни и чего ждать после нее там, за гробом! Как бы счастлив и спокоен я был, ежели бы мог сказать теперь: господи, помилуй меня!..

Лев Толстой. «Война и мир».

ОТВОРИ на поле брани убиенным вечную память! — голос священника возлетает к ликам святых, скорбным и умиротворяющим, по иконам пробегают дрожащие отсветы свечей, и кажется, что святые плачут вместе с матерями воинов, погибших на нынешней гражданской войне, со всех сторон поджигающей Отечество. По нашим боевым товарищам, солдатам, сержантам, прапорщикам, офицерам и генералам внутренних войск, павшим в огне межнациональных конфликтов, идет панихида в московском храме Петра и Павла.

Здесь, в бывшей Солдатской слободе, все наполнено славной историей Отечества, его беззаветного и храброго воинства. В этих местах располагался первый полк русской регулярной армии под командованием генерала Ф. Я. Лефорта, была устроена первая «военная госпиталь», где лечились герои Полтавской битвы, Отечественной войны 1812 года и других войн вплоть до афганской. А рядом сбегают к Язуе некогда приютные Вдовьи дома, построенные на народные копейки для тех, чьи мужья живот положили на русско-японской войне. Ныне сами эти дома с черными пустыми глазницами окон при смерти уже, немой укор нашему всеобщему беспомощию и святотатству. А в слободском храме, построенном на средства Петра Великого, — Солдатской церкви, как издавна называют ее москвичи, — идет панихида.

«О блаженной памяти смертию смерть поправших Господу помолимся! Поминаем рабов божьих убиенных воинов Владимира, Евгения, Олега, Евгения, Юрия, Владимира, Сергея, Юрия, Виктора, Александра, Владимира, Геннадия, Юрия, Димитрия, Александра, Николая, Игоря, Владимира, Вячеслава, Василия, Сергея, Николая, Андрея, Александра, Вячеслава, Александра, Сергея, Александра, Виталия, Юрия, Сергея, Анатолия, Владислава, Сергея, Игоря, Григория, Андрея, Александра, Юрия, Иоанна, Евгения, Андрея, Евгения, Павла, Андрея, Константина, Александра, Григория, Игоря, Вячеслава, Евгения, Димитрия, Евгения...»

Священники и диаконы совершают торжественный и скорбный ритуал, и вновь повторяется под сводами благолепного храма «Отвори на поле брани убиенным вечную память!». И в очередной раз звучит речитативом длинный синодик из пятидесяти трех имен. Настоятель храма отец Анатолий от лица церкви, ее святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II обратился к родителям и родственникам убиенных воинов со словами ободрения и утешения, выразил великое сочувствие и соболезнование.

Узнав с намерением провести поминальную молитву по воинам внутренних войск, погибшим в межнациональных конфликтах, протоиерей согласился тотчас и от всякого денежного вознаграждения отказался

ДУБЛЮНОВ

— он сам фронтовик и чувства собравшихся в храме ему глубоко понятны и близки. Он не скрывал, что всегда благоволил к военным. Сам воевал на Карельском, а потом на 2-м Белорусском, был и разведчиком, и пулеметчиком. Награжден орденом Отечественной войны I степени, солдатской "Славой", III степени, медалью "За боевые заслуги". Дважды был ранен. Но Бог оберег — остался жив, как и его отец — защитник Сталинграда.

— В той войне, такой жестокой, выстояли, — говорил мне отец Анатолий, — а сейчас все это забывается. Даже в тех странах, которые освобождали от фашизма, нас теперь называют оккупантами. Больно это слышать и видеть, как военнотружущих просто выгоняют. Разве можно так со своими защитниками?! Очень печально, что сейчас Родина переживает кровопролитие, я без слез на это смотреть не могу. А особенно обидно за солдат, за россия, которые были посланы в горячие точки, чтобы умиротворить как-то, а получили смерть, пулю, зачастую исподтишка, из засады. Мне тоже приходилось видеть много смертей, сам я хоронил товарищей из отделения, взвода. Я их поминую сейчас и буду поминать, пока я жив, вместе с вашими солдатами...

Отец Анатолий не впервые встречался с воинами внутренних войск, он всегда понимал важность их службы и старался своим пастырским словом ободрить и укрепить. Выступая как-то на встрече с офицерами одного из соединений, кстати, своеобразным "дуэтом", вместе с имамом Шейхом Махмудом Абдулханом Валитовым, он говорил убежденно и, как позже отметили многие воины, мудро:

— Дорогие братья! Вам придется жить в мире, сильно отличающемся от того, в котором я прожил всю свою жизнь. Общество будет более жестоким. Я все же надеюсь, в нем будет меньше внешнего, государственного принуждения. Но оно само будет принуждать вас к действию, выбору, непрестанной активности, борьбе за выживание и успех. Бремя свободы всегда жестоко, всегда трудно. Общество, в которое мы входим (или в которое ведут нас), будет небывалым в истории. Это не похвала ему. Это — предостережение. Дело в том, что впервые общество конкурентной экономики будет создаваться в условиях духовной разрухи. Я думаю, не надо кого-то убеждать сегодня, что за годы так называемой перестройки наше общество не стало более духовным. Но есть люди (и, слава Богу, немало), которые всерьез обратились к христианскому вероучению, его непреходящим истинам и стали мягче, глубже, серьезнее...

Мягкий, глубокий, серьезный был человек — такие характеристики давали все, кто близко знал Олега Бабака. А отчего стал он таким, ответят ли родные, односельчане, одноклассники, учителя, однополчане нашего Героя? Только ли оттого, что вырос в простой трудовой семье и позже без колебаний шел по пути воинского служения Отечеству? Что нес в сокровенных уголках души двадцатичетырехлетний парень, ставший на вершине своей недолгой жизни единственным Героем Советского Союза на войне времен перестройки в собственной стране? Он погиб в Карабахе, название которого стало нарицательным для обозначения верха политической бездарности и лицемерия "архитекторов", этой самой перестройки, смертельного угара националистического фанатизма бывших "братьев и сестер", России.

"Стрелять. Идут на смерть. Грусть и судьба — неизбежность. Ясно, что возврата нет. Это о ратниках русских, идущих на Куликово поле. Благословлял их преподобный Сергей Радонежский — покровитель праведного воинства, защитников Отечества.

И наш Олег перед карабахскими боями бывал с друзьями-лейтенантами в Троице-Сергиевой лавре. Было ли это заурядной воскресной прогулкой-экскурсией, как казалось на первый взгляд, или нечто большее?.. Встарь справедливо считалось, что в темные времена, когда как будто и просвета нет, когда люди особенно нуждаются и в ободрении, и в освещении, паломничество к Сергию приобретает смысл особый, живительный, укрепляющий.

Сергий сам — живительный озон, по которому тосковали и которым утолялись. Он давал ощущение истины, истина же всегда мужественна, всегда настраивает положительно, на дело, жизнь, служение и борьбу. Исторически Сергий воспитывал людей, свободных духом, не рабов... Сильнейшее — ибо духовное — оружие готовили "смирненные", святые сродни Сергию, ибо готовили и верующего, и мужественного человека. Он победил впоследствии на Куликовом поле...

Так ли говорили экскурсантам о Сергии, иначе ли, а может, и вовсе бессловесно-таинственно проник образ святого заступника воинства в лейтенантскую душу, но только высказал тогда Олег Бабака товарищам с верой и надеждой: "Всех бы наших бойцов сюда сводить!"

О сокровенном как узнаешь? И все ж лучики светлой души Олега пробиваются — в письме ли, в разговоре с друзьями, на страничке ли записной книжки. Вот такие набросал строчки, будто торопился, боясь захватить видение: "Снова Бог... Ощущение дивное — как будто видел лицо старого-старого деда с белыми как снег волосами..."

Записал он свой сон, где мама, где Бог, где раскаяние в каком-то грехе земном. И не знал он, что скоро будут отпущены ему все грехи, отпущены в Светлое Воскресение.

"...И яко Благ и Человеколюбец, отпущаяй грехи, ослаби, остави и прости вся вольная их согрешения и невольная, избави их вечные муки и огня геенского, и даруй им причастие и наслаждение вечных твоих благих, уготованных любящим Тя..." Кто из нас безгрешен? Вольные и невольные прегрешения смыли воины кровью своей. Воин в силу своего положения чаще других людей подвергается смертельной опасности, может умереть без покаяния, а потому особо нуждается в материнском попечении церкви. Военные люди особенно угодны Богу. Лишь воина одного называют при любом богослужении по его профессии — "раб божий убиенный воин Олег... Так и говорит всякий православный священник, что труд воина не напрасен, и народ будет всегда чтить его за добросовестную службу, и нести ее надо, не смущаясь.

— А что сегодняшняя панихида для тех, кто погиб, для их матерей? — спросил я у отца Анатолия.

— Это утешение для них. В молитве великая польза. Ведь можно предаться такому отчаянию и прийти в такое состояние, что сам человек заболает от этого. Наша вера, наше учение — самые светлые, самые жизнерадостные. Потому что мы веруем — человек не умирает, душа его бессмертна. Некогда и тело наше воскреснет, мы к этому призваны, а без этого напрасна была бы наша вера. И мы верим, что, когда погибает воин, он в особом месте будет находиться, особо отмечен тот, кто на поле брани положил жизнь свою, ибо нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих. И это истина...

О ком как не о друзьях боевых думали в бою подполковник Вячеслав Чекарчев, капитан Александр Липатов, рядовой Андрей Кузьмин? Каждый из них принял огонь на себя, хотя каждый в своем последнем бою мог укрыться, отсидеться укромно, уйти из-под огня незаметно для стороннего глаза, чтобы не

прослыть трусом. Они не славились, ибо жизнь товарищей ставили превыше своей. Да и не только товарищей. Олег Бабак мужественно принял неравный бой, защищая и однополчан — славян, и местных жителей — мусульман.

Это пацифисты рисуют солдат внутренних войск, доблестных наших спецназовцев этакими кровожадными «убийцами в краповых беретах». А у этих бесстрашных сильных парней, если вникнуть, светлые души. Доказательств сколько угодно. Опять же строчки из блокнота Олега Бабака: «В связи с выводом наших войск из Афганистана я испытываю чувство глубокой скорби и облегчения. Облегчения от того, что не будут больше гибнуть наши сыны, скорби — за убиенных. А сегодня, в последний день вывода наших войск, по просьбе прихожан будет отслужен благодарственный молебен за окончание военных действий. Где-то выписал эти слова священника Курско-Белгородской епархии Русской православной церкви будущей политрабник курсант Бабака и сделал пометку «Моему другу Саше Наконечному». Сашко, односельчанин и сосед, вернулся живым из Афгана, где воевал храбро — орден Красной Звезды и медаль «За отвагу», имеет, а Олегу еще предстояло его последний бой...»

Знобиком осенним вечером затеплился вдруг огонек на смиренном сельском кладбище. Свеча горела над могилой Олега Бабака. Помянуть своего замполита приехал старшина запаса Алексей Логинов. Приехал на Украину со Смоленщины. И не от лампы возжигал он маленький огонек, но от души своей.

В том неравном бою, случившемся в кавказских горах в Светлое Воскресение Христова, в живых он остался благодаря офицеру, пожертвовавшему собой ради своих воинов и мирных жителей. И не крестик, не образок носит с того прискорбного дня Алексей, а офицерский жетон своего погибшего боевого товарища. И веру носит в душе бывший спецназовец, а ныне старшина милиции. Веру в силу товарищества, в высокую честь воинскую.

А как же с христовой заповедью «Не убий»? Здесь обратимся к еще одному преподобному старцу, Амвросию Оптинскому, почившему в конце прошлого века. Это о нем сказал после посещения Оптиной пустыни Лев Толстой: «Этот отец Амвросий совсем святой человек, поговорил с ним, и как-то легко и отрадно стало у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога». Вот что писал оптинский старец в одном из писем: «...Во-первых, снаряжаем войска и отправкою на место военных действий, чтобы убивать врагов, занимается вовсе не Церковь, а государственная власть, которая в подобных случаях может и не послушаться Церкви, в особенности если власть эта находится в руках иноверного правительства... У нас, впрочем, Церковь и в военных действиях принимает участие; но какое? Тогда как государственная власть управляет воинов карать врагов дерзких и непокорных, св. Церковь, наоборот, внушает воинам не щадить своей собственной жизни, свою собственную кровь проливать за св. православную веру, державу, царя и дорожке отечество. Так она и молится в св. храмах за убиенных воинов: о упокоении душ всех православных воинов, за веру, царя и отечество, на брани живот свой положивших. Н ваш все-таки может возразить: "По крайней мере Церковь не запрещает убивать на войне врагов". Но если ей запрещать это, тогда она должна столкнуться с государственною властью, и в таком случае одни из воинов перейдут на сторону Церкви, а другие останутся на стороне правительства, и произойдет взаимная

резня; а враги, узнав об этом, свободно заполнят наше отечество. Ужели это лучше будет? И если бы, прибавим к сему, в руки свободно пленивших наше отечество врагов первым попался бы ваш N, и они стали бы его живого распиливать, как бы он тогда стал философствовать о войне. Интересно было бы послушать».

Церковь, похоже, от воинства отечественного не отворачивалась. Это мы, государственные люди, выросли безбожниками. Что ж теперь — корить себя за это беспощадно и строем идти на молитву? Зачем? И так уж ныне хождение в храм, всякого рода церковные ритуалы кое для кого (в том числе и для самых высших руководителей, сплошь бывших партийцев и атеистов) стали вроде престижных презентаций, брифингов, фуршетов. Освещают грабительские банки, паразитические биржи, стены фирменных офисов, насаждающих чужебские и в первопрестольной, и по всей Руси Великой. Да и некоторые духовного сана люди, ударившись в политику, забыли, похоже, и о Боге, и о пастве своей.

Не поминая имя Бога все, повторим лишь стародавнюю истину — у каждого в душе свой Бог, свой храм. К стати, о храмах. Курсантам бывшего Высшего политического училища МВД бывшего СССР в бывшем Ленинграде показывали экспозицию музея истории религии и атеизма. А музей-то расположен... в храме. Да не простом, а в Казанском соборе, воздвигнутом в честь славных побед русского оружия, в честь героев Отечественной войны 1812 года. У храма Божьего — скульптуры Михаила Илларионовича Кутузова (его, как спасителя Отечества, похоронили в храме) и Петра Ивановича Баргатиона. И храм Христа Спасителя, уничтожение которого стало символом вопиющего попрания веры русского народа, символом варварства, был воздвигнут на народные деньги именно как памятник воинской славы. И могила Козьмы Минина в Архангельском соборе древнего Нижегородского Кремля... Все слава Отечества, слава воинская...

За веру, царя и Отечество — таков был триединый девиз православного воинства. Последнего царя свергли и убили, и пошла после монархии чехарда правителей, из которой не найдут более или менее праведного, все вели не туда. Веру иную железной беспрекословной рукой вколачивали и в святеля, и в воина только одну — в светлое будущее, которое, мол, уже грядет, которого достанется нынешнему поколению. Отечество, всегда казавшееся непоколебимым и по-настоящему могучим, теперь донельзя расшатала пестрые людюшки без царя в голове и без всякой веры в душе. Неужели настал черед распада российского войска?

Воинству, как и всему обществу, необходимо обновление, обновление духовное, внутреннее преобразование. И звучит молитва «о богохранимой стране нашей, вместилище и воинстве ея...»

Отдадим должное церкви — она не забыла наших погибших товарищей, когда о них забыли правители времен перестройки. Жертвам международных распри в Карабахе, Армении, Азербайджане, Абхазии, Узбекистане пели вечную память церковные хоры Петропавловского храма в Москве, Никольского кафедрального собора Алма-Аты, возжигались поминальные свечи в десятках городов России, Украины, Беларуси.

Поминальная свеча — лишь зыбкий символ, и все ж... «В воскресенье ходил в церковь, поставил свечи Николаю Угоднику и Георгию Победоносцу с пожеланием удачи всем парням в горячих точках, заказал панихиду за упокой Вячеслава Чекмарева и всех погибших в этой гражданской войне, — это пишет бывший командир роты «краповых беретов».

майор Олег Коржиков, кавалер ордена Красной Звезды. Давно знаю этого офицера, еще по Карабаху. Не думаю, что отправился он в храм в угоду моде.

И не в угоду ей, ветреной, устроена была панихида в Петропавловском храме. С инициативой помянуть воинов внутренних войск, павших в кровавых межнациональных конфликтах, выступил фонд с символическим названием "Чужого горя не бывает..". Свое "добро" дал и командующий внутренними войсками генерал-полковник В. Н. Саввин. Были и скептики, говорившие о том, что, дескать, бывшие политработники окончательно отступают перед церковниками, что это будет очередное мероприятие "для галочки" и так далее.

Как бы там ни было, но панихида состоялась. И главная ее цель — не предать забвению наших боевых товарищей, до конца исполнивших свой долг перед Отечеством. Что касается веры — дело это сугубо личное. Права на веру никто у человека не в силах отнять...

Отчаянный рубака легендарный Денис Давыдов никогда не расставался на войне с иконой святого Николая Чудотворца — факт достоверный. А князю Андрею Болконскому простим невольную насмешливость, с которой он, отправляясь на войну, принял от сестры охранительный образок с ликом Спасителя. Главное — нежная братская любовь его к глубоко верующей Марии, к ее чувствам.

Эти-то чувства и просветляли душу Болконского в минуты тягостные и скорбные и давали силы не для себя только жить, но пользу приносить Отечеству. Вот в чем суть. В молитвах — не затуманивание мозга, не замутнение души, но, напротив, просветление и вдохновение; озарение и настрой на дела добрые.

За веру, царя и Отечество — так было. Но коль нынешние "царьки", то бишь правители наши, поклонения вряд ли заслуживают, то вера и Отечество незбылемы пусть будут.

Перечитайте эпиграф этих заметок, мысли Андрея Болконского, что пришли ему на Праценской горе под Ауسترлицем, где упал он с древком знамени в руках, истекая кровью. Над ним стоял Император — его кумир, но в эту минуту Наполеон показался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между душой раненого князя и высокими, бесконечным небом...

В наше смутное время какая вопиющая смута в душах россиян! На троллейбусах и в метро цветастые призывы кришнаитов — "Читайте Бхагавад-Гиту..". В древнем Московском Кремле позволяют шумные праздники иудеев. Американские проповедники под рев рока вызывают такой же рев "верующей", толпы. А корейские миссионеры приехали, чтобы помочь России "обрести свое (чье? — Б.К.) лицо", так же, как делают это в Африке. Каково это видеть?

Отдавшись чужебесию, забываем свои святыни. И вера иссыкает, как иссыкают заброшенные людьми родники с живой водой, некогда отворенные Сергием Радонежским.

Где отыскать животворные эти вдохновляющие родники, призыв к которым возродится Отечество? Не может быть здесь однозначного ответа. И пусть не вызывают скептических улыбок и иронических взглядов те воины, которые в поисках ответа на этот вопрос входят в храм на улице Солдатской, где возносятся молитвы о соединении всех в добре, об укреплении Отечества, о доблестном воинстве его.

Подполковник Б. КАРПОВ.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Страшные вести зачастую неожиданны. Вот и эта: умер полковник Анатолий Алексеевич ШЕМАЕНКОВ. "Бригадир" — так мы называли его между собой. В редакцию он пришел с должности командира бригады, и умение писать, помноженное на огромный практический опыт, сделало его нашим ведущим автором учебно-методических материалов.

В числе первых из десанта журналистов он уехал в Чернобыль. Был в Тбилиси, когда там кипели страсти на центральной площади. Не присутствовал, а именно участвовал в войсковых сборах, учениях, конференциях. Аналитик по природе, он занимался отбором и обобщением той информации, которая в конечном счете принесла пользу войскам в их нелегкой службе.

Мы все любили его. Мы слетались в тот кабинет, где он гонял чай, слушали его голос с хрипотцой, внимали его советам, смеялись над его неординарными шутками.

В последний раз это было дней за десять до его безвременной кончины. Он был, как всегда, весел, полон энергии, весь в творческих планах...

Таким мы его и запомним!

Коллектив редакции журнала
«На боевом посту»

БИРЖА ЛЖИ И БЕСЧЕСТИЯ

После нескольких лет так называемой перестройки, единственно ощутимым достоянием которой стала гласность (при весьма неважнецкой слышимости), нас уже почти невозможно чем-либо удивить и даже ошеломить.

“О, НЕСЧАСТНАЯ свобода слова! Как же ты подшутила над нами! Мы по-прежнему знаем мало, а говорим много. Мы по-прежнему, прежде чем что-то прочесть, слешим что-то написать или сказать. Мы не взвешиваем своих слов, не отвечаем за них... Так, возмущаясь словоблудием, взмолился в “ЛГ” Игорь Золотусский, защищая своего любимого классика Н. В. Гоголя, родителей которого другой автор объявил... умалишенными.

Не может не удручать та духовная и нравственная деградация, которой охвачены сегодня разные слои общества, причем нередко именно те, что выступают как раз под демократическими знаменами, под улюлюканье толпы ниспровергая, топча все и всяческие “измы” из нашего недавнего прошлого.

Вчерашние правоверные коммунистические иерархи-атеисты, возглавляя религиозный “Ренессанс”, смиренно стоят в церквях и храмах со свечками в руках, покорно принимая патриаршее благословение и отвешивая поясные поклоны...

На Арбате барышники бойко торгуют медалями, орденами, памятными знаками, шинелями с офицерскими погонами, партийными и комсомольскими билетами. На Пушкинской площади разнузданные юнцы отмечают день рождения Гитлера... А на Воровского, 52, возле бюста Льва Толстого ярким пламенем полыхает чучело Евтушенко...

Во мраке безверия и вседозволенности тонут и гибнут идеалы, все, что доселе было дорого, выстрадано, согрело сердца, озарило жизненную дорогу. Ленин — пре-

ступник, злодей и палач, а последний все-российский самодержец — душа, ангел, безвинно принесенный большевиками в жертву. Дзержинский — яковинский монстр, а Нестор Махно — либерал и друг селян. Что уж там говорить о Сталине, Троцком, Бухарине, Свердлове, Маленкове — они шли по магистрали большой политики, их удел — жажда власти. В полемику по поводу их оценок вдаваться не берусь — это предмет слишком ответственного разговора. Пускай серьезные и честные историки, а не штукари, и не влопыхах, не с налета и не с конъюнктурной кочки, а обстоятельно и, главное, объективно разберутся в сложнейшем сплетении событий, судеб, имен.

Но кому, спрашивается, помешала сегодня память о героях Великой Отечественной войны — Зое Космодемьянской, Александре Матросове, молодоговардейцах Краснодона, о 28 богатырях из Панфиловской дивизии?

Еще не составляет труда понять, когда в разгар “холодной” войны в планах идеологической подготовки войны горячей кто-то на Западе откровенно ориентировался на разложение и разоружение нашей молодежи, напрямик заявляя, что в интересах грядущей победы над коммунизмом нужно сделать все, чтобы в Советском Союзе не было новых Матросовых, Космодемьянских, Кошевых.

Неужели такую же подлую цель преследуют и ринувшиеся в наши средства массовой информации зловещие стаи ниспровергателей и гробокopatелей? А ведь и впрямь похоже на то...

На “тусовке” бирж, по числу которых мы в своей опустошенной, доведенной до нищеты

стране уже успели намного превзойти развитые государства мира, крупные барыши стрижет и биржа лжи, мошенничества и бесчестия, где продается-покупается всякий гнилой товар — слухи, сплетни, инсинуации, клевета, лишь бы прилично платили, лучше, если в СКВ. На бесовском этом карнавале встретишь немало имен писателей и журналистов, "прозревших и кающихся", замаливающих свои недавние коммунистические "грехи". Протиснулись туда и шустрые новички, порождение перестройки.

Нет конца судилищам над усопшими, не видно конца затяжной войне с собственной историей. Кто-то хоть и горестно и мрачно вато, но остроумно и метко пошутил, что прошлое наше... непредсказуемо. Увы, выходит, так.

Предметом нарочитых искажений и извращений, излюбленной мишенью для массированного огня продолжает оставаться Великая Отечественная война 1941—1945 гг., ее ход, итоги, значение и цена победы. На этом полигоне, где бьют и по площадям, и по отдельным целям, рядом с докторами и кандидатами наук тренируются и охотники до дешевой сенсации, и просто невежественные знахари. Сколько же встречаешь сейчас на тему войны и легковесных суждений, и примитивных выводов! Примеров тому несть числа. Довольно ограничиться лишь небольшой их долей, да и просто не под силу рядовому читателю уследить за мутным потоком, низвергающимся с пестрых страниц бесчисленных газет и журналов.

Передо мной выпуск молодого по возрасту журнала с многообещающим названием "Родина", учрежденного Верховным Советом Российской Федерации. Приуроченный к 50-летию нападения фашистской Германии на Советский Союз, он содержит малоизвестные и неизвестные исторические материалы. Используются интересные архивные находки, редкие фотоснимки, воспоминания, в том числе и с "той, противной, стороны".

При чтении, однако, с трудом верилось, что это наш, российский, ежемесячник — настолько тенденциозно, безысходно и беспробудно черно трактуется в нем все, что связано с Отечественной войной, что известно мне, как ее участнику, и по собственным наблюдениям, и по различным исследованиям, мемуарам и т. п. Ничего светлого, такого, что бы внушало гордость за страну и отстоявший ее независимость народ. Отвергается или берется под сомнение все, чем озарена Победа.

Пусть это выглядит парадоксально, но, пожалуй, У. Черчилль в своей печально знаменитой фултонской речи, отрывки из которой опубликованы в номере, лучше наших сегодняшних "патриотов", отозвался о советском народе — боевом союзнике по антигитлеровской коалиции: "Я испытываю сильное восхищение и уважение к доблестному русскому народу..."

Если верить авторам журнала, героев в той войне нет — сплошь жертвы и мученики. Маршал Жуков? По мнению профессора А. Мерцалова (гвардии полковника запаса к тому же), озаглавившего свою статью "Под гипнозом "сильной личности", это всего лишь один из творцов победы, которую он считает пирровой, а потому, дескать, вопрос о сооружении памятника полководцу неактуален.

Зато тут же делаются попытки приподнять и героизировать изменника Власова и вла-

совцев, представив их эдакими идейными борцами за освобождение России. А в беседе о Степане Бандере с характерным заголовком "Предатель? Освободитель? Жертва?", чуть ли не оправдываются кровавые злодеяния банд УПА. Вот так, в одночасье, прежние, может и нуждающиеся в корректировке, стереотипы сменяются наукоподобными "открытиями", с противоположным знаком.

Вдвойне досадно, что тон в извращении взгляда на войну задают известные писатели-фронтовики. Номер "Родины", открывается статьей Вячеслава Кондратьева "Оплачено кровью...". Прогноировав азбучные истины о целях и освободительном характере Великой Отечественной войны, автор "Сашки", изображает ее как кровавую мясорубку — не больше. Не случайно же на нескольких журнальных страницах он так и не смог ни разу выговорить слова "Великая Отечественная", — для него это просто война. Единство советского народа, поднимающегося на защиту Отечества, Кондратьев называет мифом. Мол, лишь когда-то позднее, в ходе войны, народ "обрел истинно гражданское чувство". Вынужденный все же, стиснув зубы, признать всенародный подвиг, писатель тут же, походя, развенчивает высшие проявления воинской доблести. Об Александре Матросове он, к примеру, говорит, что гибель его нужна была лишь политотделам, которые "создали легенду и усипенно распространяли ее как пример для подражания, пропагандируя „опыт“ советских „камикадзе“. Ну, не кощунство ли?

Мне не известны детали появления специального приказа Народного комиссара обороны о подвиге А. Матросова, как, по инициативе какого "политотдела", он родился. Но нет ни малейших оснований усомниться в той громадной вдохновляющей роли, которую он сыграл в укреплении у бойцов наступательного порыва и отваги. Подвиг Александра Матросова олицетворял вершину человеческого духа, венец жизни, отданной людям. Ставить знак равенства между самопожертвованием нашего солдата и заранее запрограммированным, замешанным на религиозно-мистических чувствах самоубийством смертника из японской императорской армии — неуклюже и просто незачто.

Еще больше смутили меня некоторые высказывания Виктора Астафьева, любимого мною автора "Царь-рыбы", "Пастуха и пастушки", "Зрячего посоха", большого, истинно народного русского прозаика. Под заголовком "Сначала снаряды, потом люди" в журнале опубликована его беседа с корреспондентом. Сколько же в ней нескрываемой неприязни к фронтовым командирам, политработникам, коммунистам! И словарь-то для нее избран архипасквильный: "майоришки", "шастают", "шлятуют"... Отвечая на вопрос, были ли среди командиров такие, кого можно было бы назвать отцами, писатель без оговорок изрекает: "Нет, среди высшего командования не было. Все они — достойные выкорымиши Сталина. Большинство из них совершенно не считалось с потерями и совершенно не понимало, что такое человек, солдат... Потери же наши он, не утруждая себя доказательствами, с официально признанных 27 доводит уже до 47 миллионов человек. И, давая волю гневу, твердит об отношении командиров к солдатам: "За людей не считали, сгоняли как скот и держали как

скот... Полемизировать с автором подобных безапелляционных речений, право же, бессмысленно.

Как же безудержно, смотрю, прогрессирует почтенный автор в своем негативном взгляде на труженников войны, каковыми были и солдаты, и офицеры, и генералы, и маршалы. Я не поленился и отыскал в своем архиве его большую статью в "Правде", 1985 года — "Там, в окопах...". Произнеся о минувшей войне немало горького, старый солдат хорошо отозвался тогда и о своем командире дивизии С. С. Волкенштейне, и о командире полка И. М. Шумиликине, и о командире 4-й танковой Д. Д. Лелюшенко.

"Окопная правда", В. Астафьева пришлось по праву не всем ветеранам, вызвав и отрицательную реакцию. Отвечая своим оппонентам в "Литературной газете" (7 октября 1987 г., "Да пребудет вечно..."), о чем-то споря с ними, в чем-то оправдываясь, Виктор Петрович не удержался и от обидных выпадов. Один из них адресовался В. И. Зайцеву, бывшему начальнику штаба 10-й стрелковой (181-й) дивизии внутренних войск НКВД. Может, с позиции "генеральской правды", Василий Иванович и не совсем удачно выразился, возражая писателю, но брань В. Астафьева о "бравых зайцевых из штабных служб" для боевого фронтовика-сталинградца прозвучала крайне бестактно и оскорбительно. Я, помнится, сразу же написал об этом Виктору Петровичу, упрекнул его в односторонности и абберации зрения. Отвечая мне, он уклонился от спора по существу: дескать, генералу все равно трудно понять солдата...

В чем я целиком солидарен с В. Астафьевым, так это в его резко негативном изображении военных будней многими произведениями литературы и искусства. Всякого рода шапкозакидательство, лакировка, легковесность и приукрашивание — будь то на кино или телеэкране, будь то в романах, повестях или песнях — отнюдь не делают добытую народом победу выше и дороже, а скорее принижают, дискредитируют ее.

Развернув в сентябре прошлого года номер "Аргументов и фактов", еженедельника с рекордным в мире разовым тиражом, с глубокой болью увидел я, как через полвека, минувших после ноября 1941 года, вторично ведут на Голгофу юную Зою Космодемьянскую, чье светлое имя всегда было символом беззаветной любви к Родине, отваги, жертвенности. Пытать и повторно казнить ее взялся некто А. Жовтис из Алма-Аты, поставивший под статьей титул "писатель" (с иными, кроме этого пасквиля, его писаниями я, грешник, не знаком).

Не прошло и двух месяцев, как в "Курантах" появилась статья Маргариты Волиной "Кого оплакивала мать Кошевого?", в которой реанимируется гулявшая когда-то бызательская сплетня о том, что Олег Кошевой не погиб, мусолятся другие слухи, домыслы и нелепости о краснодонской "Молодой гвардии", а заодно и об авторе одноименного романа.

Наконец, в те самые дни, когда мы отмечали 50-летие битвы под Москвой, одна из газет взялась утверждать, что никакого боя двадцати восьмью панфиловцев не было, что легенду о них сфабриковал журналист А. Кривицкий.

Так, словно по чьей-то команде, развернулась злобная массивная атака на нетленные духовные исторические ценности, на вошедших в бессмертие героев Великой Отечественной войны.

У меня ко всему этому отношение особое, глубоко личное. О зимвергаемых и повторно казнимых юных героях я сужу не по глянцевым хрестоматиям, пособиям и брошюрам, а по своим собственным впечатлениям, как их современник, по трепетному человеческому и гражданскому чувству сверстника. С именем Зои, молодогвардейцев у меня связаны страницы жизни, службы, работы с людьми.

Помню глухую тревожную осень и рано пришедшую студеную зиму сорок первого, когда у самых стен Москвы уже слепил торжествовать победу враг, примеряя мундиры для триумфального марш-парада. Каких невероятных усилий стоили нам каждая удержанная пядь, каждый метр подмосковной земли!

Тем не менее ни отчаяния, ни ощущения безнадежности и поражения не было. Остались позади часы паники середины октября. Защитники города и жители подтянулись, напряглись, даже в самые трагические моменты не утратив веру в конечную победу правого дела. Хотя законно каждый из нас задавал себе мучительный крамольный вопрос: как, почему, по чьей вине случилось такое — гитлеровцы на пороге Москвы?

И великую, неумирающую эту веру и надежду питали, согревали, вливали в солдатские сердца подвиги защитников столицы, прославленных и безымянных героев.

"Защитник Москвы Сергей Белоус" — такой передовицей открывался номер "Красной звезды", 24 октября. Рассказывалось в ней о подвиге нашего однополчанина — дзержинца. Вскоре он обратился к воинам дивизии со страниц многотиражной газеты "На боевом посту".

27 ноября в "Красной звезде", опубликована корреспонденция Василия Коротева "Гвардейцы-панфиловцы в боях за Москву". В ней впервые лаконично сообщалось о подвиге двадцати восьмью. Более подробно и ярко рассказывал об этом Александр Кривицкий в статье "Завещание 28 павших героев". Еще позднее по документам, донесениям была восстановлена картина боя у разъезда Дубосеково, названы имена его участников.

Как священная заповедь защитников столицы прозвучало тогда обращение политрука Василия Клочкова: "Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!". О том же хорошо сказал поэт Александр Твардовский:

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.

"Таня" — так назывался очерк фронтового корреспондента "Правды" Петра Лидова. В тот же день, 27 января 1942 года, о последних часах жизни партизанки, о казни ее в деревне Петрищево писал в "Комсомольской правде" Сергей Любимов. Несколькими днями спустя узнали мы и настоящее имя героини: Таней называлась перед смертью московская школьница комсомолка Зоя Космодемьянская.

Фронтовики мстили за нее фашистам,

снайперы открывали счет истребленных за нее гитлеровцев. Свой солдатский долг до конца выполнил ее брат — гвардии старший лейтенант Александр Космодемьянский, командир батареи, Герой Советского Союза, погибший в конце войны в Восточной Пруссии.

И вот на тебе — Жовтис выступает с "уточнениями к канонической версии" (так названа его статья в "АиФ"). Ссылаясь на покойного Николая Анова, который когда-то от кого-то что-то слышал, извратив общеизвестные, многократно проверенные и авторитетно подтвержденные факты, он тщится убедить неискушенных читателей, что никакого подвига и быть не могло, поскольку-де и немцев-то в Петрищеве не было, а девушка, оказавшаяся Зоей Космодемьянской, просто поджигала дома мирных жителей... Через несколько номеров редакция "АиФ", пытаясь соблюсти невинность и объективность, дает подборку откликов, как отвергающих жовтисовские "уточнения", так и разделяющих его позицию. "Героиня или символ?" — спрашивает при этом редакция. Кое-кто из читателей пошел еще дальше. Автор одного из писем утверждает, например, что Таня — это вовсе и не Зоя Космодемьянская, а совсем другая партизанка. И дальше, упорствуя в отстаивании сомнительной "версии", газета опять возвращается к этой теме, предлагая даже провести криминалистическую экспертизу для установления личности партизанки.

Многострадальная Зоя... Оказывается, она помешала кому-то еще раньше, чем появилась публикация в "АиФ". Держу в руках сентябрьский, за 1991 год, номер журнала "Театр", издания, казалось бы, фундаментального, рассчитанного на публику солидную, прежде всего деятелей сцены, людей искусства. Больше четверти его полезной площади, 48 страниц, заполнено монологами-панегриками спившемуся "гению", Венедикту Ерофееву. Заллетающимся похмельным языком его собутыльнички вспоминают сплошные попойки, цитируют самый натуральный пьяный бред своего кумира, восторгаются его умением пить без продыха да искусно воровать библиотечные книги. Меня же больше всего поразили некоторые ерофеевские откровения — о Зое Космодемьянской, Лизе Чайкиной. Одна из его поклонниц, некто Седакова, прямо-таки в экстазе от того, что Веня, оказывается, ненавидел Зою, сочинил о ней издевательские стишки, за что был вроде отчислен из пединститута. И еще, пишет она, "Чернышевского и Добролюбова он ненавидел, почти как Зою". Отчего такая ненависть, внятно не объясняется, лишь возводится она в ранг некоей доблести. Что-то объясняет низкий вымысел самой Седаковой: мол, мужество Зои — "за чужой счет": "ничего, что за прекрасную Зою расстреляют всех жителей Петрищева". Но ведь это же беспардонная и злонамеренная лож!

Да, сегодняшним невежественных "разоблачителей", воинству хлебом не корми, дай только в угаре "нового мышления", развернуться и с хулиганской бесцеремонностью поорудовать кистью с дегтем на воротах оте-

чественной истории. До какой же степени безответственными надо быть, чтобы вот так, не заглянув в святцы, подцепив слепую, бухать в колокола. Это, право же, даже не самоедство, а какое-то трупоедство.

Говорят, мертвые сраму не имут. Поносят ведь без разбора и живых, достается и президентам, и премьерам, и госсоветникам, и коммерсантам, и генералам. Но у живых какникак есть возможность постоять за себя, обратиться к прокурору, адвокату, за судебной защитой. Зоя, Олег Кошевой, гвардейцы-панфиловцы перед разгулом варварства беззащитны. Не спешат вступиться за них и власти, и политики. Вот бывший главный партийный идеолог, солдат Отечественной войны академик А. Н. Яковлев, проповедуя в "Известиях" терпимость, примирение, вступаясь даже за тех церковников, у которых, по его же словам, "исповедь верующего перетекала в досье следователя", т.е. вульгарных стукачей, ни единого слова не заискивал в защиту шельмуемых героев войны. Не странно ли это?

Ну, а что сказать о неблагоприятной позиции изданий, охотно предоставляющих свои страницы для подобной "разоблачительной", продукции? Мне, в частности, показалось непонятным, почему не возмутилась, почему промолчала, будто в рот воды набрав, "Комсомолка", сохранившая свое название? У нее, первой тогда, в сороковые роковые, воздавшей почести юным героям, среди сегодняшних острых публикаций не нашлось места для протеста против эскалации лжи, для осуждения нынешнего мазохизма...

Скажу в заключение: я отнюдь не ратую за то, чтобы однажды кем-то сказанное и даже так или иначе (указом ли о награждении, приказом ли о занесении навечно в списки личного состава и т.п.) приобретшее силу мифа, а то и запечатленное в бронзе и мраморе, абсолютно не подлежало переоценке и переосмыслению. На нашем историческом пути, к сожалению, встречалось немало чудес и курьезов. Нелепо звать к поклонению, скажем, Брежневу или Черненко. Зато разве не испытываем мы радость и удовлетворение от того, что восстановлено доброе имя человека, когда-то невинно пострадавшего, а то и объявленного врагом или диссидентом? Или когда торжествует справедливость в отношении незаслуженно обойденного почестями, к примеру, Александра Маринеско?

Не берусь вместе с тем стопроцентно исключить и того, что на некоторых именах и подвигах сохранились следы давней ретуши, налет грима и пудры. Могло такое случиться и из-за неполноты фактических сведений, когда в угоду оперативности недосуг было вести кропотливые изыскания. Допускаю, наконец, и элементы авторской эйфории, патетики, диктуемой зовом момента.

Все это, однако, не умаляет главного — самого подвига, могучей мобилизующей силы воздействия примера героя.

И ни принизить, ни отменить его никому не дозволено.

Илья БЕЛИКОВ,
генерал-майор в отставке.

Издательство журнала "На боевом посту" готовит к печати сборник художественно-публицистических материалов доцента Академии МВД России кандидата юридических наук С. Кузьмина по истории ГУЛАГа и последующих систем исполнения уголовного наказания до конца 80-х годов.

Автор опирается на документы о деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания, приводит факты и статистические данные, в значительной степени опровергающие "сенсационные" публикации зарубежных и отечественных журналистов и писателей.

Книга, надеемся, заинтересует как сотрудников органов внутренних дел, так и военнослужащих внутренних войск, будет полезной в научной и законотворческой работе. Сборник рассчитан на самую широкую читательскую аудиторию.

Предлагаем вашему вниманию одну из глав новой книги.

ЕЖОВЫЕ РУКАВИЧКИ

1937 ГОДА

1

ОКТАБРЯ 1936 года Н.И. Ежов подписал приказ по НКВД СССР о вступлении в исполнение обязанностей Народного комиссара внутренних дел Союза ССР.

Через два месяца после своего назначения Николай Иванович проводил совещание с руководящими сотрудниками ГУГБ и ГУЛАГа. Речь шла о наведении порядка в тюрьмах и лагерях. "Советские законы, — говорил Ежов, — одинаковы для всех. Ягода, по всей видимости, не хотел этого понимать и потому устроил для Каменева и Зиновьева из тюрьмы санаторий. Додумался обеды заказывать им из ресторана. Более того, — продолжал он, — всячески противодействовал и отводил карающий меч правосудия от голов этих перерожденцев. Потребовалось два суда над Зиновьевым и три над Каменевым, чтобы они получили по заслугам."

Сказано — сделано. В конце 1936 года в Суздальском, Ярославском, Челябинском, Верхнеуральском политизоляторах, где содержались наиболее важные политические, побывали комиссии, после отъезда которых заключенных стали выпускать из камер только на прогулку. Во внутренних дворах спилили деревья, убрали клумбы, цветники и территорию полностью заасфальтировали, прекратили вывод заключенных на какие бы то ни было работы. Свидание можно было получить только в исключительном случае с разрешения 10-го отдела ГУГБ НКВД. Передачи заменили денежными переводами. Вместо

шести писем полагалось только два. По новому порядку, «население» камеры, вне зависимости от численности, могло выписаться через тюремную библиотеку только одну центральную газету.

Первые же попытки протестовать обернулись для строптивцев запрещением покупать продукты на срок до пяти суток, лишением переписки на три месяца, права пользоваться деньгами до трех месяцев, переводом в одиночную камеру или карцер.

При Ежове было значительно упрощено и производство по делам о контрреволюционных преступлениях на основании постановления ЦИК СССР от 14 сентября 1937 года "О внесении изменений в действующее уголовное-процессуальное законодательство союзных республик". Постановлением ЦИК СССР от 2 октября 1937 года повысились максимальные пределы наказания в виде лишения свободы от 10 до 25 лет за шпионаж, террор, диверсии.

Обосновали просто: для предупреждения и сокращения преступности.

Дошла очередь и до проверки личных дел осужденных. Тут обнаружилось, что в лагерях находилось немало тех, в отношении которых приговоры выносились с превышением меры наказания, предусмотренной той или иной статьей уголовного кодекса. Иными словами, заключенные находились в местах отбывания наказания свыше установленного законом срока. Когда органы прокуратуры, при Ягоде не вмешивавшиеся в деятельность

лагерей, по указанию Вышинского начали сплошные проверки в лагерях, они обнаружили такое беззаконие и такие безобразия, о которых Ежов даже не подозревал.

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года И. В. Сталин выдвинул тезис о том, что по мере успехов социализма классовая борьба в стране будет усиливаться и, следовательно, активизируется деятельность вредительских, террористических, диверсионных и других антисоветских организаций. По существу это была политическая установка, послужившая идеологической основой репрессий второй половины 30-х годов. Ее реализацию руководство страны возложило на Н. И. Ежова и А. Я. Вышинского.

Как известно, в результате пострадали часть руководящих кадров партии и государства, армии, правоохранительных органов, рядовые граждане.

Справедливости ради необходимо отметить, что многие из репрессированных делегатов XVII съезда партии представляли тот партийно-государственный аппарат, который имел самое непосредственное отношение к насильственной коллективизации, поиску вредителей и саботажников, применению чрезвычайно жестких мер во время хлебозаготовок 1932 года, греследованию оппозиции и служителей религиозного культа, уничтожению русской интеллигенции. Именно они прямо или косвенно, вместе со своими подручными повинны в массовых нарушениях социалистической законности и выросли на этом в своем должностном положении.

Бывший начальник Ленинградского УНКВД Ф. Д. Медведь цинично открывенничал по поводу массовых репрессий: "... Я знал, что происходит, и сознавал необходимость происходящего, несмотря на то, что все это делается ценою больших жертв, ценою многих миллионов человеческих жизней, заведомо, намеренно обреченных на гибель... Мы строим коммунизм и будем его строить до конца, несмотря ни на какие затруднения и жертвы, любой ценой, любыми средствами будем идти к намеченной нами цели кратчайшим путем... Новое поколение не должно будет знать, какими способами достигалось построение коммунизма."

20 декабря 1937 года состоялось торжественное собрание в Большом театре, посвященное 20-летию органов ВЧК-НКВД. В тот же вечер Сталин дал обед для узкого круга руководителей НКВД. Присутствовали Ежов, Фриновский, Берман, Паукер и др. Разговор шел главным образом о Центральной Европе, о набирающей силу гитлеровской военной машине, об активизации разведывательных органов Германии и ряда других государств, о роли "пятой колонны", в испанских событиях. Все сходились на том, что в случае конфликта на западной границе страны на Украине, подвергавшейся нашествию иноземцев во время революции и гражданской войны, может в силу ряда причин сложиться взрывоопасная обстановка. Обращаясь непосредственно к Ежову, Сталин порекомендовал ему в ближайшие месяцы побы-

вать на Украине и разобраться там "по своей линии".

Реализация теоретической установки об обострении классовой борьбы повлекла за собой массовые аресты и выселки, пик которых пришелся на 1937-1938 годы. Не признавшие себя виновными считались опасными, поскольку "не разоружились". Признавшие вину должны были выдать сообщников. В результате применения недозволённых методов следствия карательная система, вне всякого сомнения, сама плодила "врагов".

Сейчас ряд средств массовой информации преподносит события 30-х годов как борьбу за выживание на уровне высшего эшелона власти. Однако уже в середине 20-х годов в партийных, комсомольских организациях, государственном аппарате сложилась круговая порука, общество разедало кумовство, элитарные браки, двойная мораль, пьянство, бытовое разложение, половая распущенность и другие пороки. Стали процветать карьеризм, индивидуализм, безнаказанность.

Особую опасность представлял протекционизм. Лица, находившиеся на ключевых постах в партийном и государственном аппарате, в других сферах деятельности, стремились проталкивать "своих", в том числе и жен, занимавших, как правило, высокое должностное положение благодаря заслугам мужей. "Свои" же платили патронам верной службой.

И вовсе не случайно, что в период массовых репрессий 1937 года пострадали не только главные действующие лица, но и их протеже. Так было с Бухаринным, Ягодой, Берманом, Тухачевским, Вавиловым и многими людьми, которые пользовались их расположением.

Сегодня не может не вызывать удивления и тот факт, что окружение Сталина само пострадало в той или иной степени от репрессий. У Кагановича одного брата расстреляли, а второй застрелился сам. Расстреляли зятя Шверника, У Калининна, Ворошилова, Молотова пересажили жен. А они молчали, они не заступались за близких. Почему? Была же у них такая возможность. Вот вопрос, на который мы до сих пор не знаем ответа. На страницах печати нет-нет да и проскальзывает такая информация. Жена В. М. Молотова — Жемчужина Полина Семеновна выкрала строго секретный документ и передала его Голде Меир. На другой день он был опубликован за рубежом. Знали же об этом документе только трое: Сталин, Молотов и Берия. Берия настаивал на ее расстреле, да Сталин пожалел.

Теперь посмотрим, соответствует ли "миф", 1937 года статистической действительности. В этом нам помогут официально обнародованные данные. По состоянию на 1 января в лагерях содержалось: в 1936 г. — 839 406; 1937 г. — 820 881; 1938 г. — 996 367; в 1939 г. — 1 317 195 человек. За контрреволюционные преступления отбывали наказание: в 1937 г. — 105 075; 1938 г. — 185 330; в 1939 г. — 254 399 человек. Таким образом, за 1937 год увеличение составило 80 255 и в 1938 г. — 69 069 человек, а в общей сложности — 149 324 человека. По нашей оценке, с учетом содержащихся в специальных тюрь-

* Репрессирован, а ныне реабилитирован.

мах и освобождения за эти годы отбывших наказание по данному составу преступления, общее число направленных в места лишения свободы в 1937—1938 годах составляет примерно 200 000 человек. Где же миллионы репрессированных?

Репрессии в отношении, как ее называют, «старой большевистской гвардии», против которой, умело лавируя между различными группировками, И. В. Сталин вел борьбу с середины 20-х и в 30-х годах, закончились в 1937 году. Схватка за власть была ими проиграна, и головы побежденных легли под пор Ежова.

Репрессии этого периода затронули и органы НКВД СССР. На то были свои причины. Именно Ягода вел целенаправленную работу по насаждению «своих» кадров в аппарат ГУЛАГа, который курировал, а затем и на руководящие посты в НКВД—УНКВД республик, краев и областей.

Теперь о репрессиях в Красной Армии. По страницам различных изданий гуляет внушительная цифра — 40 тысяч человек. Не случись этого, утверждают авторы публикаций, и был бы Гитлер повержен еще в самом начале войны. Между тем известно, что на 1 мая 1939 года всего было уволено из армии 12 461 человек, в том числе арестовано 8122 человека. Армия «очистилась» от шпионов, диверсантов, лиц, не внушающих политического доверия, в то же время избавилась и от пьяниц, расхитителей народного достояния. По директиве Наркома обороны от 21.06.1938 г. из Вооруженных Сил были уволены поляки, немцы, латыши, литовцы, эстонцы, китайцы и представители некоторых других национальностей.

«Ежов, — писал Роман Гуль, — этот почти неграмотный пролетарий, не любит молотых, стецких, мейлоков. В целом он не любит интеллектуалов. Он не скрывает радости, когда их ставят к стенке за государственную измену». Ежов действительно не терпел тех, у кого корни были не в России. Видимо, эти черты и были главной «виной». На Ежова легла вся ответственность за репрессии 1937—1938 годов, в то время как его команда заместителей: Берман, Фриновский, Заковский, Реденс и иже с ними сегодня в числе невинно пострадавших. Было бы наивным полагать, что инициатива по репрессиям исходила исключительно от него. Ежов — просто наиболее подходящий человек для задуманной Сталиным чистки кадрового аппарата. Поставив на острие атаки Ежова и заранее предрешив его судьбу, Сталин тем самым снимал с себя подозрение в антисемитизме в глазах мировой общественности. Да и подозревать его было в этом довольно трудно хотя бы потому, что его старший сын Яков был женат на разведенной одесской еврейке.

Ежов, даже если бы и хотел, не мог единолично противостоять коллегии НКВД, которая просто навязывала ему свою трактовку событий, свое видение фактов и исхода возбужденных уголовных дел.

Понимая невозможность изменить положение в руководящих кадрах наркомата, которые, как ни крути, были ставленниками Политбюро, он как-то сник и все чаще заглядывал в рюмку.

В бытность Ежова наркомом осужденные продолжали широко использоваться для решения хозяйственных задач. В предвоенные годы не только интересы внутреннего развития страны, но и напряженная международная обстановка требовали крутого подъема всех отраслей народного хозяйства, укрепления экономической и оборонной мощи государства. Ежову было не чуждо стремление подчеркнуть роль лагерей в решении хозяйственных задач в стране. В конце 1936 года на всех лагерных пунктах ГУЛАГа зачитывали приказ Ежова. Наркому было чем гордиться: реализуя постановление партии и правительства от ноября 1931 года, трест Дальстрой освоил самую отдаленную точку страны — Колыму. Дальстрой выдвинулся на первое место в стране среди золотодобывающих районов Союза. Построен порт в бухте Нагавева. Проложена автомобильная дорога в глубь Колымы. На реке Колыме создан крупный речной флот. Построены десятки поселков с электростанциями, промышленными и коммунальными предприятиями. Совхозы на побережье поставляют тысячи тонн овощей и корнеплодов, сотни тонн мяса и молочных продуктов. Тысячи бывших правонарушителей приобщены к социалистической стройке и становятся честными людьми.

Этим приказом 300 заключенных освобождали досрочно, а в отношении 1500, показавших образцы труда и поведения, был поставлен вопрос о сокращении сроков наказания. Надо полагать, в число счастливых немногих попало из тех, кто начал осваивать Колыму.

Тем временем в завершающую стадию вступили работы на одной из крупнейших строек — канале Москва—Волга, к которому было приковано внимание всей страны. Согласно постановлению июньского пленума ЦК ВКП(б) 1931 года, он должен был вступить в строй к навигации 1937 года, но строительство явно затягивалось. И неважно, что не Ежов начинал строить канал — за сроки пуска сооружения ответственность пришлось бы нести ему вместе с руководителями ГУЛАГа. Исправить положение можно было лишь за счет дополнительного финансирования и мер по стимулированию труда заключенных. С 1 октября 1936 года замелькали на страницах лагерной газеты «Перековка», списки заключенных, которым за трудовое отличие предполагалось ввести льготы вплоть до досрочного освобождения. Широко начали применяться сверхударные зачеты (по самой высокой норме) и такая мера, как снижение срока наказания на 3—6 месяцев за выполнение срочных заданий.

Но не был бы Ежов Ежовым, если бы маленькие радости для заключенных не обернулись тяжкими последствиями. Буквально накануне пуска канала подавляющая часть осужденных, в том числе проживавших с семьями с разрешения ГУЛАГа, была изолирована в охраняемых зонах, а судимые за контрреволюционные преступления в срочном порядке этапированы в отдаленные лагеря.

15 и 16 июля 1937 года вдоль всей трассы канала был праздник по случаю его вступления в строй действующих. Повсеместно кипели митинги, посвященные окончанию

строительства. По лагерному радио транслировалось торжественное заседание из Большого театра. На лагерных пунктах проводились собрания. Оглашались списки досрочно освобождаемых. Отличившимся раздавали значки "Ударник МВС", и разного рода премии. Заключенным было выдано 600 костюмов, 1500 комплектов обмундирования, 1500 пар ботинок и 1500 гимнастерок. В эти два дня и ударников, и отказчиков от работы кормили одинаково. К тому же на каждого заключенного было дополнительно затрачено на улучшенное питание по одному рублю 50 копеек. Все получили по 100 г табака и папиросную бумагу, а женщинам выдали еще и по 200 г конфет.

В те дни лагерные городки украшали гирлянды зелени, лозунги, портреты вождей. Духовые оркестры играли не смолкая. Шли концертно-эстрадные представления, показывались кинофильмы, организовывались спортивные игры.

Без наград не осталось и руководство лагерей, не говоря уже о ГУЛАГе. По постановлению ЦИК СССР от 17 июля 1937 г., за выдающиеся заслуги в руководстве органами НКВД по выполнению правительственных заданий грудь Ежова украсил орденом Ленина.

Ох уж эти каналы! Таилась в их воде какая-то смертная сила. Не спасали от нее талисманы в виде орденов. Может, мистика, но судьба трех наркомов оказалась тесно связанной именно с ними. "Построил", Г. Г. Ягода Беломоро-Балтийский канал и вскоре канул в небытие. "Построил", Н. И. Ежов — и его не минула чаша сия. Л. П. Берия (как чувствовал) долго сопротивлялся строительству канала Волга—Дон, но в конечном счете согласился. В 1952 году канал был сдан в эксплуатацию, а уже в следующем году Лаврентий Палыч разделил судьбу предшественников.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 14 июля 1937 года от дальнейшего отбывания наказания было освобождено 55 000 заключенных, участвовавших в строительстве канала. Вручили им удостоверения об ударной работе, билеты на проезд к месту жительства, деньги на питание в пути. Территориальные органы милиции получили указание: оказать помощь в прописке и трудоустройстве на строительных заводах или в сельском хозяйстве. Правда, территориальным органам милиции и ГУГБ было не до того. Иных забот хватало. И не найти теперь точных сведений о том, сколько бывших строителей канала были "прописаны" ими в других лагерях, когда по всей стране тащили подозрительных в места не столь отдаленные.

В связи с окончанием строительства канала появилась возможность использовать рабочую силу из числа заключенных на новых объектах. Уже 12 августа Совет Народных Комиссаров СССР обязал Ежова организовать для нужд народного хозяйства и оборонной промышленности (дело шло к войне, требовалось много пороха) семь лесозаготовительных лагерей. Осень поджимала, и потому наркомупредписывалось до 1 октября

в каждый из новых лагерей завезти не менее 5000 заключенных, обеспечив их палатками, кухнями и банями. В их задачу входило проведение необходимых подготовительных работ для приема еще не менее 15 000 заключенных в каждый с тем, чтобы с 1 января 1938 года лагеря приступили к лесозаготовкам. И вновь усилилось на железнодорожных магистралях движение маршрутных эшелонов, высылавших этапы со всех концов страны в осеннюю промокающую тайгу. Из свежеспеленного леса в срочном порядке возводились типовые бараки. Мокли на делянках в тайге под дождем, перемешанным со снегом, заключенные и охранники, согревая порой озябшие от топоров и винтовок руки у одного костра.

В декабре 1937 года на НКВД возлагается задача по строительству вторых путей железнодорожной магистрали на Дальнем Востоке протяженностью 5000 км. Начинается строительство крупнейших целлюлозно-бумажных комбинатов — Архангельского и Соликамского. Активизировалось освоение Ухто-Печорских нефтяных, газовых и угольных месторождений.

В ежовых рукавицах к середине 1938 года места лишения свободы стали преобразоваться. Уголовно-бандитствующий элемент и лица, занимавшиеся антисоветской агитацией, подверглись осуждению и были расстреляны в соответствии с июльским указанием НКВД от 1937 года. С одной стороны, в лагерях исчезли массовые притеснения, грабежи, кражи вещей и продуктов, групповые побег и другие негативные явления. Но, с другой стороны, в лагерях ощущалось закручивание "гаек". Все больше лагерных пунктов бралось под охрану. Все меньше становилось тех, кто пользовался правом передвижения без конвоя. Сократилось количество посылок и передач, писем, свиданий с родственниками. И кто знает, что еще могло прийти в голову Ежову, но дни его властвования уже были сочтены. 9 апреля 1938 года "Известия" сообщили, что он по совместительству назначен Народным комиссаром водного транспорта. Вроде бы ничего особенного — в 20-е и 30-е годы существовала практика совмещения в одном лице руководства несколькими наркоматами. Но ровно через 8 месяцев, 9 декабря 1938 года, "Правда" и "Известия" опубликовали неожиданное сообщение: "Тов. Ежов Н. И. освобожден, согласно его просьбе, от обязанностей Наркома внутренних дел с оставлением его Народным комиссаром водного транспорта. Народным комиссаром внутренних дел СССР утвержден тов. Л. П. Берия". В ГУЛАГе начиналась новая эпоха, и "архипелаг, замер в ожидании неминуемых перемен..."

Тем, кого заинтересовала книга С. Кузьмина, заявки высылать по адресу: 107120, Москва, Б-120, Сыромятинский проезд, 8, издательство журнала "На боевом посту".

ЭТО МЫ, ГОСПОДИ!

*Народом подмечено:
маленькие детки —
маленькие бедки,
большие детки —
большие бедки.
А памятуя расхожую
истину, что дети — наше
будущее, с тревогой
думаешь о том времени,
когда герои
предлагаемого
читателям очерка
дорастут до своего
“завтра”. Статистика
показывает, что зачастую
именно они пополняют
контингент,
содержащийся в
изоляции внутренними
войсками. Ну а если,
вопреки опасениям,
кого-то из них до поры и
минуток горькая чаша и
вчерашний вокзаленок
встанет в солдатский
строй, ох и нахлебаются
же с ним лиха
отцы-командиры!..*

КОМНАТУ инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН) Курского вокзала столицы потряс исторический вопль только что приведенного сюда мальчишки лет двенадцати:

— Ну вы, менты! Вы вообще не имеете права меня задерживать. Я подданный Украины!

Старший инспектор майор Сергей Курохтин повернулся к своему помощнику и нарочито спокойно сказал:

— Игорь, звони в госбезопасность. Это по их части: незаконный переход границы и попытка диверсии на вокзале столицы суверенного государства.

Гонор с украинского подданного как сквозняком сдуло.

— Какая диверсия? Вы что? Ничего такого я не хотел, — загнусавил он.

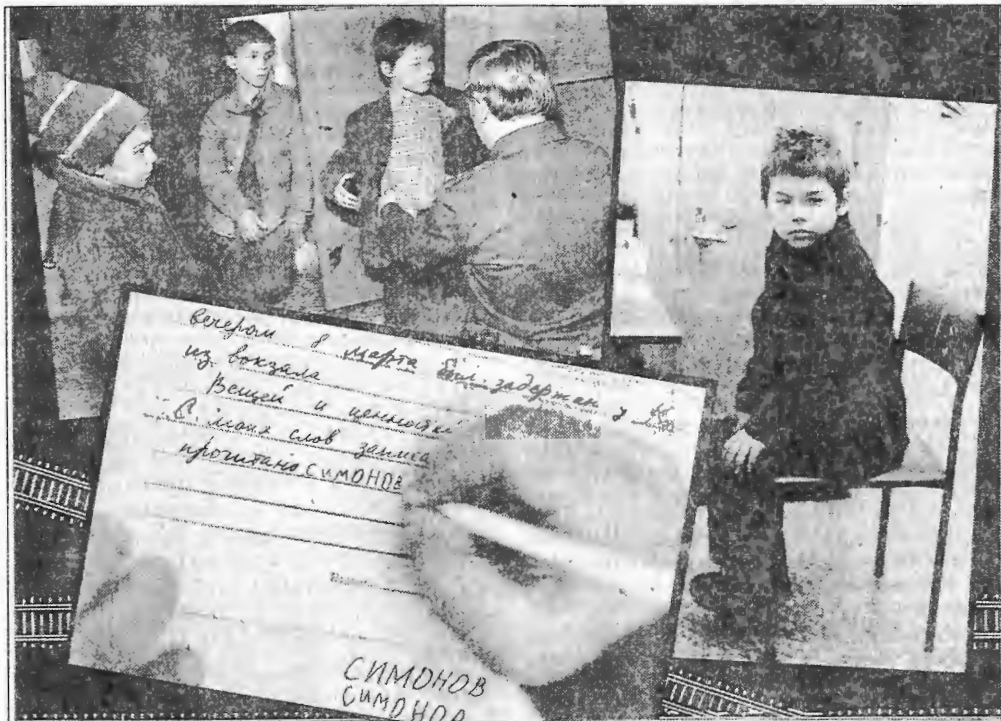
— А камней на рельсы кто навалил? — напомнил майор.

— Так это я хотел испытание провести.

— Знаешь, чем такие испытания кончаются? Телевизор смотришь?

“Испытатель», опустил голову и зашмыгал носом.

Дефицита железнодорожных аварий наша страна не испытывает. И это чистойшей случайностью, что до сих пор в числе их причин не было “детских шалостей”. Среди постоянных “клиентов”, ИДН Курского вокзала числятся три брата, которые однажды чуть не пустили под откос пассажирский состав. Забив в стык между рельсами противуюгонную струбцину, они удалились на безопасное расстояние и стали ждать исхода “эксперимента”. Не нужно обладать изощренным воображением, чтобы представить, какими могли бы быть последствия, если бы маши-

нист вовремя не заметил препятствие и не включил экстренное торможение. Тепловоз все же налетел на струбцину, которую позже нашли за триста метров от места "эксперимента", а результатом стали расколовшееся колесо локомотива и раскрошившийся кусок рельса.

За год через вокзальную ИДН проходит больше двух тысяч детей и подростков. В прошлом году — 2400. Но и это далеко не все аборигены Курского вокзала, есть и такие, которые живут под его крышей вместе с родителями (чаще — с одинокими матерями). В мужской парикмахерской на третьем этаже я увидел девочку с коротким ежиком волос, в выцветшем платице, из которого она давно выросла. Симпатичная мордашка, любознательные, лукавые глаза, но особенно привлекала внимание ее беззаветная готовность к общению с первым встречным, случайно бросившим ей доброе слово или ласковый взгляд. Когда мы разговорились, она сообщила, что зовут ее Леной, лет ей восемь, на Курском вокзале с матерью и двумя младшими сестренками живет уже год, а до этого два года жили на Ярославском. На вопрос, почему у нее такая прическа, девочка ответила:

- Это меня здесь постригли.
- А почему так? — удивился я.

Лена застеснялась и промолчала, а одна из женщин, работающих в парикмахерской, объяснила:

— Пытались ребенка от швей избавить, постригли, помыли, но всех ведь в парикмахерской на перемоешь. Их тут, знаете, сколь-

ко?! Вот и набираются этой гадости друг от друга да от взрослых бомжей. За Леночкой-то мы побольше присматриваем. Она у нас своей стала.

Я спросил у девочки, что ее так привлекает в парикмахерской.

— Здесь тети добрые и пахнет хорошо, — сказала она.

Ее ответ я вспомнил через несколько минут, когда Лена повела меня в гости.

В темном углу возле женского туалета, на грязном цементном полу бурой горой возвышались какие-то тряпки, источавшие смрад, сравнимый разве что с залповым выбросом какого-нибудь химкомбината. В детской коляске копошилось годовалое дитя. Четырехлетняя сестренка Леночки сидела прямо на полу, рядом — ее мать и лысый мужчина в бесформенном пиджаке, надетом на майку. Он представился двоюродным братом хозяйки "апартаментов", позже выяснилось, что его социально-родственное положение можно определить как "друг семьи".

Пообщавшись с матерью Лены Ниной Сергеевной Гончарук ровно столько, сколько смогла выдержать моя исоглобка, выяснил, что они переселенцы из чернобыльской зоны отчуждения. Поначалу семья перебралась в деревню Щербач Нижегородской области. Там им выделили дом. Николай Романович — так зовут друга семьи — пошел работать на ферму скотником. Кормов катастрофически не хватало. Начался падеж молодняка. Кончилось тем, что Николая Романовича выгнали с работы, а семью — из дома и из деревни, пригрозив судом и отобрав вещи и мебель в

уплату за погибших телят. Так они во второй раз остались без крова, поехали в Москву искать правду и защиту. За три года столичной жизни и хождений по различным инстанциям — вплоть до приемной Горбачева и «Белого дома», — убедились, что занятие сие столь же бессмысленно, как и попытки поймать луну в луже перед вокзалом. От луны хоть отражение есть, от правды и того не осталось. И на помощь уповать им можно разве что от инопланетян, Москва-то, как известно, слезам не верит.

Я спросил Нину Сергеевну, слышала ли она что-нибудь о гуманитарной помощи.

— Какой? — переспросила она.

— Гуманитарной. Из-за границы присылают продукты, лекарства...

— Кому присылают? — Вот вопрос! Как на него ответить? Иностранцы надеются, что их пожертвования идут наименее обеспеченным слоям населения России, но, оказывается, в этих слоях есть люди, которые и понятия не имеют о том, что о них кто-то думает и заботится.

— На что вы живете? — спросил я Нину Сергеевну.

— Люди подают. Не все же у нас в черных «Волгах», ездят, есть и которые по земле ходят. Вот они и подают. И мне, и детям. Ну еще случайные заработки бывают. Тут вчера парень пьяный под лавку надул, а его милиционер прихватил, хотел в кутузку тащить. А я ему и говорю: пусть, мол, мне этот пьяница даст рублей десять-пятнадцать, я за ним вымою, а вы его отпустите. На том и порешили. Не велика прибыль, а на хлеб хватит. Я не брезгливая. Вокзальному начальству предлагала: давайте полы буду мыть, туалеты. Так не хотят со мной связываться.

Подбежал мальчишка-узбеченок в колготках — из дыр выглядывали и пальцы, и пятки.

— Тахир, что ж ты босиком-то по каменному полу?! — всплеснула руками Нина Сергеевна. — Пойди обуйся.

— А во что? — скребя грязными ногтями под мышкой, бросил сосед по бомжатнику. Он кивнул на кучу тряпок в углу и сказал:

— Это у вас вон сколько всего. А у меня ничего нет. Ботинки мамка пропила. Я нашел на помойке сандалии, но они взрослые — сваливаются...

В десяти шагах от «жилища» этих людей ярко светятся коммерческие ларьки, набитые под самую крышу забугорным шмотьем. Здесь на отечественное барахло даже не взглянут. У Тахира — другая шкала ценностей. Ларьковый «клондак», для него — чужая галактика. А замызганные, провонявшие мочой и потом, месячными не стиранные тряпки соседей — богатство.

А какково смотреть на ребенка, настоящего и будущее которого пропито его собственной матерью?

Родительницу-алкоголичку в состоянии брева увезли в вытрезвитель, а ее пятилетнего сына привели к майору Курохтину. Малыш, насупившись, несколько минут сидел

молча, потом исподлобья взглянул на офицера и попросил:

— Дай мне воды.

— Может, лучше сладкого чаю? — предложил Сергей.

— Нет, воды.

Курохтин налил в стакан воды и поставил перед мальчиком. Тот, посопев, буркнул:

— А закусь?

Сергей от неожиданности растерялся, но, быстро придя в себя, дал «гостю» кусок пирога. Малыш поднял стакан и провозгласил:

— Ну, будем!

Выпив воду, мальчишка скривился, помахал ладошкой в открытый рот и стал бродить по комнате, шатаясь и матерясь. Взрослые все просто онемели. Тем временем мальчик подошел к столу, покрутил диск телефона и, подняв трубку, закричал в нее:

— Але! Милиция? Что ж вы там, мать вашу... Приезжайте скорей. Эта скотина уже опять нажралась...

В комнате воцарилось гробовое молчание. Взрослые боялись взглянуть друг на друга. Вампиры и вурдалаки из американских киноужасников по сравнению с недетским лепетом этого ребенка — розовые пузыри, безобидные игрушки для психоизвращенцев.

Самое тревожное место на вокзале, по оценкам сотрудников ИДН, — пятачок с игровыми автоматами. Здесь подростки заключают всякие сомнительные сделки, закабаляют тех, кто помладше, обворовывают друг друга и забредших пассажиров. Если начинающего карманника хватают за руку, он тут же другой рукой без страха и сомнений представляет к животу своего избранника нож и завершает ревизию его карманов уже открыто.

— Сколько раз просили администрацию убрать с вокзала этот гадюшник! — сокрушается Сергей. — Куда там! Такое доходное место! А то, что здесь сбехавшие из дома пацанята из беспризорников превращаются в воров, никого, кроме милиции, не волнует. Ларьки вон лепятся друг к другу, как ячейки в сотах. С каждой коммерческой точки в вокзальную казну капают арендные «тугрики». Хоть бы что-нибудь на эти деньги сделали для удобства пассажиров! Нет, скамьи из залов ожидания выбрасывают, а на их место водружают лавки спекулянтов. Соорудили бы на задворках ночлежку для бомжей, чтобы они не превращали вокзал в рассадник инфекции. Ведь случись что, по всей стране отсюда зараза разъедется...

Вдруг Курохтин прервал свой отчаянный монолог и с саркастической радостью воскликнул:

— А вот и наш дорогой друг!

Приобняв за плечи щуплого парнишку в засаленной куртке и пузырящихся на коленях «трениках», Сергей представил его:

— Стасик Любарский! Без него Курский вокзал, как «Ну, погоди!», без волка. Если бы я его сегодня здесь не увидел, спать бы не смог неделю.

И, уже обращаясь к мальчишке, Курохтин спросил:

— Когда в последний раз дома-то ночевал?

Пацан не удостоил майора ответом, всем своим видом давая понять, что вопрос — риторический. Да и по запаху, исходившему от него, можно было уверенно предположить, что дома он не появлялся по меньшей мере месяца два.

— Матери звонить бесполезно, — объяснил мне Сергей, — она за сыном не приезжает, похоже, махнула на него рукой. Впрочем, как и он на нее. Мать — инвалид. Кроме Стаса у нее еще двое детей. И все — на шее у бабушки. В приемник Любарского не берут — он москвич, а туда только иногородним путь открыт, и то не всегда. Что вот с ним делать? Куда девать? В школе уже три года не учится. Проведем душевную беседу, которая у него в одно ухо влетает, из другого вылетает, и отпускаем. И он — прямиком обратно на вокзал.

Стас тряхнул похвоей на воронье гнездо головой, будто подтверждая слова майора.

Возле игровых автоматов мы выбрали еще троих "гавриков", одного из которых я узнал. Это был Симонов Алеша. Его привели в инспекцию два дня назад. Тогда мальчишка был в куртке, теперь — в одном пиджачке. С прошлой встречи он мне запомнился тем, что мертвецки заснул, как только опустился на деревянную лавку в комнате задержанных, крепко сжимая в кулаке ручки авоськи с пустыми бутылками.

В тот раз Алешу отпустили, наказав ехать домой, зная, однако, что домой он вряд ли поедет. Дежурный милиционер хотел отобрать бутылки, но Курохтин вступился:

— Оставь. Он их сдаст и чего-нибудь себе пожевать купит.

— Если б он еды купил, — возразил коллега, — я б ему своих денег дал. Но ведь все в автоматах просадит. Эти голодные салажата последние монеты в балаган тащат, а там битюги их замусоленными рублевками мощно набивают и молятся на отцов города, благословивших разгул спекуляции и надувательства.

Теперь Алешу Симонова решено было отправить в приемник-распределитель. Молодой парень, внештатный сотрудник, взялся заполнять на него объяснительную. Закончив, спросил:

— Читать, писать умеешь?

— Нет.

— И расписаться не сможешь?

— Нет.

Парень взял лист бумаги, печатными буквами написал Алешину фамилию и предложил:

— Попробуй-ка так же нарисовать.

Прикусив от усердия кончик языка, Алеша точно скопировал образец.

— Хорошо, — одобрил его собеседник, — а теперь еще раз вот здесь.

Алеша снова склонился над столом и те-

перь уже на заполненном бланке вывел: "Симонов".

А я подумал: человек первое в своей жизни слово написал в милицеском документе, составленном по поводу его задержания.

Как же мы себя загипнотизировали, из года в год повторяя, словно попугай, что дети в нашей стране — привилегированный класс! А они за это время вернулись туда, откуда начинали беспризорники двадцатых годов, — на вокзалы и чердаки, в подворотни и подвалы. Но если тогда, семьдесят лет назад, люди, стоявшие у руля государства, нашли и средства, и силы, чтобы обогреть, накормить, приютить и поднять на ноги беспризорников, то сегодняшние "надежи и опоры", предпочитают благотворительное сюсюканье перед телекамерами.

Есть ли в Москве хоть один приют, на который мэрия или Моссовет выделяли бы средства? В инспекциях по делам несовершеннолетних нечем покормить задержанных беспризорников, потому что на это у городских властей тоже нет денег. Приемник-распределитель едва сводит концы с концами, ограничивая прием беглецов, которых не в силах прокормить.

... За окном ИДН Курского вокзала начинается новый день. Хрипит возле автобуса мегафон экскурсионного глашатая. Я стою у окна и думаю: а смогут ли когда-нибудь поехать на эту экскурсию Стасик Любарский или Алеша Симонов? Увидят ли они своими глазами богатства кремлевских храмов, шедевры Третьяковки, Бородинскую панораму?.. А может, они так и останутся навсегда жителями Курского вокзала? Сгниют здесь заживо, как гниют сегодня десятки бомжей. И единственной их экскурсией станет путешествие на тележке носильщика к синему контейнеру на заднем дворе, куда до приезда специалиста санэпидстанции и умельцев из морга складывают трупы бродяг, живших и умерших на вокзале.

Майор Б. БУЛГАКОВ.

Жорж СИМЕНОН

• КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА

ЗНАКОМАЯ
МАДАМ
МЕГРЕ

РОМАН

НА ВСЯКИЙ случай Мергэ протянул ему фотографии женщин, отобранные Моэрсом.

— Здесь нет никого, кто бы ее напоминал?

Бенуа посмотрел на комиссара с изумлением:

— Вы показываете мне женщин, которым нет и тридцати, а графине почти семьдесят. Постойте! Вам надо навести справки о ней у ваших коллег из полиции по борьбе с наркотиками, они должны ее знать.

— Кстати, кто она такая?

— Вдова графа Панетти, итальянского военнопромышленника.

Она живет всюду понемногу: в Париже, Каннах, Египте. Слышал, ежегодно она проводит сезон в Виши.

— Она пьет?

— Шампанское у нее вместо воды, и я не удивлюсь, если скажут, что она чистит зубы сухим "Поммери". А одевается, как девчонка, макияж, как у кокетки, большую часть ночи проводит по кабре.

— А ее горничная?

— Я ее знаю не слишком хорошо. Они часто меняются. Теперьшнюю я увидел только в этом году. В прошлом — с ней была высокая блондинка, массажистка по профессии. Ведь ей каждый день нужен массаж.

— Как зовут эту девицу?

— Что-то вроде Глории. Карточки ее я не видел, но вам скажут в канцелярии. Не знаю, похожа на итальянку, а может, просто с юга, откуда-нибудь из Тулузы.

— Невысокая брюнетка?

— Да, элегантная, хорошо воспитанная, симпатичная. Я редко ее видел. Она жила не в комнате для прислуги, а в апартаментах. Ела вместе со своей хозяйкой.

— И никаких мужчин?

— Приходил тут один иногда, назывался зятем.

— Когда?

— Незадолго до их отъезда. Точную дату можно узнать на контроле. В отеле он не жил.

— Не знаете, как его зовут?

— По-моему, Кринкер. Чех или венгр.

— Брюнет, полный, около сорока лет?

— Нет, напротив, белобрысый и намного моложе. Я бы ему не дал и тридцати.

Беседу Мергэ и портье лишь на минуту

прервало появление группы американцев в вечерних костюмах. Оставив ключи, они запросили такси.

— И вы думаете, что это настоящий зять? — вернулся к разговору комиссар.

— За нею водятся какие-то грешки? — в свою очередь поинтересовался портье.

— Не знаю. Не могу сказать ни да, ни нет. Он оставался на ночь?

— Нет. Но несколько раз они выходили вместе.

— С камеристкой?

— По вечерам она никогда не появлялась с графиней. И в вечернем платье я никогда ее не видел.

— Не знаете, куда они направились?

— В Лондон, если мне не изменяет память. Постойте. Я, кажется, кое-что вспомнил. Эрнест! Поди сюда. Не бойся! Не оставила ли здесь графиня Панетти громоздкие вещи из своего багажа?

— Да, месье.

Консьерж принялся объяснять:

— Часто бывает так, что клиенты, отлучающиеся на более или менее длительный срок, оставляют у нас часть багажа. Мы делаем им скидку. Графиня оставила свои чемоданы.

— Она не сказала, когда вернется?

— Нет, насколько я знаю.

— Она уехала одна?

— Со своей горничной.

— На такси?

— Вот об этом надо бы спросить моего дневного коллегу. Вы найдете его здесь завтра с восьми утра.

Мергэ вытащил из кармана фотографию Мосса. Лишь мельком взглянув на нее, консьерж скривился.

— Тут вы его не найдете.

— Вы знаете, кто это?

— Патерсон. Я познакомился с ним еще пятнадцать лет назад, когда работал в Милане, только тогда он представлялся Мосселейером. Он взят на заметку во всех отелях и не отважится в них появляться. Знает, что ему не только не дадут номера, но даже в холл не пустят.

— Вы его не видели в последнее время?

— Нет. А если бы встретил, нашел бы способ взять с него ту сотню лир, что он у меня занимал, да так и не отдал.

— У вашего дневного коллеги есть телефон?

— Вы можете, конечно, попытаться позвонить ему на виллу в Сен-Клу, но он редко берет трубку. Не любит, когда его беспокоят по вечерам, и часто отключает телефон.

Однако на этот раз трубка была снята, и Мегрэ услышал, что на другом конце провода звучит музыка.

— Шеф багажного отделения вам может точнее сказать. Я не помню, чтобы они вызывали такси. Обычно, когда она уезжает из отеля, я сам беру ей билет на поезд или на самолет.

— А на этот раз было не так?

— Да. И это меня прямо поразило. Может, она уехала в частной машине?

— Вы не знаете, была ли у ее зятя, Кринкера, машина?

— Конечно. Огромный американский лимужин шоколадного цвета.

— Благодарю вас. Завтра утром я, скорее всего, подойду.

Он прошел в администраторскую, где заместитель директора, в черном пиджаке и брюках в полоску, самолично нашел нужные карточки.

— Она покинула отель вечером 16 февраля. Вот счет.

— Она была одна?

— Я видел, как ей подавали завтрак на двоих. Она ела вместе со своей компаньонкой.

— Не могли бы вы дать мне ее счета?

Все счета, которые день за днем оплачивала графиня, были на месте, и Мегрэ захотелось изучить их на свежую голую.

— При условии, что вы их мне вернете! А то у нас будут неприятности с финансовой инспекцией. И чего это вдруг полиция забеспокоилась о таком человеке, как графиня Панетти?

Занятый своими мыслями, Мегрэ чуть не ответил: "Это все из-за моей жены".

Но вовремя спохватился и проворчал:

— Пока не знаю. Какая-то история со шляпкой.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Прачечная на Вер-Галан

Мегрэ толкнул вращающуюся дверь и оказался на улице под дождем, где гирлянды фонарей влажными глазами смотрели на Елисейские Поля. Он намеревался было пройти пешком до площади, но вдруг нахмурился. Под деревом рядом с укрывшейся от дождя цветочницей стоял Жанвье.

— Чем это ты здесь занимаешься?

Инспектор показал комиссару на силуэт, вырисовывавшийся на фоне одной из редких освещенных витрин. Это был Альфонси, который, казалось, был поглощен созерцанием чемоданов.

— Он следит за вами. Поэтому я здесь.

— Виделся ли он с Лиотардом после визита на улицу Тюренн?

— Нет, он ему звонил.

— Бросай-ка это. Хочешь, я тебя подвезу домой?

Жанвье жил почти по пути, на улице Реомюр.

Их уход, похоже, удивил Альфонси, сбил с толку, а когда Мегрэ подозвал такси, он вообще развернулся и направился к площади Звезды.

— Есть что-нибудь новенькое?

— Даже слишком много.

— Завтра с утра мне опять заниматься Альфонси?

— Нет, приходи в контору. Возможно, для всех найдется работенка.

Когда Жанвье вышел из машины, Мегрэ сказал шоферу:

— Давайте проедем по улице Тюренн.

Было еще не поздно. У него теплилась смутная надежда, что у переплетчика еще не погашен свет. Это был бы подходящий, так давно ожидаемый случай, чтобы подольше поговорить с Фернандой.

Заметив отблески на стекле, он начал вылезать из машины, но, убедившись, что внутри совсем темно, постеснялся стучать и отправился на набережную Орфевр проведать дежурившего Торранса.

Мадам Мегрэ уже засыпала, когда он на цыпочках вошел в квартиру. Пока раздевался в темноте, чтобы не потревожить жену, она спросила:

— Что со шляпкой?

— Ее действительно купила графиня Панетти.

— Ты ее видел?

— Нет, но ей около семидесяти пяти.

Он лег спать, то ли не в настроении, то ли слишком занятый своими мыслями. Когда проснулся, дождь шел по-прежнему.

— Ты будешь продолжать свое расследование? — спросил он у жены, когда та, еще в бигуди, подавала ему завтрак.

— А что мне остается делать?! — вполне серьезно ответила она.

— Не знаю. Но коль скоро ты начала...

На углу бульвара Вольтер он купил газету и не обнаружил там ни очередного заявления Филиппа Лиотарда, ни вообще каких-либо нападок. Ночной портье из "Клариджа" был немногословен,

ведь разговор у них касался только графини.

Машина завертелась: начались поиски итальянской графини на Лазурном берегу и в столицах зарубежных стран; одновременно интересовались неким Кринкером и горничной.

На автобусной остановке какой-то пассажир уткнулся в газету. На первой странице стоял заголовок, который комиссар не мог читать безучастно: "Раследование топчется на месте".

Сколько же людей в тот час занималось этим делом? Под постоянным надзором находились вокзалы, порты, аэродромы. Продолжалось прочесывание отелей и меблированных комнат. И не только в Париже и Франции, но и в Лондоне, Брюсселе, Амстердаме, Риме велись поиски следов Альфреда Мосса.

Мегрэ прибыл на улицу Тюренн, зашел в "Вогезский табак", купить пакет трубочного табаку и заодно пропустить стаканчик белого вина. Журналистов там не было, только жители квартала.

Дверь в мастерскую переплетчика была закрыта. Он постучал и вскоре увидел, как Фернанда поднимается из подполья по винтовой лестнице. Он застал ее в бигуди; она замешкалась, узнав его сквозь витрину, но наконец направилась открывать дверь.

— Я хотел бы поболтать с вами немножко.

На лестнице было прохладно. Калорифер еще не разжигали.

— Не хотите спуститься вниз?

Он прошел за ней на кухню, где она готовила до его появления.

Фернанда казалась усталой, в ее взгляде сквозило уныние.

— Не хотите ли чашечку кофе? Есть горячий.

Он кивнул и уселся за стол. Поглубже запахнув полы пеньюара, она расположилась напротив.

— Альфонси вчера снова приходил к вам. Что ему надо?

— Не знаю. Особенно его интересуют ваши расспросы. Он советует мне не доверять вам.

— Вы говорили ему о попытке отравления?

— Да.

— Зачем?

— Вы же не велели мне молчать. А я и сама не знаю, как это вырвалось в разговоре. Он работает на Лиотарда, и, естественно, тот в курсе всего.

— Больше к вам никто не приходил?

Ему показалось, что она колеблется, но, может быть, это от усталости, от изматывающей неопределенности. Она подала полную чашку кофе. Да и сама, должно быть, только и держалась на черном кофе.

— Нет. Никто.

— Вы объяснили мужу, почему не будете больше приносить ему еду?

— Я его предупредила. Спасибо вам.

— Никто вам не звонил по телефону?

— Нет. Думаю, что нет. Мне показалось однажды, что я слышу звонок. Но пока поднялась...

Тем временем он достал из кармана фотографию Альфреда Мосса.

— Вы знаете этого человека?

Она посмотрела на снимок, потом на Мегрэ и вполне непринужденно сказала:

— Конечно.

— Кто это?

— Альфред, брат моего мужа.

— И давно вы с ним не виделись?

— Мы редко встречаемся. Иногда он пропадает больше чем по году. В основном живет за границей.

— Вы знаете, чем он занимается?

— Точно не знаю. Муж говорит, что он бедняга, неудачник, никак не поймает свой шанс.

— И ничего не говорил о его профессии?

— Я знаю, что он работает в цирке, был акробатом, и что при падении повредил позвоночник.

— А потом?

— Что-то вроде импресарио.

— Он говорил вам, что его фамилия не Стювель, как у брата, а Мосс? Объяснял, почему?

— Да.

Она колебалась: продолжать или уйти от ответа; смотрела на фотографию, которую Мегрэ положил на кухонный стол рядом с кофейными чашками, потом поднялась, чтобы убавить газ под кастрюлей с водой.

— Отчасти это моя догадка. Может быть, спроси вы Франца, он рассказал бы больше. Вы знаете, что его родители были очень бедны, но это не все. В действительности его мать занималась в Генте, вернее, в его предместье, тем же самым, с чего начинала и я. Кроме того она пила. Я порой спрашиваю себя, а не была ли она полоумная. Пришла семь или восемь детей, многих отцов которых даже не могла вспомнить.

Позже Франц взял себе фамилию Стювель. А материнская — Мосселейер.

— Она умерла?

— Думаю, что да. Он избегает говорить об этом.

— Он поддерживает контакт со своими братьями и сестрами?

— Только Альфред приезжает время от времени, да и то редко. Он, должно быть, знает взлеты и падения. То появляется преуспевающим, прекрасно одетым, выходит у дома из такси и приносит подарки, то на него жалко смотреть.

— Когда вы его видели в последний раз?

— Дайте-ка подумать. По меньшей мере, два месяца назад.

— Он оставался обедать?

— Как всегда.

— Скажите, во время этих визитов не

старался ли ваш муж под каким-либо предлогом отправить вас куда-нибудь?

— Нет. Зачем? Они сидели одни в мастерской, но внизу, где я готовила обед, можно было слышать, о чем говорили.

— И о чем же они говорили?

— Да ни о чем особенно. Мосс обычно вспоминал времена, когда был акробатом, и страны, где гастролировал.

— Альфред моложе брата?

— На три или четыре года. А потом Франц пошел провожать его до угла. Это был единственный момент, когда меня не было с ними.

— А о делах они говорили?

— Никогда.

— Приезжал ли Альфред когда-нибудь с друзьями или подругами?

— Я всегда видела его одного. Думаю, что он когда-то был женат, хотя и не очень в этом уверена. Во всяком случае, он любил какую-то женщину и мучился этим.

На кухне было темно и покойно. Внешний мир здесь никак о себе не напоминал, и весь день горел свет. Мегрэ охотно посидел бы вот так, лицом к лицу, с Францем Стювелем и поговорил бы, как он говорил с его женой.

— В прошлый раз вы сказали, что он никуда без вас не выходил. В то же время он регулярно наведывался в банк.

— Ну, это не считается. Банк тут, в двух шагах. Стоит только перейти площадь Вогез.

— Иначе говоря, вы с утра до вечера были вместе?

— Почти так. Конечно, я ходила за покупками, но всегда в пределах квартала. Лишь однажды мне взбрело в голову отправиться за ними в центр города. Я не кокетничаю, вы могли уже убедиться в этом.

— Вы никогда не навещаете родных?

— У меня лишь мать и сестра в Конкарно, и только из-за этой ложной телеграммы я выбралась к ним.

Она не могла не почувствовать, что что-то не дает Мегрэ гокоя.

— Был ли у вас какой-то определенный день, когда вы уходили из дома?

Ей потребовалось усилие, чтобы понять ход его мысли и ответить.

— Нет. Не считая дня стирки, конечно.

— Это из-за того, что вы здесь не стираете?

— Где уж тут? За водой надо идти на первый этаж. В мастерской сушить белье я не могу, а в полуподвале оно не высохнет. Раз в неделю летом, раз в две недели зимой я хожу в прачечную на берегу Сены.

— В какую именно?

— Ту, что в сквере Вер-Галан. Знаете, прямо под мостом Неф. Там я провожу полдня. На следующее утро забираю сухое, готовое к утюжке белье.

Мегрэ расслабился, он со вкусом по-

сасывал свою трубку, взгляд его оживился.

— Значит, раз в неделю летом и раз в две недели зимой Франц на весь день оставался дома один.

— Не на целый день.

— Когда вы ходили в прачечную? Утром или после полудня?

— После полудня. Я пыталась ходить по утрам, но из-за покупок и стирки это трудно.

— Есть ли у вас ключ от дома?

— Конечно.

— Часто ли вы им пользовались?

— Что вы хотите этим сказать?

— Приходилось ли вам, возвратившись, не заставить мужа дома?

— Изредка.

— Значит, так все-таки бывало?

— Да.

— А недавно?

Судя по колебаниям, она начала поинтересоваться, в чем тут дело.

— На той же неделе, когда я ездила в Конкарно.

— В какой день вы стираете?

— По понедельникам.

— Он надолго задержался?

— Не очень. Может быть, на час.

— Вы спрашивали, где он был?

— Я никогда его ни о чем не спрашиваю. Он волен в поступках. Не мне задавать ему вопросы.

— Не знаете, уходил ли он из квартала?

— Я была как раз на пороге, когда он вернулся, и видела, как он сошел с автобуса на углу улицы Франк-Буржуа.

— Автобус ехал из центра или со стороны Бастилии?

— Из центра.

— Насколько я могу судить по фотографии, братья одного роста?

— Да. Альфред кажется более худым из-за удлинненного лица, но тело у него мускулистое. Внешне лица непохожи, за исключением светлых волос. А со спины — точь-в-точь, мне даже случалось их путать.

— В те разы, что вы видели Альфреда, как он был одет?

— Я уже говорила, по-разному.

— Могло быть, что он приезжал занять денег у брата?

— Я уже думала об этом, но мне кажется, это маловероятно.

— В последний раз он был не в синем костюме?

Она посмотрела прямо ему в глаза. Она все поняла.

— Я почти уверена, что он был одет во что-то темное, но скорее серое или синее. Живя при искусственном освещении, не очень-то обращаешь внимание на цвета.

— Как вы со своим мужем решали денежные вопросы?

— Какие денежные вопросы?

— Он давал вам деньги на хозяйство каждый месяц?

— Нет. Когда они у меня кончались, я спрашивала еще.

— И он никогда не отказывал?
Она слегка покраснела.

— Он был рассеянным. У него всегда было такое выражение, как будто он уже давал мне деньги накануне. Делая удивленное лицо, он говорил:

— Опять?!

— А на ваши личные вещи, платья, шляпки?

— Вы же знаете, как мало мне надо.

И, словно наконец дождавшись подходящего момента, она в свою очередь стала задавать вопросы.

— Послушайте, господин комиссар. Я, может быть, не очень образованная, но и не совсем дурочка. Меня все допрашивали, и вы, и ваши инспекторы, и журналисты, не говоря уж о торговцах и соседях по кварталу. Соляк лет семнадцати, вообразивший себя частным сыщиком, и тот остановил на улице и прочитал вопросы, записанные на листочке. А теперь вы мне ответьте, только честно: вы действительно верите, что Франц виновен?

— Виновен в чем?

— Вы отлично знаете, в чем. В том, что убил человека и сжег его тело в калорифере.

Мегрэ колебался. Можно было бы ограничиться какой-нибудь отговоркой, но он решил быть откровенным.

— Я ничего не знаю.

— В таком случае, почему же его держат в тюрьме?

— Во-первых, это не от меня зависит, а от судебного следователя. И потом, нельзя не принимать во внимание тот факт, что все вещественные доказательства против него.

— Зубы?! — с иронией парировала она.

— И кроме того, пятна крови на синем костюме. Не забывайте и о пропавшем чемодане.

— Которого я никогда не видела?

— Неважно, другие его видели, по крайней мере, мой инспектор. Да еще по странному совпадению именно в это время вас вызывают в провинцию ложной телеграммой. Но, между нами, мне было бы выгоднее видеть вашего мужа на свободе. Хотя, если бы это от меня зависело, я бы еще подумал — из-за опасения за его жизнь. Вы же помните, что произошло вчера?

— Да, я как раз об этом подумала.

— Виновен или нет, но, похоже, есть люди, которым он мешает.

— Почему вы принесли фотографию его брата?

— Не знаю, что вы подумали, но это один из самых опасных злодеев.

— Он убивал?

— Вряд ли. Такие, как он, убивают редко. Но он разыскивается полицией трех или четырех стран и вот уже пятнадцать лет живет кражами и мошенничеством. Это вас удивляет?

— Нет.

— Вы уже думали об этом?

— Когда Франц называл своего брата беднягой, мне казалось, что он употребляет это слово в несколько ином смысле. Вы думаете, что Альфред был способен вырастить ребенка?

— Я еще раз повторю, что ничего не знаю. Вы что-нибудь слышали о графине Панетти?

— Кто это?

— Очень богатая итальянка, жившая в "Кларидже".

— Что, ее тоже убили?

— Возможно. Но не исключено — она просто отправилась провести сезон карнавала в Каннах или Ницце. К вечеру я узнаю. Мне хотелось бы еще раз взглянуть на конторские книги вашего мужа.

— Пойдемте. У меня еще много вопросов. Пока вас не было, они вертелись у меня в голове, а сейчас никак не могу их сформулировать. Надо было записать, как тот молодой человек, играющий в сыщика.

На лестнице она пропустила комиссара вперед. Подойдя к стеллажу, подала ему черную объемистую книгу, которую полиция изучала уже раз пять или шесть.

В самом конце гроссбуха имелся список фамилий старых и новых клиентов, расположенных по алфавиту. Панетти там не значилась, Кринкер тоже.

Почерк у Стювеля был мелкий, угловатый, буквы налезали друг на друга. Написание "р" и "т" было вычурным.

— Вы никогда не слышали фамилию Кринкер?

— По-моему, нет. Видите ли, целыми днями мы находимся вместе, но я не могу себе позволить спрашивать его о чем-либо. Вы, похоже, забываете, господин комиссар, где он меня подобрал. Я все время помню. И вот, благодаря нашему разговору, мне пришло в голову, что он сделал это, возможно, в память о матери.

Явно не слушая ее, Мегрэ большими шагами направился к двери, резким движением открыл ее и схватил Альфонси за воротник пальто верблюжьей шерсти.

— Ну-ка, иди сюда! Ты опять принялся за старое? Решил продолжать слежку за мной?

Тот попытался вывернуться, но рука комиссара крепко держала и трясла его, словно манекен.

— Не скажешь ли мне, что ты тут делаешь?

— Я жду, пока вы уйдете.

— Чтобы снова вручить эту женщину?

— Это мой долг. До тех пор, пока она согласна со мной встречаться...

— Что ты тут вынохиваешь?

— Спросите об этом у месье Лиотарда.

— Лиотард Лиотардом, но я тебя предупреждаю, если еще раз увижу, что ты за мной шпионишь, я тебя привлеку, и ты знаешь за что. Понял?

Это была не просто угроза. Мегрэ

знал, что женщина, с которой живет Альфонси, большую часть ночи проводит в кабаре Монмартра и не особенно колеблется, когда надо проводить заезжего иностранца в отель.

Он был удивлен, видя, как бывший инспектор улепетывает под дождем в сторону площади Вогез. Потом он обернулся к Фернанде.

— Что за вопросы он вам задает?

— Все время одни и те же: о чем вы меня спрашивали, что я вам отвечала, чем вы интересовались, какие предметы обследовали.

— Отныне он оставит вас в покое.

— Вы думаете, месье Лиотард вредит моему мужу?

— Во всяком случае, до сегодняшнего дня он только этим и занимался.

Перед выходом ему пришлось спуститься вниз, забрать фотографию Мосса, забытую на кухонном столе. Вместо того чтобы отправиться на набережную Орфевр, он пересек улицу и вошел в лавочку сапожника.

Тот (и это в девять часов утра!) уже пропустил несколько стаканчиков. В воздухе стоял запах белого вина.

— Итак, господин комиссар, дела идут?

Обе мастерские были расположены одна напротив другой. Сапожник и переплетчик, отрывая глаза от своей работы, не могли не видеть друг друга, разделенные неширокой улицей.

— Вы помните каких-нибудь клиентов переплетчика?

— Некоторых да.

— А вот этого?

Он сунул ему под нос фотографию. Из окна напротив Фернанда с беспокойством смотрела на них.

— Я называю его клоуном.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, потому, что у него голова, как у клоуна.

Вдруг он оскреб затылок и, казалось, вспомнил что-то веселое.

— Слушайте, оплатите стаканчик, и я не останусь в долгу. Как удачно, что вы показали мне эту фотографию! Я сказал о клоуне, и это вдруг навело меня на мысль о чемодане. Почему? Ну да! Потому что клоуны у нас имеют обыкновенные выходить на арену с чемоданом. Ну так что, выпьем?

— После.

— Зря. Я всегда говорил, что Франц — золото. Ну вот, а этот ваш тип — определенно человек при чемодане.

— Какой человек при чемодане?

Сапожник бросил на комиссара лукавый взгляд.

— Иль я не читаю газет? Так вот, о чем они писали первое время? Не меня ли спрашивали о том, видел ли я, как Франц, или его жена, или кто-нибудь еще выходил с чемоданом?

— И вы видели человека с фотографией, как он выходил с чемоданом?

— Не в тот день. Я видел его в разное время.

— Он часто приходил?

— Да, часто.

— Раз в неделю, например? Или раз в две недели?

— Возможно. Не хочу ничего выдумывать, потому что не знаю, что устроит мне адвокаты, если дело дойдет до суда. Он приходил часто, вот что я вам скажу.

— Утром? После полудня?

— Отвечаю: после полудня. И знаете почему? Потому что я всегда его видел при свете ламп, значит, это было после полудня. Он все время приходил с маленьким чемоданом.

— Коричневым?

— Возможно. Разве большинство чемоданов не коричневые? Он усаживался в углу мастерской, ждал, пока работа будет сделана, и уходил с чемоданом.

— И долго длился визит?

— Не знаю. Но наверняка больше часа. Иногда у меня складывалось впечатление, что он сидел там чуть ли не до вечера.

— Он приходил в какой-то определенный день?

— Я больше ничего не знаю.

— Вспоминайте, вспоминайте. Видели ли вы этого человека в мастерской в присутствии мадам Стюель?

— Была ли Фернанда в это время дома? Постойте. Что-то я не очень помню. Во всяком случае, однажды они уходили вместе, и Франц закрыл лавку.

— Давно это было?

— Тут без стаканчика и не сообразишь.

Скрепя сердце, Мегрэ отправился с ним в "Гран-Тюренн", где сапожник проявил изрядную прыть:

— Два стакана выдержанного. Это в честь комиссара!

Он выпил их залпом, один за другим, прежде чем возобновить свой рассказ о клоуне...

Затем комиссар вошел в помещение консьержки, которая в тот момент занималась чисткой картофеля.

— Ага! Вот и вы появились в квартале!

— язвительно бросила она, явно обиженная тем, что ее долго обходили стороной.

— Вы знаете этого человека?

Она поднялась, чтобы взять очки.

— Если вам нужно его имя, то я его не знаю, но самого видела. Разве сапожник вам все уже не рассказал?

Чувствовалось, что у нее ревность к тем, кого допрашивали раньше ее.

— Вы часто его видели?

— Я его видела, это все, что могу сказать.

— Это был клиент переплетчика?

— Надо полагать, он ходил именно в его мастерскую.

— А других причин для его появления здесь не было?

— Думаю, он приходил к ним обедать, но я не вмешиваюсь в дела жильцов!

Писчебумажный магазин, картонаж-

ная, торговка зонтиками — каждый раз одно и то же. Тот же вопрос, тот же жест, фотография, которую пристально рассматривали. Одни колебались с ответом, другие точно видели, однако не помнили, когда и при каких обстоятельствах.

Уже собравшись покинуть квартал, Мегрэ решил еще раз заглянуть в "Вогезский табак".

— Вы когда-нибудь видели его?

Торговец вином ответил, не колеблясь:

— Человек с чемоданом.

— Поясните.

— Я не знаю, чем он торгует, но по всему видно, что коммивояжер. Частенько приходил сюда, и всегда после завтрака. Заказывал охлажденное виши и все говорил, что у него язва желудка.

— Подолгу он тут сидел?

— Когда четверть часа, когда дольше. И всегда занимал вон то место у окна.

Оттуда хорошо был виден угол Тюренни!

— Должно быть, он дожидался встречи с клиентом. Как-то раз, не так давно, он сидел здесь почти час и в конце концов попросил телефон.

— Не знаете, кому он звонил?

— Нет. Переговорив, он сразу же ушел.

— В каком направлении?

— Я не обратил внимания.

Вошел репортер, и хозяин кафе, понизив голос, спросил у Мегрэ:

— Об этом можно рассказать?

Тот пожал плечами. Теперь, после разговора с сапожником, бессмысленно было что-то скрывать:

— Как хотите.

...Когда он вошел в кабинет, Люка разрывался между двумя телефонами, и Мегрэ пришлось изрядно подождать.

— Я все гоняюсь за этой графиней, — вздохнул бригадир, вытирая пот. — По сведениям компании спальных вагонов, которая отлично ее знает, вот уже несколько месяцев она не появлялась на их линиях. Я обзвонил большинство больших отелей в Каннах, Ницце, Антибе и Вильфранши. Ничего. В казино она тоже не появлялась. Лапуант знает английский и собирается звонить в Скотланд Ярд, а кто занимается Италией, даже не знаю.

Перед тем как отправиться к судье Доссену, Мегрэ поднялся к Моэрсу поздороваться и вернуть ставшие ненужными фотографии.

— Безрезультатно? — уныло спросил Моэрс.

— Одна из трех в точку, а го не так уж мало. Остается установить двух других.

К полудню никаких следов графини Панетти обнаружено еще не было, и два итальянских журналиста нетерпеливо толкались у дверей кабинета Мегрэ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Мегрэ в воскресенье

Мадам Мегрэ была несколько удивлена, когда в субботу около трех часов позвонил муж и поинтересовался, готовится ли обед.

— Нет еще. Но почему?.. Что ты говоришь? Конечно, хочу, с удовольствием. Если ты уверен, что будешь свободен. Точно уверен? Ну, конечно. Уже одеваюсь. Буду. Ясно, под часами. Нет, кислой капусты не надо, я охотно бы съела овощи по-лотарингски. Что? Ты не шутишь? Мегрэ, ты серьезно? Где я хочу? Это слишком фантастично, чтобы быть правдой. А я-то думала, ты звонишь сказать, что не придешь ни обедать, ни спать. И вдруг! Я уже собираюсь!

В эту субботу в квартире на бульваре Ришар-Ленуар царили не кухонные запахи, а ароматы ванны, одеколона и чуть сладковатых духов, приберегаемых мадам Мегрэ к особым дням.

На место встречи Мегрэ явился почти вовремя. Несколько раз они уже обеда-

ли в этом Эльзасском ресторане на улице д'Энисьен, и теперь, как все обычные люди, он с удовольствием отведал там квашеной капусты.

И вот к тем невероятным вещам, что он наговорил мадам Мегрэ по телефону, добавилась еще одна выдумка: сводить ее в кинотеатр, какой только она пожелает.

Они отправились в "Парамаунт", на Итальянском бульваре, где комиссар безропотно отстоял очередь за билетами длиной в целую выкуренную трубку.

Они послушали электронный орган, блестяще игравший оркестр, пока занавес с изображением заката солнца не поднялся. И лишь только пошли кадры, мадам Мегрэ все поняла. Показывали фрагменты из будущего фильма, потом рекламные ролики по кулинарии и покупке мебели в кредит. И вот...

"Префектура полиции сообщает.. Она впервые увидела эти слова на эк-

ране. Сразу же после них пошло изображение в фас и профиль Альфреда Мосса, единственного, кого опознали.

«Всех, кто видел этого человека в последние два месяца, просят срочно позвонить по телефону...»

— И ради этого... — только и смогла она сказать, когда, решив подышать свежим воздухом, они пешком возвращались домой.

— Не только. Это не моя идея. Она давно пришла в голову префекту, просто не было подходящего случая, чтобы ее реализовать. Мозрс как-то заметил, что снимки, напечатанные в газетах, всегда более или менее искажаются из-за растра клише, плохой краски. В кино, наоборот, подчеркиваются мельчайшие особенности, и впечатление несравненное.

— Значит, из-за этого либо чего другого я удостоилась сегодняшней чести? Сколько же времени мы вот так не выжидали?

— Недели три? — простодушно ответил он вопросом на вопрос.

— Ровно два с половиной месяца!

Но их перебранка носила шуточный характер.

А утром солнце встало по-весеннему ослепительное, и Мегрэ, бреясь, напевал. Он проделал весь путь до Набережной пешком. Улицы были почти безлюдны. Он с удовольствием прошел длинными коридорами уголовной полиции мимо распахнутых дверей пустынных кабинетов.

Люка только что приехал. Торранс, как и Жанвье, был уже на месте. Не замедлил явиться и маленький Лапуант. Но поскольку это было воскресенье, прежнего напряжения не чувствовалось. По той же причине двери кабинетов были открыты настежь и время от времени в них вместо музыки раздавался колокольный звон из ближайшей церкви.

Единственным, кто добыл новые сведения, был Лапуант.

— Кстати, где живет этот молодой журналист, который увивается за твоей сестрой?

— С этим покончено. А зовут его Антуан Бизард.

— Они поссорились?

— Не знаю, может, он испугался меня?

— Мне нужен его адрес.

— Он мне неизвестен. Я знаю, где он чаще всего столуется, и сомневаюсь, что моя сестра знает больше. Но выясню.

И вот, явившись, он протянул Мегрэ листок бумаги. Это был адрес: улица Прованс, те же меблированные комнаты, где жил и Филипп Лиотард.

— Отлично, мальш. Спасибо, — просто сказал комиссар, воздерживаясь от каких-либо комментариев.

Будь потеплее, он снял бы пиджак, закатал рукава рубашки, как обычно делают люди, занимающиеся всякими

мелкими хозяйскими делами по воскресеньям, а именно о таких пустяках он и мечтал. Все трубки на столе выстроились по ранжиру. Он вытащил из кармана толстую черную, испещренную пометками записную книжку, которой, однако, почти никогда не пользовался.

Два или три раза он рвал и бросал в корзину большие листы бумаги, на которых что-то чертил. Снова графил. Потом что-то изменял.

В конце концов его работа приобрела завершенный вид.

Четверг, 15 февраля. — Графиня Панетти в сопровождении горничной Глории Лотти выехала из «Клариджа», на «крайслере», шоколадного цвета, принадлежащем ее зятю Кринкеру.

Дата подтверждается дневным портфолио. Что касается автомашин, то на этот счет имелись показания одного из шоферов отеля, который и указал время отъезда: семь часов вечера. Он же добавил, что старая дама казалась озабоченной, а зять торопил ее, словно они опаздывали на поезд или на важную встречу.

По-прежнему никаких следов графини. Он даже сходил в кабинет Люка, который продолжал получать отовсюду рапорты, чтобы еще раз убедиться в этом.

Накануне итальянские журналисты, не получив чего-либо стоящего в уголовной полиции, в свою очередь поделились известными им данными о графине Панетти. Свадьба ее единственной дочери Беллы наделала много шума в Италии, так как вопреки воле матери она сбежала, чтобы выйти замуж в Монте-Карло.

С тех пор прошло пять лет, и все это время они не виделись.

— Если Кринкер в Париже, — говорили итальянские журналисты, — то, по всей видимости, он в очередной раз пытается вымолить прощение.

Пятница, 16 февраля. — Глория Лотти, носящая белую шляпку своей хозяйки, отправляется в Конкарно, откуда посылает телеграмму Фернанде Стювел и в ту же ночь, никем не узнавая, возвращается назад.

Забавляясь, Мегрэ нарисовал на полях женскую шляпку с вуалью.

Суббота, 17 февраля. — В полдень Фернанда покидает улицу Тюренн и отправляется в Конкарно. На вокзал муж ее не провожает. Около четырех в мастерскую Стювеля приходит клиент с заказом. Ничего необычного он не заметил. Будучи опрошенным по поводу чемодана, не помнит, видел ли его.

В восемь часов с минутами трое лиц, один из них Альфред Мосс и, возможно, тот, кто на улице Лепик прописался под фамилией Левин, приезжают на такси с вокзала Сен-Лазар и высаживаются на пересечении улиц Тюренн и Фран-Буржуа.

Около девяти консьержка слышит стук

в дверь Стювеля. По ее мнению, все трое вошли.

Красным карандашом на полях он написал: Третий — Кринкер?

Воскресенье, 18 февраля. — Не разжигавшийся в последнее время калорифер горит всю ночь, и Франц Стювель вынужден по крайней мере пять раз выходить во двор и выносить пепел ведрами.

Мадемуазель Бегин, жилица с пятого этажа, испытывала неудобства от дыма с дурным запахом.

Понедельник, 19 февраля. — Калорифер все еще горит. Весь день переплетчик в квартире один.

Вторник, 20 февраля. — В уголовную полицию поступает анонимное письмо, в котором сообщается о человеке, сожженном в калорифере переплетчика. Фернанда возвращается из Конкарно.

Среда, 21 февраля. — Лапуант наносит визит на улицу Тюренн. Он замечает чемодан с ручкой, подвязанной веревкой, под столом в мастерской. Он уходит оттуда около полудня. Завтракает со своей сестрой и рассказывает ей о деле. Этой информацией мадемуазель Лапуант делится со своим ухажером, Антуаном Бизардом, который, кстати, живет в том же доме, что и адвокат не у дел Лиотард.

После полудня, до пяти часов, адвокат появляется на улице Тюренн под предлогом заказать экслибрис.

Когда в пять часов Люка делает обход, чемодан уже исчезает.

Допрос Стювеля в уголовной полиции. К концу ночи он называет своим адвокатом месье Лиотарда.

Мегрэ сделал маленький обход, взглянул на сообщения, принятые инспекторами по телефону. Посылать за пивом было еще не время, и он удовлетворился новой трубкой.

Четверг, 22 февраля.

Пятница, 23 февраля.

Суббота...

Колонка дат росла, но ничего конкретного против них комиссар вписать не мог. Разве что — указать на топтавшееся на месте расследование, неистовавшие газеты, злобного, как шавка, Лиотарда, нападавшего на полицию вообще и на него, Мегрэ, в частности.

Правая графа так и пустовала до:

Воскресенье, 10 марта. — Некий Левин снимает комнату в отеле "Босежур", и поселяется там с ребенком примерно двух лет.

Исполняющая роль няньки. Глория Лотти занимается ребенком и каждое утро, пока Левин отсыпается, водит его гулять на Анверс-сквер.

В отеле она не ночует, и поэтому покидает его поздно ночью по возвращении Левина.

Понедельник, 11 марта. — То же самое.

Вторник, 12 марта. — Как обычно, в девять тридцать, Глория с ребенком

выходит из отеля "Босежур". Десять пятнадцать: в отеле объявляется Мосс и справляется о Левине. Тот сразу же пакует свой багаж и сносит его вниз, пока Мосс остается один в номере.

Без пяти одиннадцать. Глория замечает Левина и бросает ребенка, оставив его на попечение мадам Мегрэ. В несколько минут двенадцатого она со своим компаньоном входит в "Босежур". Они присоединяются к Моссу и втроем о чем-то спорят более часа. Мосс уходит первым. В двенадцать сорок пять Глория и Левин покидают гостиницу и Глория в одиночестве садится в такси.

Она направляется к скверу и забирает ребенка.

Затем едет к Воротам Ноелли, потом дает адрес вокзала Сен-Лазар, внезапно останавливает машину на площади Сент-Огюстен, где пересаживается в другое такси.

Она выходит недалеко от Монматра и Больших Бульваров. Ребенок по-прежнему с ней.

Страница приобрела живописный вид, поскольку Мегрэ украсил ее набросками, походившими на детские рисунки.

На следующем листе он проставил даты, когда следы действующих лиц потерялись.

Графиня Панетти — 16 февраля.

Последним ее видел шофер "Клариджа", когда она садилась в шоколадный "крайслер" своего зятя.

Кринкер — ?

Мегрэ колебался, написать ли против него воскресенье, 17 февраля. Ведь никаких доказательств, что именно он был в числе тех троих, кто выходил из такси на улице Тюренн.

А если так, то тогда его след теряется в один день со старой дамой.

Альфред Мосс — вторник, 12 марта.

Он первым около полудня покинул гостиницу "Босежур".

Левин — вторник, 12 марта.

Через полчаса после Мосса, как только усадил Глорию в такси.

Глория и ребенок — дата та же.

Спустя два часа их видели в толпе на перекрестке в районе Монматра.

А теперь было воскресенье, 17 марта. С 12 числа не поступило ничего достойного упоминания. Только розыск и все. Хотя была еще одна дата, которую он и добавил в колонку:

Пятница, 15 марта. — В метро кто-то пытается (?) подложить яд в еду, предназначавшуюся для Франца Стювеля.

Но это оставалось под сомнением. Никаких следов яда эксперты не обнаружили. Учитывая нервное возбуждение, в котором находилась в последнее время Фернанда, она вполне могла неправильно истолковать неловкое движение пассажира.

Во всяком случае это был не Мосс, уж его-то она узнала бы.

Левин?

А что, если вместо яда, он пытался подбросить в кастрюлю записку?

Луч солнца остановился на его лице. Прищурившись, Мегрэ сделал еще несколько рисунков, потом подошел к окну и стал разглядывать тянувшийся по Сене караван барж, толпы разряженных людей на мосту Сен-Мишель.

Мадам Мегрэ, должно быть, прилегла, как обычно она делала по воскресеньям, но теперь заснуть ей вряд ли удастся.

— Жанвье! Не заказать ли нам пива?

Жанвье позвонил в "Брассерри Дофин", и хозяин привычно спросил:

— И бутербродов?

Приглушенно зазвонил телефон, и Мегрэ понял, что дотошный судья Доссен тоже сидит в кабинете и, как комиссар, на свежую голову пытается разложить все по полочкам.

— По-прежнему никаких сведений об автомашине?

Было забавно думать, как в это прекрасное, пахнущее весной воскресенье, бравые сельские жандармы, покинув мессы и маленькие кафе, охотятся за "крайслером, шоколадного цвета.

— Можно полюбопытствовать, шеф? — спросил Люка, между телефонными звонками ненадолго заглянувший к Мегрэ.

Он внимательно изучил работу комиссара и покачал головой.

— Почему вы ничего не сказали мне? Я тоже нарисовал таблицу, только более полную.

— Но без этих славных рисунков! — усмехнулся Мегрэ. — О чем можно больше узнать по телефону? О машине? О Моссе?

— Кстати, о машине. Огромное количество шоколадного цвета. К сожалению, когда начинаешь уточнять, многие оказываются не шоколадными, а каштановыми, и вообще — "ситроенами, или "пежо". Проверяется все подряд. Уже звонят из пригородов и вот-вот начнут трезвонить за сотню лье от Парижа.

К этому часу, благодаря радио, в дело включилась вся Франция. Оставалось только ждать, и это было не так уж неприятно. Рассыльный из пивной принес огромный поднос, уставленный кружками, с грудой бутербродов, и у него явно был шанс повторить свой поход.

Открыв окно навстречу солнечному теплу, все принялись было пить и есть, но тут появился шурящийся, словно попавший из темноты на свет, Мозрс:

В отделе его знали плохо, так как теоретически ему тут нечего было делать. И все-таки он спустился с верхоуру, где был вынужден в одиночестве находиться в своих лабораториях.

— Прошу прощения, что помешал.

— Кружечку пива? Тут еще осталось.

— Нет, спасибо. Вчера перед сном

мне пришла в голову идея. Поскольку все думали, что синий костюм безоговорочно принадлежит Стювелю, то и изучали лишь пятна крови. А так как костюм все еще у меня наверху, я сегодня с утра исследовал его на пыль.

Это была такая деталька, о которой в данном случае действительно никто и не подумал. Мозрс изучал каждый отворот одежды, долго выбивал его, чтобы вытрясти малейшую пыль в пакет из плотной бумаги.

— Нашел что-нибудь?

— Древесные опилки, очень мелкие, но в значительном количестве. Я бы даже сказал, древесная пыль.

— Как на пилораме?

— Нет. Такая пыль образуется при более тонкой работе.

— Столярной, например?

— Возможно. Я не очень уверен в этом. На мой взгляд, они еще тоньше, и я завтра посоветуюсь с заведующим лабораторией, прежде чем делать окончательный вывод.

Не дослушав до конца, Жанвье схватил адресную книгу и принялся изучать весьма адреса на улице Тюренн.

Там было множество самых разнообразных ремесленников, подчас даже весьма необычных, но, как назло, почти все они имели дело с металлами или картонажем.

— Я просто мимоходом зашел сказать вам об этом. Даже не знаю, может ли это пригодиться.

Мегрэ тоже не знал. В подобных расследованиях никогда нельзя предвидеть, что может понадобиться. Во всяком случае это подкрепляло утверждение Франца Стювеля, что у него нет синего костюма.

Однако почему в таком случае у него синее пальто, так плохо сочетающееся с коричневой парой?

Телефон!

— Откуда?

— Ланьи.

Однажды Мегрэ там бывал. Это маленький городок на Марне, со множеством рыбаков на берегу и лодок на реке. Дело, по которому его туда занесло, уже не помнил, но это было летом и он пил там белое вино, и воспоминание это сохранилось.

Люка, записывая сообщение, сделал комиссару знак, что это серьезно.

— Похоже, мы приближаемся к цели, — выдохнул он, положив трубку. — Звонили из жандармерии Ланьи. Месяц назад их там переполошила история с машиной, упавшей в Марну.

— Вот уже месяц, как она упала в Марну?

— Насколько я понял, это так. Бригадир, с кем я сейчас разговаривал, объясняя, нагородил такого, что я окончательно запутался. К тому же, он все время называл имена, которые мне ничего не говорят. То ли речь идет об Иисусе Христе, то ли о Пастере. Без

конца поминал мать Хебар или Хобар, которая постоянно навеселе, но, по его словам, выдумывать не станет. Короче, примерно месяц назад...

— Он назвал тебе точную дату?

— 15 февраля.

Довольный проделанной ранее работой, Мегрэ справился в своей таблице.

15 февраля. — Графиня Панетти и Глория выехали из "Клариджа," в семь часов вечера на машине Кринкера.

— Так я и думал. Вот увидите, все это окажется весьма серьезным. Та старуха живет одиноко в доме прямо у воды и сдает напрокат рыбацкие лодки. Пятнадцатого вечером, как и обычно, отправилась в кабачок. Она заявляет, что, возвращаясь к себе, слышала громкий всплеск в темноте. Она уверена, что его могла произвести только упавшая в Марну машина.

Был как раз паводок. Узкий съезд с главной дороги оканчивается у воды, и от покрывшей его грязи он очень скользок.

— Старуха сразу же сообщила об этом в жандармерию?

— Лишь на следующий день она поговорила в кафе. Потом пошли разговоры. Наконец слухи дошли до одного из жандармов. Тот допросил ее.

Жандарм отправился было на место происшествия, но река разлилась, к тому же течение такое сильное, что переправа была нарушена на две недели. Уровень воды только-только опустился до нормы. Кроме того, я думаю, до этого они не принимали дела всерьез. Но вечером, как только получили наше сообщение о розысках автомобиля шоколадного цвета, им позвонил человек, живущий как раз около места пересечения шоссе и съезда с него. Он заявляет, что видел в прошлом месяце, как в темноте машина такого цвета разворачивалась около его дома. Он торгует горючим, всегда готов услужить клиенту, в доме почти не сидит, вот и в тот час он был на улице.

— Во сколько?

— Около десяти вечера.

Чтобы добраться с Елисейских Полей до Ланьи, не нужно и двух часов, но Кринкер, очевидно, сделал крюк.

— Дальше.

— Жандармерия запросила кран из фирмы "Мосты и Шоссе".

— Вчера?

— Вчера во второй половине дня. Собралось много народу. Уже вечером за что-то зацепились, но темнота помешала продолжить работы.

— Машину вытащили?

— Утром. Это "крайслер" шоколадного цвета, номерные знаки принадлежат Приморским Альпам. Но это еще не все. Внутри труп.

— Мужчины?

— Женщины. Она ужасно разложи-

лась. Одежда изорвана течением. Волосы длинные и седые.

— Графиня?

— Не знаю. По всей видимости, к такому выводу они и придут. Тело все еще на берегу, укрыто брезентом. Спрашивают, что им делать. Я сказал — перезвоню.

Мозрс ушел. Комиссар слишком его ценил, но где сейчас его сыщешь?

— Ты хочешь позвонить доктору Полю? Тот сам подошел к телефону.

— Вы не очень заняты? Какие у вас планы на сегодняшний день? А не очень беспокоит, если я подъеду и мы вместе съездим в Ланьи? Со всеми вашими принадлежностями, конечно. Нет. Ничего хорошего там нет. Старая женщина, которая почти месяц провела в Марне.

Мегрэ посмотрел вокруг и заметил, как Лапуант, покраснев, отвернулся. Молодой человек явно горел желанием сопровождать патрона.

— У тебя нет сегодня никакого свидания?

— О, нет, господин комиссар!

— Водить умеешь?

— Вот уже два года как у меня есть права.

— Пойди найди синий "пежо", и жди меня в нем. Да проверь, есть ли бензин?

А разочарованному Жанвье сказал:

— Возьмешь другую машину и поедешь тем же путем, но помедленнее, опрашивая по дороге владельцев гаражей, торговцев вином, всех, кого считаешь нужным. Возможно, кто-нибудь еще заметил машину шоколадного цвета. Встретимся в Ланьи.

Он допил оставшееся пиво, а несколько минут спустя комиссар и доктор Поль со своей весело топорщившейся во все стороны бородкой уже располагались в машине, ведомой гордым Лапуантом.

— Ехать самым коротким путем?

— Желательно, молодой человек.

Это был один из первых погожих дней, и дорогу запрудили автомобили, набитые семьями парижан с корзинами для пикников.

Доктор Поль рассказывал случаи, связанные с аутопсией, и в его устах они приобретали забавный характер — прямо как анекдоты про евреев или сумасшедших.

В Ланьи им пришлось сперва навести справки, а выехав из городка, долго кружить, прежде чем добрались до излучины реки, где вокруг крана собралось по меньшей мере человек сто. У жандармов был такой вид, словно они весь день мерзли на ветру. И только лейтенант, казалось, почувствовал облегчение, заметив комиссара.

Шоколадного цвета машина, облепленная илом и водорослями, стояла, накренившись, на склоне; из нее еще

сочилась вода. Кузов был деформирован, одно из стекол разбито, от обеих фар остались лишь отражатели, однако, как ни странно, одна дверца слушалась, и именно через нее вытащили труп.

Укрытый брезентом, он представлял собой небольшую бесформенную массу, к которой зеваки не смели приблизиться без замиранья сердца.

— Приступайте к работе, доктор.

— Прямо здесь?

Что ж, доктор Поль охотно принял за дело. Постоянно с сигаретой в зубах, он порой делал вскрытия в самых невероятных местах, в перерывах ставившая резиновые перчатки, чтобы перекусить.

— Лейтенант, вы можете перевезти тело в жандармерию?

— Мои люди возьмутся за это. Посторонние, расступитесь! И дети! Кто решил детям приближаться сюда?

Мегрэ осматривал машину, когда какая-то старуха потянула его за рукав и гордо сказала:

— Это я ее нашла.

— Вы вдова Хебарт?

— Хюбарт, месье. Мой дом вон за теми ясенями.

— Расскажите мне все, что вы видели.

— Точнее говоря, я ничего не видела, но слышала. Я шла дорогой, которой суда перетаскивают волоком. Вот этой самой, где мы стоим.

— Вы много выпили?

— Всего лишь два или три маленьких стаканчика.

— Где вы находились?

— Метрах в пятидесяти отсюда, ближе к моему дому. Я слышала, как со стороны шоссе приближалась машина. Я еще себе сказала: опять эти браконьеры. Для влюбленных было слишком холодно, ведь ходили еще в пальто, к тому же шел дождь. Все, что я увидела, повернувшись, это был свет фар!

Понимаете, я даже и представить себе не могла, чем все закончится. Я продолжала идти, и мне показалось, что машина остановилась.

— Это потому, что вы больше не слышали шума мотора?

— Да.

— Вы повернулись спиной к дороге?

— Да. Потом я снова услышала, как он заработал, и подумала, что машина разворачивается. Сразу после этого

раздался громкий всплеск, и, когда я оглянулась, ее уже не было.

— Криков не слышали?

— Нет.

— Вы не возвратились на то место?

— А нужно было? Что бы я смогла сделать в одиночку? Это меня так взволновало! Я подумала, что бедняги утонули, и поторопилась к себе, чтоб хлебнуть хороший глоток и прийти в себя.

— Вы не останавливались у кромки воды?

— Нет, месье.

— После всплеска вы ничего больше не слышали?

— Сначала вроде бы различила шаги, но потом решила, что это кролик, которого испугал шум.

— Это все?

— А вам мало? Если бы меня послушали, вместо того чтоб считать старой душой, даму давно бы вытащили из воды. Вы ее видели?

Не без отвращения Мегрэ представил, как одна старуха рассматривает другую, только разложившуюся.

Отдавала ли себе отчет вдова Хюбарт в том, что лишь чудом сама не оказалась на том свете, ведь полюбопытствуй, поверни назад, она вероятнее всего последовала бы за той, другой старухой, в Марну?

— Журналисты не собираются приехать?

Именно их ждала она, чтобы непременно увидеть свой портрет в газете.

Лапуант, весь заляпанный грязью, вылез из "крайслера", который обследовал.

— Ничего не нашел, — сказал он. — Инструменты все на месте, в багажнике, вместе с запасным колесом. Никаких вещей, кроме дамской сумочки. Да еще застрявшая под сиденьем женская туфля, а в ящике на передней панели эта пара перчаток и электрический фонарик.

Насколько можно было судить, перчатки из кожи американской дикой свиньи принадлежали мужчине.

— Съезди-ка на вокзал. Кто-то ведь должен был уезжать отсюда в тот вечер. По крайней мере, такси-то хоть в этом городе есть? Встретимся в жандармерии.

Мегрэ предпочел остаться во дворе и, покуривая трубку, ждал, пока расположившийся в гараже доктор Поль закончит свою работу.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Семья игрушечника

— Вы разочарованы, господин Мегрэ? Молодой Лапуант очень хотел бы сказать ему "патрон", как Люка, Торранс и большинство из их команды, но все чаще чувствовал себя новичком; ему казалось, что это своего рода привилегия и ее еще надо заслужить, точно так же, как и нашивки.

Они доставили доктора Поля к себе и вернулись на набережную Орфевр, в Париж, который показался им еще блистательнее после часов шлепанья по грязи в темноте Ланьи. С моста Сен-Мишель Мегрэ мог видеть освещенные окна своего кабинета.

— Я не разочарован. Я и не ждал, что вокзальные вспомнят пассажиров, которые месяц назад компостировали билеты.

— Я все пытался догадаться: о чем вы думали?

Он ответил совсем просто:

— О чемодане.

— Клянусь вам, он был в мастерской, когда я первый раз туда пришел.

— Я в этом не сомневаюсь.

— И совсем не тот, что нашел Люка во второй половине дня в полуподвале.

— И в этом я тоже не сомневаюсь.

Поставь машину во двор и поднимайся. По оживлению, царившему среди его людей, чувствовалось, что появилось новенькое, а Люка, заслышав, что Мегрэ вошел, быстро распахнул дверь кабинета.

— Сведения о Моссе, патрон. Девушка и ее отец только ушли. Они хотели говорить с вами лично, но, прождав почти два часа, открылись мне. Дочь — симпатичная, лет шестнадцати-семнадцати, пухленькая, розовощекая, взгляд открытый. Ее отец — скульптор и, если я правильно понял, когда-то завоевывал премию в Риме. У него есть еще одна дочь, немного постарше, и жена. Они живут на бульваре Пастера, там же мастерят игрушки. Я, может быть, ошибаюсь, но, сдаётся, мадемуазель сопровождала отца, чтобы помешать тому налижаться по дороге. Он, чувствуется, большой любитель. Носит широкополую шляпу и галстук, повязанный бантом. Это у них под именем Петерса жил последние месяцы Мосс.

— Он все еще там?

— Если бы так, я давно бы послал туда инспекторов, а еще лучше — поехал сам. Он ушел 12 марта.

— Иначе говоря, в день, когда Левин, Глория и ребенок исчезли из виду.

— Он не предупредил, что уезжает. Как обычно, утром ушел, и с тех пор ни

слуху ни духу. Я подумал, что вы предпочтете сами их допросить. Да! Вот еще что. Филипп Лиотард уже дважды звонил.

— Что ему надо?

— Поговорить с вами. Он просил, если вернетесь до одиннадцати часов вечера, позвонить ему в "Пивную у Негра".

Это заведение было известно Мегрэ. Оно располагалось на бульваре Бон-Ну-вель.

— Дайте мне "Пивную у Негра".

Ответила кассирша. Она послала за адвокатом.

— Это вы, комиссар? Догадываюсь, что вы перегружены работой. Вы его нашли?

— Кого?

— Мосса. После полудня я ходил в кино и все понял. Вам не кажется, что конфиденциальная беседа с глазу на глаз была бы для нас обоюдовыгодной и взаимопользней?

Это просто счастливое совпадение. Совсем недавно, сидя в машине, Мегрэ размышлял о чемодане. И вот, пока он разговаривал с Лиотардом, в кабинет вошел именно маленький Лапуант.

— Вы с друзьями? — спросил комиссар у Лиотарда.

— Это не важно. К вашему приезду я от них отделаюсь.

— Это ваша подружка?

— Да.

— Никого больше?

— Есть тут кое-кто, кого вы не очень-то любите, не знаю уж почему, но который очень переживает из-за этого.

Это Альфонси. Наверняка они вчетвером: двое мужчин и две их подружки.

— У вас есть терпение ждать меня, даже если я немного задержусь?

— Я буду ждать вас так долго, как вы захотите. Сегодня — воскресенье.

— Скажите Альфонси, что я хотел бы видеть его тоже.

— Он будет в восторге!

— Тогда до встречи.

Он плотно прикрыл обе двери кабинета и остановил на пороге Лапуанта, хотевшего из скромности ретироваться.

— Ну-ка, иди сюда. Садись. Ты пытаешься найти свой путь в полиции, не так ли?

— Я сам не знаю, что я пытаюсь делать.

— Ты совершил глупость, слишком разболтавшись с первых дней, и это повлекло такие последствия, о которых даже не подозреваешь.

— Я прошу прощения. Я был так уверен в своей сестре.

— Хочешь себя испытать в трудном деле? Постой! Не спеши с ответом. Речь идет не о блестящей акции, после которой твое имя появится в газетах. Напротив. Если ты преуспеешь, то кроме нас двоих об этом никто не узнает. Если ты потерпишь неудачу, я буду обязан отречься от тебя и заявлю, что ты усердствовал вопреки моим инструкциям.

— Я понимаю.

— Ничего ты не понимаешь, но не в этом дело. Если я сам приму участие в этой операции и провалюсь, то под сомнением окажется вся полиция. Но ты тут новичок и пока ничего из себя не представляешь.

Лапуант сгорал от нетерпения.

— Месье Лиотард и Альфонси в настоящее время находятся в "Пивной у Негра", и ждут меня.

— Вы собираетесь к ним присоединиться?

— Не сразу. Сначала я хочу наведаться на бульвар Пастера, и я уверен, что они не двинутся из пивной до моего прихода. Предположим, что я присоединюсь к ним через час или даже раньше. Сейчас девять часов. Ты знаешь дом на улице Бержер, где живет адвокат? Квартира на четвертом этаже, сразу налево. Поскольку там обитает немало особ женского пола, консьержка почти не следит за тем, кто с кем приходит и уходит.

— Вы хотите, чтобы...

— Да! Попытайся открыть дверь. Если даже останутся следы, особой беды не будет. Наоборот. Перетряхивать шкафы и бумаги бесполезно. От тебя требуется одно: убедиться, что чемодана там нет.

— А я об этом и не подумал.

— Так вот. Вполне возможно и даже вероятно, что его там нет, так как Лиотард — малый осторожный. Поэтому не теряй время. С улицы Бержер мчишь на улицу Дуай, где Альфонси снимает 22-й номер в теле "Массивцентральной".

— Понял.

— Поступишь точно так же. Чемодан, и ничего больше. Когда справишься, позвонишь мне туда.

— Я могу идти?

— Сначала ступай-ка в коридор. Я закрою дверь на ключ, а ты попробуй открыть. Спроси у Люка инструменты.

Лапуант справился неплохо, и через несколько минут он был внутри, весь светясь от радости.

Мегрэ прошел к инспекторам.

— Жанвье, ты свободен?

Телефоны продолжали звонить, но из-за позднего часа с меньшей интенсивностью.

— Я помогал Люка, но...

Они опустили вместе, и Жанвье сел за руль машины, принадлежавшей уголовной полиции. Четверть часа спустя оказались в самой тихой и малоосвещенной части бульвара Пастера. Своим спокойствием в этот прекрасный воскресный вечер тут все напоминало деревенскую окolicу.

— Пойдем со мной.

Они спросили скульптора по имени Гроссо, и их направили на седьмой этаж. Здание было старое, но вполне пристойное и заселено, по всей видимости, мелкими служащими. Когда постучали в дверь, шум спора прекратился. Пухлощекая девушка открыла им и посторонилась.

— Это вы только что приходили в мой кабинет?

— Нет, моя сестра. Комиссар Мегрэ? Входите. Не обращайтесь на беспорядок. Мы только что кончили обедать.

Она провела их в просторную мастерскую. Ее расписанный потолок был частично застеклен, и сквозь него виднелись звезды. На длинном, березового дерева, столе валялись остатки колбасы, стояла початая литровая бутылка вина. Другая девушка, как две капли похожая на ту, что впустила их, украдкой поправила прическу, а тем временем мужчина в велюровом пиджаке с преувеличенной торжественностью поднялся навстречу пришедшим.

— Рад приветствовать вас в моем скромном жилище, месье Мегрэ. Я надеюсь, вы окажете мне честь выпить с вами.

После того как старый скульптор покинул уголовную полицию, он явно нашел способ хлебнуть что-нибудь покрепче столового вина, так как говорил с трудом, и походка была неуверенной.

— Не обращайтесь внимания, — вмешалась одна одна из дочерей. — Это его обычное состояние.

Она говорила беззлбно, а брошенный на отца взгляд был ласковым, почти материнским.

(Окончание следует)

САПОГИ ВСМЯТКУ

САТИРА • ЮМОР

Уважаемые господа коллеги! Поскольку благодаря всем вам и нам сейчас наступила трудная жизнь, я, как и вы, хоть тоже не шибко грамотный, хочу внести свою лепту, чтобы жили мы еще лучше. По военному вопросу высказаться меня побудило то, что я имею к нему непосредственное отношение, поскольку не служил по состоянию здоровья. Как и многие из вас.

Очень хорошо, что вы хотите сокращать армию. Но вот тут у меня к вам и совет. Сколько нам надо военных, это надо решать каждый год по-разному. Если весной дожди и начало лета теплое, то надо побольше оставлять, иначе кто ж урожай убирать будет? Как-то надо с вулканами и землетрясениями вопрос уладить, а то неувязочка произойти может. Оно, конечно, иностранцы помощь окажут, но ежели свои на развалинах работать будут, то подешевле выйдет.

Еще, так понимаю, из дипломатических соображений исходить нужно. Есть, к примеру, по соседству с нашей деревней Заковырковка. Плохая деревня. Там мужики говорят, что заливные луга, которые слева по течению речки, ихние, а не наши. Но как же они могут быть ихними, если там травостой по пояс? Потому из дипломатических соображений хорошо бы разместить близ нашей деревни танковый корпус. Наши бабы бы солдат молочком поили, а заковырковцы сразу же попритихли бы со своими притязаниями.

Теперь — по секретной части. Несколько отрядов вот для чего нам держать надо. Ежели кто из политиков больших чего задумает совершить, а у него из этого ничего не получится, то хорошо бы, если бы у него под рукой были, говоря по-научному, козлы от-

пущения. Вот кто, мол, помешал, не понял, не поддержал, на кого растраты пошли. Военные, думаю, от этого не обидятся, они привыкшие, и потом, у них должны быть тяготы и лишения, за это они деньги получают. Да и опыт у них есть.

Когда мы с вами сократим всех остальных, останется куча бесхозного имущества, за которое простой народ нам скажет большое спасибо. Я тут посчитал кое-что, хорошие цифры получаются. Ежели все бомбы, что у нас есть, в тол перевести, то каждому по центнеру достанется. А что та-

кое тол в хозяйстве — не мне вам объяснять. Можно рыбу глушить, можно на апельсины и лимоны выменять. Или заковырковцев припугнуть, если те насчет заливных лугов не успокоятся.

Самолеты-заправщики вдоль дорог хорошо поставить вместо бензоколонок, походные кухни — туда, где столовые раньше были, танки — в фермерские хозяйства, чтоб и пахать, и угожья свои от конкурентов защищать, зенитки отдать в общество охотников, пушки и системы обнаружения поставить на границе с землями Заковырковки. Вдруг им по приватизации истребители или бомбардировщики достанутся, кто знает? Оно хоть и соседи, а если на землю нашу зарятся, то ухо надо остро держать.

Вот такая моя лепта в дело по военному вопросу, которое даст нам немалую выгоду. Особенно если вы учтете мои предложения насчет танкового корпуса, пушек и систем обнаружения.

С приветом — специалист Хренов.

Прапорщик Анатолий ЯГОДИН

В ЧЕТЫРЕ СТРОКИ

(загадочки)

Поклонников — отбоя нет,
И каждый цапнуть норовит.
А в результате — бледный цвет
И вообще потертый вид.

(ЛБВНКА РМКА)

Некто, посмотрев кругом,
Видя общий интерес:
— Я на улице — с умом,
Остальное время — без.

(МЛКМТ)

Нам сотрудничество впрок.
Возраженья вздорны:
Без хорошей пары ног
Не удержишь формы.

(СРЮКИ)

Прапорщик в отставке Петр ДМИТРИЕВ

РУКА

Хозяин лез ко всем с рукою,
Ее и друг, и недруг жал.
За поведение такое
Никто его не уважал.

Двуличье это оценила
Сама хозяйская рука:
В пожатиях не стало силы,
Душевности и огонька.

Как и хозяин сам,
Рука
Безвольна стала
И мягка.

ОПРАВДЫВАЯ ПОСЛОВИЦУ

Пословица гласит:
"С кем поведешься..."
Он оправдать
Пословицу старался
И, чтоб не опровергнуть
"...наберешься",
Он всякий раз и вправду
Набирался...

В МУЗЕЕ КЛАССИКА

Гляжу —
И не могу я надивиться,
Не в силах разум
Этого постичь:
Как он сумел
Пером домашней птицы
Создать шедевры,
Не сойдя на дичь?!

Давно в помине нет
Гусиных перьев,
Их заменить
Прогресс достойно смог.
Перо имею вечное
Теперь я!
За малым дело —
Нету вечных строк.

ЧЕРНЫЕ ДЕМОНЫ

БОЕВОЕ НИНДЗЮЦУ.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРУЖИЯ:
ПАЛОЧНЫЕ СРЕДСТВА,
МЕТАНИЕ СЮРИКЭНОВ

Уроки дает инструктор
рукопашного боя Р. Ронин

Одно из основных умений любого лазутчика — владение оружием. Профессионал обязан был знать боевые средства своих противников, различные школы обращения с ними, а также разрабатывать собственные конструкции, более соответствующие тайным аспектам деятельности, нежели прямому столкновению на поле брани.

По возможности оружие создавалось портативным и видоизменялось в зависимости от специфики планируемой акции, равно как и обыденные вещи модифицировались для применения в бою. Этому

учила одна из заповедей ниндзюцу: каждое движение противника воспринимать как атаку, а любой предмет — как оружие.

В обширном арсенале вооружения "невидимок" встречались снаряды, укрепляющие кулак (кастет тэкко, ладонная палочка конго), когтевое оружие (когтистые обручи тэкаги, накладные когти изкотэ), лезвийное оружие (укороченный меч ниндзя-то, нож танто, серп кама), гибкое оружие (цепочка с металлическими брусками кусари фундо, веревка с грузиками сурутин, длинный пояс оби), метательные снаряды (стрелы и разноформенные пластинки сюрнээн, игольчатые шарки игадама), стрелковое оружие (духовые, водяные и огневые ружья, портативный лук ханкю), химическое и биологическое оружие (ослепляющие средства мэцубуси, отравленные иглы докубари), комбинированное оружие (таящий в себе различные приспособления посох синоби-дэуэ, спаренный кинжал с веревкой и кольцом кеэцу-сеге).

И все же одним из основных прикладных оружий искусного лазутчика была палка. Отработав техники с ее различными образцами, можно хорошо подготовить себя к использованию любого продолговатого предмета как в защите, так и в нападении. Тренировочная модель — набор палочек, каждая из которых вдвое короче предыдущей и, кроме того, варьируется по толщине (ориентировочно — один, три и шесть сантиметров). Связано это с тем, что от данных параметров зависит базовый комплект эффективных техник, тогда как другие факторы — гладкость поверхности, форма сечения, вес, прочность материала — вторичны, ибо с учетом их всегда можно подобрать подходящий трюк из обширной палитры основных приемов. К слову сказать, для профилактики травм рекомендуется на каждом занятии работать со снарядами различного веса по отдельной схеме.

Кратко охарактеризуем эти оружия.

Шест бо. Длина — 180—240 сантиметров. В импровизированном варианте — кусок трубы, прут арматуры, лодочное весло, лыжа, стойка торшера и т. д. Работа идет главным образом при разведенном двухкистевом за-

хвате и включает в себя тычковые, выталкивающие и маховые удары, подсекания ног, блокирования оружия, удушения, комбинированные сковывания ("связывания"), использование снаряда как опоры в прыжковых ударах ногой, загребание и броски в лицо врагу грязи, пыли и прочего. Базовые техники этих приемов, включая "оживление" оружия, довольно известны и практикуются многими отечественными мастерами как в китайском, так и в японско-окинавском вариантах.

Посох ханбо — "половина шеста". Длина — 90—120 сантиметров. Заменяется палкой, прогулочной тростью, роликом обоев, зонтиком, хоккейной клюшкой. Хват оружия возможен как двумя, так и одной рукой. Здесь применимы и техники с шестом бо, и болевые воздействия на суставы и кости, причем отдельные броски и приемы могут выполняться в манере стандартных трюков дзюдо, джиу-джитсу и самбо. Тот, кто работает с нунчаку, найдет, что многие перехваты и махи вполне удобны и приемлемы в данном случае. При гладкой поверхности снаряда неocenены в связках удары со скольжением захвата. В качестве примера на рис. 1 приведена тройная атака из позиции мунэн мусо но камаэ, где первая атака — удар-выпад торцом оружия в гортань, вторая — боковой удар нижней частью палки в висок и третья — удар в голову со скольжением захвата книзу.

При работе с танбо (45—60 сантиметров) хороши удушающие приемы, а также щелчки кистью, выполняемые при обратном хвате (большой палец у ближнего торца). Интересен и хват одной рукой за середину танбо, допускающий применение техник как прямого, так и обратного хватов, что очень удобно в бою с несколькими противниками.

Оружие тэссэн (20—30 сантиметров) можно реализовать в подсвечнике, туфле, бутылке, сварочном электроде, свернутом в трубку журнале. В сущности, это обычная укороченная дубинка со всем ее многообразным репертуаром маховых, тычковых, блокирующих, бросковых и других техник. Здесь также возможен захват за середину, а укрепление руки размещением оружия вдоль предплечья нашло современную интерпре-

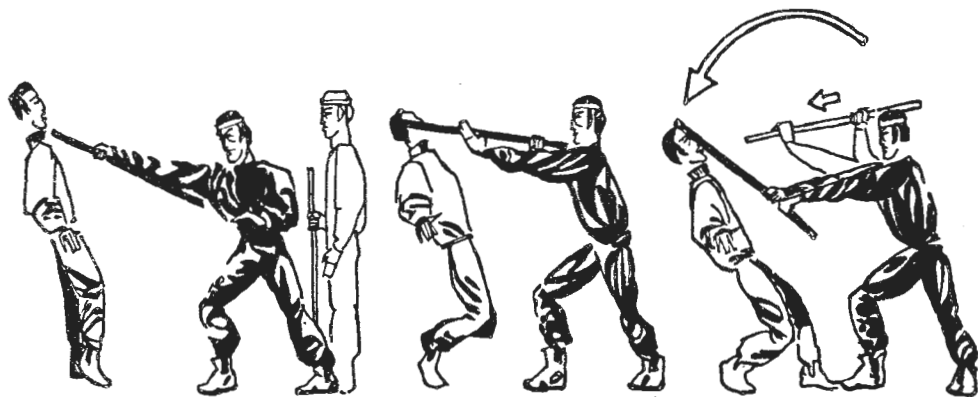

Рис. 1

тацию в железобетонных накладках, имитирующих гипсовую повязку на активной руке.

Одним из самых практичных "карманных" оружий в силу своей портативности (10–15 сантиметров) является ладонная палочка конго. Ее заменяют авторучка, карандаш, зубная щетка, гвоздь, ножницы, электрический фонарик, банка с пивом. Некоторые западные службы используют противозахватную модификацию явара и элегантную пластиковую палочку со связкой ключей — куботан.

Технический ассортимент этого снаряда довольно внушителен: в зависимости от толщины существует не менее десяти способов удержания, определяющих рисунок атакующих и защитных воздействий. В ударных вариантах используют движения, сходные с приемами каратэ; ущемлением между большим пальцем и оружием парализуют мышцы; прижатием палочки к запястью или локтю получают болевое воздействие, облегчающее бросок, а давлением на точки с левой стороны шеи нейтрализуют волю, чтобы раздобыть нужную информацию.

Особенно популярным тайным оружием ниндзя всегда были метаемые лезвия сюрикэн. Существовало две большие группы этих снарядов: продолговатые, круглые, граненые или плоские стрелы (бо-сюрикэн) и плоские многоострыйные пластинки (сякэн).

Стрелы (длина 10–20 сантиметров) могут быть обоюдоострыми. Техника метания их в сущности подобна технике метания ножа. При одноострийных стрелах важное значение имеет положение острия в кисти (к запястью или к кончикам пальцев), зависящее от расстояния до цели. В ходе тренинга определяют дистанцию для полуоборота, оборота и т. д. и, исходя из этого, сближаются с противником.

Цель должна быть образно-конкретной, а не абстрактной (не просто тыл шеи, а родинка в основании черепа). Бросок осуществляется с колебательным смещением тела и заблокированным запястьем. В конечной фазе рука как бы тянется по прямой линии к цели, что обеспечивает выскальзывание стрелы из кисти, как пули (а не крутящейся дробинки) из ствола ружья. Причем возникающее при этом ощущение очень специфично и позволяет самому оценить правильность выполняемых бросков. Осуществляют бросок обычно на выдохе, помещая в кусок летящего металла свой "дух". Для тренировки проще всего использовать 150-миллиметровые гвозди, острие которых перетачивают на более острый угол. Хорошими стрелами являются также слегка подправленные 3–5-миллиметровые круглые или плоские надфили.

Что касается хира-сюрикэн или сякэн, то классические модели — это довольно легкие

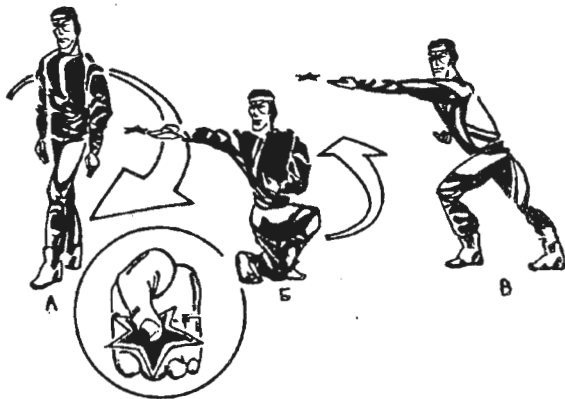

Рис. 2

(30–60 граммов) снаряды звездчатой, свастиковой или пилообразной формы диаметром 5–10 сантиметров и толщиной 1,5–3 миллиметра. В импровизированном варианте можно использовать монету, карманное зеркальце, бритвочку. Применяемые сегодня тяжелые заостренные пластины имеют значительно большую поражающую мощь, но слишком громоздки и бессмысленны для автономной и тайной миссии. Обычно ниндзя нес с собой пачку легких лезвий отвлекающего типа, эффективность коих обеспечивалась массивностью атаки, точностью поражения цели (глаза, виски, шея, запястья) и покрытием лезвия ядом, который мог быть естественным (ржавчина), подручным (лошадиный навоз) или специально приготовленным (зелье из пестиков хризантем).

Вариант неожиданного броска сякэн с винтовым скручиванием и раскручиванием тела показан на рис. 2. Количество таких приемов огромно, причем снаряд можно бросать как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскостях. Сюрикэн удерживают за одно из лезвий, в ладони, при различном размещении пальцев и т. д. Если при метании бо-сюрикэна вращение снаряда обычно (хотя и не всегда) сводят до минимума, то в случае с сякэн его зачастую увеличивают до максимума. Это, в частности, достигается смещением захвата к периферии и использованием кистевого щелчка, позволяющего осуществить мощный бросок пластинки почти незаметно. Запущенное таким образом лезвие режет подобно циркульной пиле цель и отлетает в сторону, не давая врагу возможности воспользоваться чужим оружием для своей атаки. В некоторых случаях, впрочем, используют и "атыкающую" манеру в стиле бо-сюрикэна.

Рис. А. ЛЯХА.

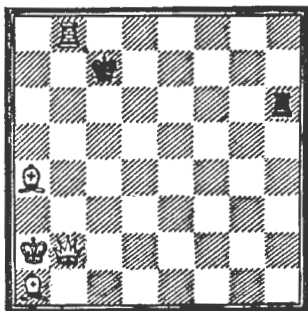
Гонорар за публикацию перечисляется в Фонд помощи военнослужащим внутренним войскам, пострадавшим в международных конфликтах.

Под редакцией
мастера спорта
А. Калинина

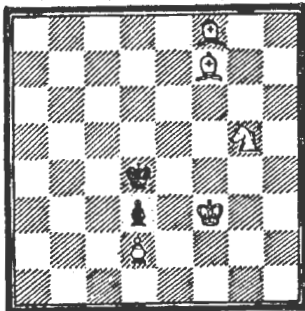
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МИНИАТЮРЫ

№ 13. В. Мойкин, 1973

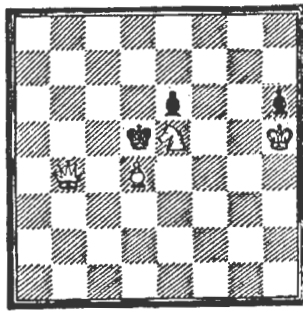
Мат в 2 хода

№ 14. А. Кременской
Публикуется впервые

Мат в 5 ходов

№ 15. А. Галицкий, 1893

Мат в 4 хода

Решения первых двух миниатюр несложны, но третья — настоящий "орешек". "Раскусить" его удастся только самым сильным. Попробуйте решить и вы узнаете, принадлежите ли вы к самым сильным.

КОМАНДНЫЕ ЧЕМПИОНАТЫ АЗИИ

Проводятся регулярно с 1975 года, стали уже традиционными. Девятый по счету чемпионат состоялся в 1991 году в Малайзии. За обладание почетным кубком сражались команды 18 стран. Победу одержала команда Китая, на втором месте Филиппины, третье и четвертое места разделили Индонезия и Бангладеш.

Комиссия ФИДЕ "Джоконда", о которой мы писали в журнале № 4—5, назвала две партии чемпионата самыми красивыми и присудила гроссмейстеру Е. Ронгуангу из Китая и международному мастеру Р. Родригесу из Филиппин "бриллиантовые призы". Приводим одну из этих партий.

Х. Хенгменг — Р. Родригес. Защита Аляхина. 1. e4 Kf6 2. e5 Kd5 3. d4 d6 4. Kf3 g6 5. Cc4 Kb6 6. Cb3 Kc6 7. a4 de 8. a5 Kd7 9. C: f7+ Kp: f7 10. Kg5+ Kpg8 11. Ke6 Fe8 12. K: c7 f7 13. K: a8 ed 14. 0-0 e5 15. Kc7 Kf6 16. Kb5 a6 17. K5a3 Cc5 18. Cg5 Ke4 19. Ch4 g5 20. f3 Kd6 21. C: g5 Fg6 22. Ch4 Ch3 23. Cg3 Kf5 24. Fd3 K: g3 25. hg Ce6 26. Kd2 Kb4 27. F: g6+ hg 28. Ke4 Ca7 29. Kf2 d3 30. c3 Kc6 31. Lad1 e4 32. fe Ke5 33. Ld2 Kg4 34. L: d3 C: f2+ 35. L: f2 Lh1+ 36. Kp: h1 K: f2+ 37. Kpg1 K: d3 и далее черные легко выиграли.

В будущих чемпионатах Азии ожидается участие некоторых республик СНГ.

ШАХМАТЫ — ИГРА НАРОДНАЯ

Старший прапорщик Н. Синельников из г. Бердска Новосибирской области прислал нам партию, игранную по переписке в турнире второразрядников, и сопроводил ее такими словами: "Проиграл я красиво, проигрыша не стыжусь, хороший урок на будущее". Посмотрите эту необычную партию.

Н. Синельников — С. Горохов. 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Kf6 4. Kg5 Cc5 5. K: f7 C: f2+ 6. Kpf1 Fe7 7. K: h8 d5 8. ed Cg4 9. Ce2 C: e2 10. F: e2 Kd4 11. F: f2 0-0-0 12. d3Lf8 13. Cg5 Kg4 14. C: e7 L: f2+. Белые сдались, мат в 3 хода очевиден.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

("На боевом посту" № 12 — 1991; № 2, 4—5 — 1992)

В окончании Kpf4, п. e7 — Kph3, п. h2 белые побеждают: 1. e8F h1F 2. Fh5+ Kpg2 3. Fe2+ Kpg1 4. Kpg3!

В окончании Kph1, Ff2, Cc3, пп. a3, c2, h2 — Kph8, Fh5, Ce5, Ce6, пп. a7, c6, h7 красивый мат в 3 хода: 1. Ff8+ Cg8 2. Ff6+! C: F3. C: f6X!

№ 5 В. Иванов. 1. Ca3 Kpf5 2. Cc1 Kpe4 3. d3+ Kpf5 4. e4X!

№ 6. А. Кременской. У белых четыре одинаковые попытки, решает одна из них: 1. Lb2? Lb1!, 1. Lc2? Lc1!, 1. Le2? Le1!, 1. Lh2! Lh1 2. Kf2! L: h2 3. Kc4 и 4. Kb6X! Правильно решили А. Лобанов, Н. Пеший.

000220—Е.К.

Мне 17 лет, рост 160, брюнетка, глаза карие, русская. Увлекаюсь музыкой, танцами. Умею готовить, люблю детей. Надеюсь на знакомство с хорошим парнем, желательно военнослужащим. 18—23 лет.

Елена.

000221—С.И.

В редкие минуты солдатского досуга иногда бывает так грустно, а на гражданке не осталось девушки, которая поддержала бы своими нежными словами. Служить мне в спецназе еще около года. Мне 20 лет, рост 187, крепкого сложения, вредных привычек нет и быть не может — до армии увлекался боксом, сейчас занимаюсь каратэ. И рад бы познакомиться с хорошей девушкой, но ограничивают стены казармы. Те, кто будет мне писать, — вышлите, пожалуйста, фото.

Сергей.

000222—О.В.

Мне 18 лет, рост 167, обыкновенная в общем девочка, говорят, симпатичная, но это для кого как. Характер у меня не сахар, и веселая и серьезная — в меру. В жизни не разочарована (и не собираюсь!), полна надежд встретить любимого человека, любить и быть любимой — скромное желание, да? Ну что ж поделаешь, у всех свои скромные желания. И

еще одно скромное желание — чтоб он был военнослужащим, пусть пока и срочной службы.

За публикацию одного объявления надо переслать почтовым переводом в наш банк 50 руб. (его адрес: 111250, Москва, Е-250, коммерческий банк "Лефортовский", р/с 340616, МФО 201207), затем текст объявления вместе с квитанцией оплаты направить в редакцию. Публикация одного объявления одновременно и в журнале, и в газете «Ситуация» стоит 100 руб.

За высылку адреса одного выбранного вами абонента таким же образом надо отправить в банк 20 руб., а письмо с заявкой и квитанцией — в редакцию.

Военнослужащие срочной службы платят за объявление 20 руб., за адрес одного выбранного абонента — 10 руб.

Заранее приносим извинения за то, что письма без оплаты услуг клуба рассматриваться не будут — слишком большие цены на почтовые отправления. Для более оперативного ответа вкладывайте в письмо конверт с вашим адресом.

Оля.

000223—Н.М.

Живу в одном из курортных городков юга Украины вместе с дочерью пяти лет (а мне 27, рост 170). Образование высшее педагогическое, работаю воспитателем в детском саду. Надеюсь, что откликнется военный человек, который сможет поддержать в трудную минуту, любящий детишек. Готова разделить с ним все трудности его военной жизни.

Наташа.

000224—М.К.

Мне 31 год, рост 170, русский, образование среднее, прапорщик лесного подразделения, разведен. По характеру спокойный, любимые занятия — рыбалка, охота. Хоть и тяжело одному, но все же держу подсобное хозяйство. Надеюсь, что откликнется девушка или женщина 27—33 лет, умеющая хранить и ценить любовь и верность. Постараюсь, чтобы она узнала, что такое настоящее счастье.

Михаил.

000225—Ю.Б.

Я уроженец Ростовской области, русский, 19 лет, рост 175, вредных привычек не имею. После срочной службы продолжу учебу в мединституте, моя мечта

— стать хирургом, чего, конечно же, добьюсь. Увлекаюсь современной музыкой, особенно нравятся Н. Гулькина и М. Джексон. Умею ухаживать за девушками. Девчата моего возраста, отзываться

Юрий.

000226—Г.П.

Самая большая моя радость — сын, которому уже 4 года. Но так получилось, что растить его мне пришлось одной, и трудно бывает без сильной и надежной опоры. Хотелось бы познакомиться с мужчиной 30—35 лет, военнослужащим, который бы смог нас полюбить. Мне 26 лет, рост 164, по характеру уравновешенный и спокойный человек, люблю театр, музыку. Если потребуется, согласна на переезд.

Галина.

000227—Т.К.

Мне 25 лет, рост 174, вполне привлекательная, веселая, общительная, материально обеспечена, имею неплохое жилье. Разведена, есть двое детей. Хочу познакомиться с мужчиной до 35 лет, желательно военнослужащим. Хотя пусть он будет и гражданским, лишь бы не пьянствовал.

Татьяна.

000228—Т.Д.

Симпатичный парень познакомится с красивой, стройной девушкой без вредных привычек,

которая захочет стать ему верной, надежной спутницей в жизни. Мне 23 года, рост 176, военнотрудовой, по национальности казах, жильем обеспечен, заочно учусь в институте. Родился в год Обезьяны под созвездием Девы. Если моя будущая знакомая жительница Алма-Аты или пригорода, согласен на переезд. Отвечу на серьезное письмо с фотографией.

Тлеуберген.

000229—И.К.

Мечтаю видеть своего избранника надежным, мужественным человеком, который сможет постоять за меня, с кем можно преодолеть все жизненные невзгоды — то есть военным! Мне 23 года, рост 170, стройная шатенка, по характеру человек неунывающий, умею вести дом, вкусно готовить! Скоро закончу педагогический институт, буду учить детей. Того, кого полюблю, постараюсь сделать счастливым.

Ирина.

000230—Т.М.

Живу в приволжском городе вместе с дочкой—второклассницей, разведена. Мне 33 года, русская, среднего роста, стройная, по профессии экономист, образование среднее специальное. Надеюсь, что откликнется офицер внутренних войск или армейский лет 30—40, ростом не меньше 180, любящий детей, с серьезными намерениями. Готова разделить все трудности дальних военных гарнизонов.

Таня.

000231—С.Д.

Стану верной и заботливой женой военнослужащему (возраст — 23—35 лет), верному, смелому и самое главное — доброму и уважительному, который сумеет помочь в трудную минуту, подскажет, как поступить. Мне 21 год, разведена, по гороскопу — Рак.

Светлана.

000233—Э.К.

Высокая, стройная татарочка, 19 лет, темноволосая, глаза карие, хотела бы встретить офицера или курсанта с добрым, веселым характером, рост не ниже 176, не старше 26 лет. Ценю в людях верность, надежность, преданность.

Элина.

000234—О.К.

Уверена, что в вашем клубе найду надежного для семейной жизни человека. Мне 32 года, рост 164, образование высшее, живем вдвоем с сыном. Жилплощадь обеспечена, но в случае необходимости согласна на переезд. Пусть откликнется добрый человек, желательно военнотрудовой.

Ольга.

000235—О.У.

Кареглазая симпатичная брюнетка (19 лет, рост 168) надеется найти свою судьбу в вашем клубе. У меня есть маленький сынуля, годик ему, и мы с ним одни. Хорошо бы нам написал письмо военнотрудовой 20—27 лет, который смог бы заменить моему маленькому отцу, а мне стал бы заботливым мужем. Остальные подробности при переписке или встрече.

Оля.

000236—Р.Б.

Учился в военном училище, имею также диплом горного инженера, а сейчас — офицер милиции. По гороскопу я — Дева и хотел бы познакомиться с девушкой, рожденной под этим знаком Зодиака. Мне 24 года, рост 172.

Р.

000237—Н.Ш.

Рыжеволосая сибирячка (20 лет, рост 168), родившаяся под созвездием Льва, неплохая хозяйка, интересная собеседница, надеется на встречу с серьезным,

интеллигентным молодым человеком (офицером или курсантом), выше среднего роста, который без предубеждения относится к женщинам—военнотрудовым и нуждается в любви, нежности и домашнем уюте.

Наташа.

000238—Е.Е.

Мне 27 лет, рост 172, стройная, приятной внешности, разведена, воспитываю маленькую дочку. По специальности медик, да еще подрабатываю музвоспитателем. В характере у меня, как и у всех, есть свои плюсы и минусы. Может, на мое письмо откликнется серьезный, порядочный мужчина, посвятивший свою жизнь военной службе, не приемлющий лжи, подлости, не злоупотребляющий спиртным. К трудностям отношусь с оптимизмом, а в человеке главным считаю внутреннюю красоту. Есть у меня жилье, но могла бы и переехать в любую "точку".

Елена.

000239—В.Д.

Я — лейтенант, живу и служу в Москве. Так сложилась личная жизнь, что вынужден был развестись — не было того счастья в моей семье, о котором мечтал. Мне 24 года, рост 167, по характеру добрый, отзывчивый, говорю, симпатичный. Хочу найти себе спутницу жизни от 19 лет и старше, которая любит детей и захочет стать доброй матерью и любящей женой.

Вадим.

ВНИМАНИЕ: Совет клуба "ВВ" напоминает: аннулированы абоненты 000028—Г.Т.; 000037—Н.К.; 000095—О.М.; 000096—М.К.; 000099—О.К.; 000241—В.Д. (публиковался только в "Ситуации").

Предупреждаем, что после сообщения о закрытии того или иного абонента администрация клуба его адрес больше не высылает.

ЖУРНАЛ «НА БОЕВОМ ПОСТУ»-93

- Патрульный и правонарушитель; часовой и осужденный — извечное противостояние. Как оно выглядит у врат рыночной экономики? Зона после перестройки: "демократический, беспредел или беспределная "демократия"? Бывшие сослуживцы из бывших братских республик бывшего Союза — соратники или зарубежные коллеги? **ТОЛЬКО ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»** получают исчерпывающие, объективные ответы на эти и многие другие вопросы!
- Сегодняшние проблемы внутренних войск и взгляд в их будущее — об этом на страницах журнала расскажут видные публицисты и военные журналисты. Вы узнаете о "людях риска" — легендарных "краповых беретцах", их действиях в борьбе с преступниками, поближе познакомитесь с сильными и мужественными парнями.
- Из литературных произведений вы прочтете на наших страницах остросюжетный детектив Я. ФЛЕМИНГА "Мунрейкер", повесть Ю. СЕМЕНОВА "Командировка в неизвестность", фантастическую повесть В. МИХАНОВСКОГО "Выстрел сквозь время", рассказы войсковых авторов.

**ВЫПИСЫВАЙТЕ ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ
«НА БОЕВОМ ПОСТУ»!**

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки "ПВ — МЕСТО" производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

ВЫПИСЫВАЙТЕ НАШИ ИЗДАНИЯ

Журнал внутренних войск "На боевом посту" издается с 1958 года, однако широко известен он стал массовому читателю с осени 1990 года, когда поступил в свободную продажу. Сегодня это – военно-публицистический и литературно-художественный журнал внутренних войск МВД России.

С 1990 года издается и приложение к журналу – газета "Ситуация".

Журнал "На боевом посту" издается ежемесячно. Цена одного экземпляра – 12 рублей. Квартальная подписка стоит 36 рублей, полугодовая – 72 рубля.

"Ситуация" выходит четыре раза в месяц. Цена одного номера – 2 рубля. Месячная подписка стоит 8 рублей, квартальная – 24 рубля, полугодовая – 48 рублей.

Если вы еще не подписались на наш журнал и приложение к нему, поспешите в ближайшее почтовое отделение и вам будут доставлять их на дом.

Индекс журнала "На боевом посту" – 70610.

Индекс газеты "Ситуация" – 50157.

НАДЕЕМСЯ ВИДЕТЬ ВАС В ЧИСЛЕ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
"Союзвечать"

АБОНЕМЕНТ на газету **70610**
журнал (индекс издания)

(наименование издания) **На боевом посту** Количество комплектов

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

№	место	д. т.	на газету журнал 70610 (индекс издания)
---	-------	-------	---

(наименование издания) **На боевом посту**

Стоимость	подписки	руб.	коп.	Количество комплектов:
	перевязки	руб.	коп.	

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия инициалы)

925

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

Постоянные читатели журнала "На боевом посту", вероятно, знакомы с "Охотником", периодическим изданием Всесоюзного охотничьего общества. Несомненно, есть и такие, которые слышат о нем впервые. Однако если те и другие приверженцы охотничье-рыболовного спорта собираются взять в руки ружье или удочку, то, надеемся, их заинтересует, каким будет журнал "Охотник", в 1993 году.

Публикуемая ниже под-

борка в определенной степени отвечает на этот вопрос. Добавим только, что все 6 номеров будут иметь цветную обложку и вклейку, а также черно-белые фотоснимки, рисунки. Значительное место займут литературные произведения, материалы из жизни коллективов военных охотников, охотничьих хозяйств и домов рыболова, по биологии зверей, птиц, рыб, по охотничьему собаководству, советы умельцев по всему спектру

охотничьих и рыболовных увлечений. Реклама расскажет о новинках в области охотничьего оружия, боеприпасов, снаряжения, рыболовных снастей и др.

Подписаться на журнал можно в почтовых отделениях связи. Практикуется и коллективная подписка. Цена номера 12 рублей 80 копеек, а полугодовая 38 рублей 40 копеек. Индекс 70688.

Редакция "ОХОТНИКА".

ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ

Так с полным основанием можно назвать борзых охотничьих собак, ведущих родословную с древнейших времен. Их предназначение — узреть, догнать и словить зверя — зайца, лисицу, волка. Собаки побеждают их главным образом скоростью. Борзые — значит быстрые. Они могут развивать скорость до 100 километров в час, примерно 28 метров в секунду — не всякий ветер за ними поспеет. Из всех животных в скорости с борзыми может потягаться разве что гепард.

Прежде держали псовые охоты, состоящие из стай гончих и борзых собак. Первые выгоняли зверя из лесных островов, оврагов в поле, где охотники на лошадях верхом поджидали его с двумя-тремя борзыми на своре и добивали. В романе "Война и мир", Лев Толстой с высочайшим мастерством и подлинностью описал волнующие сцены такой охоты.

Сегодня с борзыми охотятся пешком, реже в двухколках, санях, верхом. Обычно с одной собакой. Рабочие качества борзой лучше всего проявляются в лесостепной, степной, полупустынной местности — есть где разбежаться.

В нашей стране держат такие породы: русскую псовую борзую, хортую, русскую степную борзую, а также та-

ОБГОНЯЮЩИЕ ВЕТЕР

зы и тайган (среднеазиатские). У каждой свои особенности.

Для среднеазиатских борзых характерна способность бежать на большие расстояния, резво преследуя дичь. Они могут, используя чутье, самостоятельно разыскивать зверя, поднимать с лежки и догонять. Эти особенности высоко ценятся охотниками.

Стазы охотятся на зайцев, лисиц, диких кошек. А с тайганом добывают, кроме то-

го, волков, архаров, козорогов, иногда сурков.

В наше время крайне трудно держать борзых в городских квартирах, сохраняя их высокие охотничьи качества, работоспособность. Однако для истинных любителей этой породы нет преград — ухитряются и получают огромное наслаждение от общения с этими замечательными собаками и дома, и на охоте.

Полковник в отставке
К. ОГЛОБЛИН.

РЫБЫ НАШИХ ВОД

ГУСТЕРА

С наступлением осени нередко рыболовам в качестве трофеев достается рыба, настолько похожая на небольшого леща, что многие малоопытные рыболовы принимают ее за подлещика. Но если внимательно присмотреться к этой рыбе, называемой густерой, то можно обнаружить и отличия от леща. Это, прежде всего, красноватые брюшные и грудные плавники и более крупная чешуя.

Густера принадлежит к довольно обычным и многочисленным рыбам наших водоемов. Встречается в реках, озерах, водохранилищах и в проточных прудах. Держится на различных глубинах с песчано-глинистым и илистым дном, но предпочтение все-таки отдает довольно глубоким местам. Сильного течения избегает, часто ее можно встретить в заводях, затонах и старицах. Относится к мирным рыбам и питается большей частью различными донными организмами.

Обычный вес густеры — 100—200 г, но иногда в больших водоемах встречаются экземпляры весом до 1 кг.

Зимой своей активности полностью не теряет, даже в глухой период случается ее выуживать.

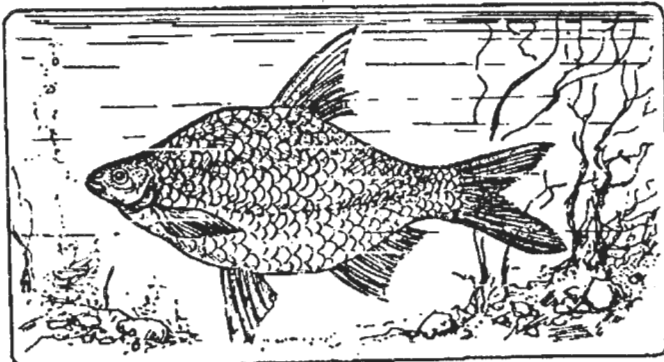
Добыча этой рыбы не отличается высокой спортивностью и трудностью, но любители ловят ее с удовольствием, особенно в периоды интенсивного клева. Нерестится густера в конце мая — начале июня, и практически весь май у нее — преднерстовый жор. Клюет хорошо на червя, мотыля, несколько хуже на насадки растительного происхождения. Лучшими местами для ловли в это время являются отмели с водной растительностью на солонцеке с глубиной нередко 1—2 м. В этот период

наиболее часто попадаются крупные экземпляры рыбы.

Летом клев густеры несколько ослабевает, да и ловится она уже в большинстве случаев на глубине. Заметно клев оживляется в начале осени, но не надолго. С похолоданием воды густера начинает собираться в косяки и уходит в довольно глубокие места.

Зимой при потеплениях стаи густеры совершают небольшие подвижки в поисках корма, а в продолжительные оттепели ее можно даже встретить на неглубоких местах.

Майор запаса
Ю. ЮСУПОВ.

РАССКАЗЫ У КОСТРА

Снег начался во второй половине дня и кончился только к рассвету. Я понимал, что при такой "мертвой" пороше можно рассчитывать лишь на случай, тем не менее оделся, взял ружье и вскоре оказался в лесу.

В лучах восходящего солнца снежинки отсвечивали алмазами. Дышалось легко и свободно. Настойчиво стучал в своей кузне дятел.

На просеке вылетели из снежных лунок два тетерева-косача, сели на нижние сучья березы, но, заметив меня, резко взмыли вверх и скрылись за верхушками деревьев.

Обошел несколько выруб, мелколесье, балку: "белая книга", безмолствовала — ни следочка. Закачивался короткий зимний день.

ПОМОГЛИ ПТИЦЫ

На опушке забрел в ельник. Здесь в трех метрах, подняв облако снежной пыли, "взорвался" из-под валежины заяц. От прогремевших выстрелов он только поддал ходу.

Раздосадованный торопливой, неудачной стрельбой, я спустился в устье овражка и, чтобы окончательно успокоиться, присел на ствол лежавшей осины. Вспоминая поднятого с лежки русака, отметил, что в беге и окраске у него были какие-то отклонения... Отдохнув, уже собрался было идти к дороге, как невдалеке тревожно застрекотала сорока, резко закричал дятел, потом

запищали синички-московки. Обычно так птицы ведут себя, когда их потревожит или человек, или зверь.

Гомон приблизился. Спрятавшись за дерево, стал ждать. Вскоре из зарослей выкатил заяц. И как только он оказался в пределах нормального выстрела, я нажал на спусковой крючок. Это был заяц-тумак, помесь русака с беляком. Отсюда и особенности, на которые я обратил внимание, когда он от меня удирал.

Так птицы помогли исправить допущенную оплошность.

Г. БЕЛОБОРОДОВ.

Известно, не балуют нас ныне магазины мясным и рыбным изобилием на своих прилавках. Но кто скажет, что любители охоты и рыбной ловли только затем сегодня и посвящают свой досуг путешествиям на лоно природы, чтобы наполнить домашние холодильники ее дарами, тот, как всегда, будет глубоко неправ. Не ради добычи – ради отдохновения от городской суеты и приобщения к красоте земной едут одержимые древней страстью в леса и на водоемы.

Фото Ю.КАММЕРА.

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

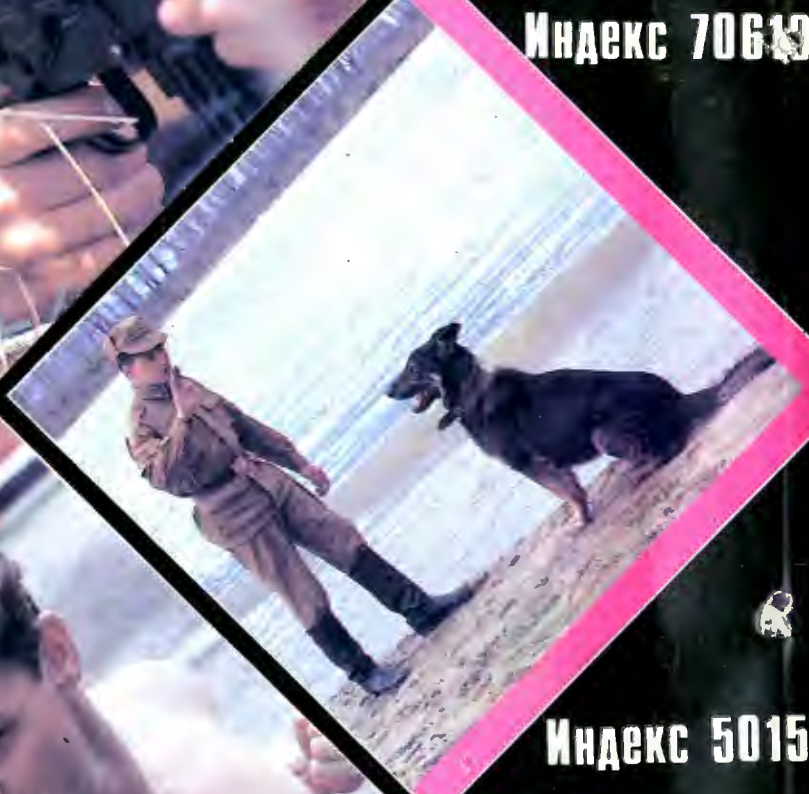

Вы подписались? —
ЭТО ПЛЮС!
У вас сомнения? —
ЭТО МИНУС

На боевом посту **БП**

Индекс 70643

'93

Индекс 50157

Ситуация

- Факты
- События
- Комментарии
- Происшествия
- Расследования

Только в журнале «На боевом посту» и газете «Ситуация» вы можете получить исчерпывающую информацию о внутренних войсках России, их истории, нелегкой и зачастую весьма рискованной службе, проблемах сегодняшнего дня.